

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

12

Орел – 2021

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

12

Орёл
2021

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

2021
№12

РЕДАКЦИЯ

Анишкин Валерий Георгиевич –
ответственный секретарь
Золотарёв Игорь Леонардович –
заместитель главного редактора,
ответственный за науку, литературную
критику
Васичкин Валентин Митрофанович –
отдел поэзии и краеведения
Тарабрина Зоя Федотовна –
заведующая редакцией

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Геннадий Веркеенко,
Валерий Анишкин,
Игорь Золотарёв,
Зоя Тарабрина

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Гусев Владимир Иванович –
доктор филологических наук, профессор (Москва),
Криволапов Владимир Николаевич –
доктор филологических наук, профессор (Курск),
Веркеенко Геннадий Петрович –
член Союза писателей России, профессор
Грачёв Иван Александрович –
Глава Мценского района,
Трунов Александр Сергеевич –
мэр г. Малоархангельска,
Гладкова Ирина Анатольевна –
директор Центральной городской библиотеки
имени Пушкина,
Травинская Жанна Анатольевна –
художник,
Котюков Лев Константинович –
поэт (Переделкино, Подмосковье),
Лютый Вячеслав Дмитриевич –
литературный критик (Воронеж).

ISBN 978-5-91468-173-6

E-mail: val_anishkin@mail.ru
igozolo@yandex.ru

ББК 92
УДК 3 (2)
3-80

Русское поле. Российский публицистический и литературно-художественный журнал. – №12: – Орёл: Писатели из Союза писателей России и Союза российских писателей. 2021. – 204 с. с иллюстрациями.

Журнал «Русское поле» создан по инициативе писателя Леонарда Михайловича Золотарёва творческими коллективами писателей области. Выход намечен по два номера в год. В публицистическом блоке выступают специалисты сельского хозяйства, видные работники культуры, историки, краеведы.

В литературно-художественном блоке свои лучшие произведения представляют орловские писатели и журналисты, а также авторы из других областей. Это очерки, проза, поэзия, литература для детей. Сюда же включается поэзия и проза уже ушедших писателей, память о которых жива в их произведениях, публикуемых в этом журнале.

ISBN 978-5-91468-173-6

12+

© Коллектив авторов, 2021

ВМЕСТО КОЛОНКИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**В ПАМЯТЬ О ПИСАТЕЛЕ**

Газета «Звезда», Малоархангельск.

В Малоархангельске на доме, в котором жил писатель Леонард Золотарёв, открыли мемориальную доску.

В этом городе вырос и творил член Союза писателей России, Союза журналистов России Леонард Золотарёв. С 1986 по 1987 год он был руководителем Орловской писательской организации Союза писателей СССР,

Дважды избирался депутатом съездов Союза писателей СССР.

За свою творческую жизнь Леонард Михайлович написал более пятидесяти книг: рассказы, повести, романы, стихи. В 1973 году в издательстве «Современник» Золотарёвым был выпущен первый сборник рассказов «Берестяные песни», за который он сразу единогласно был принят в члены Союза писателей. В последующем из-под пера писателя вышли сборники «Костровый пояс», «Мёд из подснежников», «Перепелиное поле», «Шептун-трава», «Чистые пруды», «Липа вековая», сборники стихов «Глаголы», «Остров любви», «Прометей», романы «Кормильцы», «Два пророка в своём отечестве», «Берегиня», «Храм Спасения Руси». Автор не забывал и про детей, для них он написал книги «Синие страны», «Зелёные стрелы», «Грибное счастье». Произведения Леонарда Золотарёва печатались в московских изданиях: журналах «Молодая гвардия», «Наш современник», «Литературная газета», Учительская газета», «Советская Россия». Он лауреат литературной премии «Вешние воды». В 2001 году литературные произведения Леонарда Золотарёва были включены в хрестоматию для средних школ и вузов «Писатели Орловского края XX век».

На митинге по поводу открытия мемориальной доски собрались представители организаций и общественности города, коллеги, друзья, соседи. С приветственным словом к собравшимся обратились глава г. Малоархангельска Александр Трунов, член Союза художников России Юрий Черкасов, писатель Валентин Васичкин. Они рассказали о творческом пути Леонарда Золотарёва, о сотрудничестве и дружбе с большим писателем. Людмила Серафимовна – супруга писателя поблагодарила всех присутствующих за память о муже. Сын писателя Игорь Леонардович прочитал стихотворение отца

Наш дом

*Враг отошёл, оставив пепелища.
Труба да печь, да дым над головой.
Ещё война, ещё осколки свищут,
Но надо жить и воевать с бедой.
Из блиндажа бревнина на бревнину
Не приподнять, как отощали мы.
Нам эту вот дубовую тесину
В простенок уложить бы до зимы.
До холодов, до школы – вот задача!
Мне в первый класс, и я уже большой.
Мать, бабушка и я (такая кляча!)*

*Везём свой воз – не силой, а душой.
 Да эту кладь не вывезла б и лошадь!
 Да лошадь что, она не человек.
 Не довоенный – чуточку поплоче,
 Да вот живём, на крышу валит снег.
 Когда стихи о снежной той пороше
 Впервые, так волнуясь, я писал,
 Подумалось, какой же он хороший,
 Наш дом, что сам возил, рубил, тесал.*

КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЁТСЯ...

«Орловская правда», 2 июля 2021

В Малоархангельске, на доме писателя Леонарда Михайловича Золотарёва, где он прожил детство, юность, а последние годы где была его творческая лаборатория, установлена мемориальная доска.

Леонард Михайлович был очень разносторонним, талантливым человеком. Писатель, журналист, поэт, драматург, а по образованию учитель русского языка, литературы, истории. Он автор более пятидесяти книг: «Берестяные песни», «Перепелиное поле», «Мёд из подснежников», «Чистые пруды», «Липа вековая», «Орловская лавра», «Храм Спасения Руси» и др. Лауреат литературной премии «Вешние воды», его произведения в 2001 году были включены в хрестоматию для школ и вузов.

На митинге, посвящённом открытию мемориальной доски, было сказано много хороших слов о Леонарде Михайловиче. Его вспоминали глава Малоархангельска Александр Трунов, художник Юрий Черкасов, писатель Валентин Васичкин, супруга писателя Людмила, сын Игорь, который прочёл очень трогательное стихотворение отца «Наш дом».

Леонард Михайлович Золотарёв умер в июне 2020 года, похоронен в Малоархангельске, на семейном кладбище.

ОТКЛИКИ О ЖУРНАЛЕ «РУССКОЕ ПОЛЕ»

Владимир Вещунов о журнале «Русское поле» №11

Доброе утро, Людмила! Спасибо за отзывчивость!

Да благословит Вас Господь на создание новых и новых номеров «Русского поля», на продолжение благого дела Леонарда Михайловича! Ибо 11-й номер являет образец достойнейшего русского журнала. До глубины души трогает его сердечная атмосфера. Это – встреча творческих друзей, среди которых зримо присутствует духовный наставник, светлый, родной человек – Леонард Михайлович.

Всего доброго! С уважением!

* * *

Владимир Вещунов

Здравствуйте, Людмила и Игорь! Поле Русское Орловщины – намоленное, духовное, литературное. Сродство с этим высоким духом – создателей журнала «Русское поле», его творческой семьи. Смотрю на лица фотогалереи... Спасибо вам за душевность!

Всего доброго! С уважением!

Валерий Доманский

Дорогие Людмила Серафимовна и Игорь Леонардович!

Хоть и запоздало, но примите наши с Ольгой Бодовной соболезнования. Понимаем, что горе неизбывное, но таков наш человеческий удел. Мы в этом году потеряли много нам близких людей, никак не можем отойти от мрачных мыслей и тревоги на сердце. Замечательно, что вы выпустили номер «Русского поля», посвященный замечательному писателю и гражданину Леонарду Михайловичу. Это надолго останется в памяти людей и в истории литературы.

Сожалею, что Вы не сообщили о Вашем горе раньше, я бы тоже посвятил что-то из моего творчества Леонарду Михайловичу. Сейчас очень важно, чтобы «Русское поле», вспаханное и засеянное Леонардом Михайловичем, плодоносило.

Обнимаю Вас и очень сочувствую. Ольга Бодовна присоединяется.

Валентина Порседда

Дорогие Людочка и Игорь, огромное спасибо за журнал (электронный). Вчера у нас были гости, делали разные приготовления, так что сам журнал ещё не успела посмотреть, только фотографии. Они – как подарок и как привет от Леонарда Михайловича. Это была чудесная идея – поместить его фотографии в журнале. Ведь он присутствует в нём, как вдохновитель и организатор, а для меня Леонард Михайлович – по-прежнему живой, но появилось большее понимание его предназначения и ощущение его творческой энергии, осознание его сильной и неразрывной связи с русской землёй. То, что появилась такая статья («Вечерний звон») о нём – не удивительно. Думаю, что у многих была такая мысль. У меня – тоже. Когда прочитаю её, напишу.

Кафедра французского языка назвала журнал уникальным.

Дорогая Людмила Серафимовна. Спасибо огромное за сообщение, великолепные фотографии и уникальный выпуск журнала!

Bonne suite de semaine.

*Северьянова Людмила Анатольевна,
доктор медицинских наук, профессор – г.Курск*

Дорогие Людмила Серафимовна и Игорь!

Дима и я очень благодарны вам за доброе внимание к нам, ваше поздравление с Новым годом, все теплые слова и, конечно, за столь неожиданный и дорогой подарок – журнал в память о Леонарде Михайловиче.

С радостью и грустью вспоминала этого увлеченного и доброго Человека. Мы с Вадимом любили ваши приезды к нам и неизменно связанные с ними воспоминания о юности, рассуждения каждого из нас о деле, которому служили.

Великое дело сделано Леонардом Михайловичем: и его книги, и очень Русский журнал.

Не могла оторваться от материалов, пока не просмотрела их полностью: такая теплая память о Человеке, столько замечательных, искренних слов и столько великих русских имен: Л.Н.Толстой, И.А.Бунин, А.П.Чехов... из современников – мой любимый Н.Рубцов, которого открыла для себя ещё в юные годы по первой книге его стихов, найденной в книжном магазине в Курске.

Сейчас приходится наблюдать принижение русской культуры, заметное во всех видах искусства и столь демонстративное в отношении русской театральной классики.

Очень хочется пожелать вам успехов в сохранении журнала с таким дорогим для нас названием – «Русское поле» – и преданностью всему русскому.

Здоровья, благополучия, увлеченного творчества! Игорю – новых произведений!

Искренне Ваша Людмила Северьянова.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БЛОК

ВАЛЕРИЙ АНИШКИН

Предваряя главу, следует пояснить, что книга эта об интеллигенции, вынужденной с трудом выживать в бурные, противоречивые и смутные времена перестройки, когда в пылу борьбы власть забывала о народе.

Отсюда и размышления о личности русского человека, о нравственном состоянии общества и о месте России в сообществе цивилизованных стран.

ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД НА НЕКОТОРЫЕ ВЕЩИ
(Глава из романа «Потерявшиеся в России»)

Алексей Николаевич сидел с Виталием Юрьевичем в его кабинете за бутылкой водки, отмечая со всей страной день кириллицы или праздник русской письменности. Они помянули просветителей славян святых Кирилла и Мефодия, причем поспорили, когда Алексей Николаевич вспомнил Байера, упомянутого Татищевым, который утверждал, что славяне до XV века не писали свою историю, а некоторые историки до сих пор считают, что мы до Владимира вообще не имели письменности, так как Нестор писал летопись через 150 лет после Владимира. Виталия Юрьевича это возмутило, и он стал доказывать, что кириллица могла быть известна россиянам еще до Владимира и доказательством тому являются книги для богослужения, которые нужны были первым христианам, и можно найти источники, из которых ясно, что наша церковь тогда уже пользовалась переводом Библии, сделанным теми же Кириллом и Мефодием. Разговор незаметно перешел на историю, когда Виталий Юрьевич коснулся темы падения нравственности, а Алексей Николаевич заметил, что параллели кризисного состояния современного общества нужно искать в событиях прошлого.

– Виталий, – сказал Алексей Николаевич. – Настоящее не может существовать без связи с прошлым. История развивается по спирали, и все повторяется в той или иной форме. К сожалению, история нас не всегда учит, иначе мы не совершали бы снова и снова те же ошибки, которые совершали наши предки. Мы часто слепы и не видим аналогий, которые возникают, стоит лишь внимательнее прислушаться к тому, что нам говорят летописи и документы древних лет... В XI веке Россия не уступала в развитии европейским державам. Наше государство имело законы, торговлю, многочисленное войско, флот, гражданскую свободу. А что стало несчастьем для России? Междоусобные войны, которые в течение пяти веков задерживали ее культурное развитие. Князья больше заботились о своем личном благополучии, а не об общем благе. Они захватывали земли, присваивали себе дань, которая собиралась для татар. Тогда Европа стремилась к просвещению, а мы стояли на месте¹. К XIII веку мы уже отставали от Запада, а нашествие Батые. В Европе улучшались нравы, чтилась учтивость и обходительность, а России было не до этого, она изо всех сил пыталась устоять перед

¹ Здесь необходимо отметить, что эпоха Крестовых походов, ставшая для европейцев историческим вызовом, стимулировала развитие знаний и технологий, а нам, чтобы воевать друг с другом, хватало дедовских мечей.

татаро-монголами² и выжить. А ведь еще было и Смутное время, и польско-шведская интервенция, и войны, и бунты, и революции. Известно, что после польской интервенции бедность России была настолько ужасающей, что сопровождавшие царя Михаила Алексеевича, первого Романова, призванного на престол, служилые люди шли в Москву пешком, потому что не могли купить лошадей: казна была пуста...

– Эти азы, Алексей, ты оставь для своих студентов, – перебил Виталий Юрьевич. – Я и так знаю, что мы – мученики. Ты мне лучше объясни, почему у нас процветает воровство, почему коррупция приняла такой страшный размах? Люди теряют человеческий облик. Сейчас убить человека проще, чем «Отче наш» прочитать. Нищих и беспризорных стало больше, чем во времена Дзержинского. И это притом, что президент и его команда ходят в церковь, отстаивают службу. Только, кажется, они не видят или не хотят видеть, что делается в стране... Мы ездим за границу, а ведем себя там, как дикари. Мы же изгои в ряду цивилизованных стран. Почему мы стали такими?

– А почему стали? Мы всегда были такими? – возразил Алексей Николаевич. – Ведь генетически мы мало изменились. Ты литературу знаешь лучше меня и, наверно, помнишь, что писал Белинский о России. Он писал, что Россия представляет собой ужасное зрелище, где торгуют людьми, и что в ней нет не только гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского характера...

– «А есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей», – закончил цитату Виталий Юрьевич. – Это «Выбранные места из переписки с друзьями»³

– Точно. И похоже, не так ли?.. А что касается того, что мы изгои, то мы никогда Европе были не нужны, и они нас никогда не считали своими. А мы мним себя Европой, все оглядываемся на Запад, и пытаемся слепо переносить западную культуру в русскую среду. Но не надо забывать, что мы больше Азия, чем Европа. Посмотри на карту. Хотя Екатерина II как-то и заявила, что «Россия есть европейское государство», иностранные путешественники свидетельствуют о другом. Сегюр⁴, например, посетивший Россию в Екатерининские времена, в своих записках писал, что когда он видел горожанок и крестьянок в кичках с бусами, в богатых поясах, в кольцах и серьгах, то думал, что попал на какой-то азиатский праздник. Сегюр также говорил, что в Петербурге можно было встретить просвещение и варварство, следы X и XVIII веков, Азию и Европу, скифов и европейцев, блестящее дворянство и невежественную толпу. Недаром же Наполеон сказал как-то: «Поскреби любого русского и из него вылезет татарин»⁵. А одежда купцов, извозчиков, слуг и мужиков напоминала скифов, даков, роксолан и готов, которые были когда-то грозными для Рима...

Алексей Николаевич замолчал, полагая, что дал исчерпывающий ответ, который вполне объясняет нашу поведенческую культуру, но Виталию Юрьевичу этого было недостаточно.

– Ну, это только особый взгляд на некоторые вещи, и с тобой можно соглашаться или не соглашаться, – сказал Виталий Юрьевич. – Но это не объясняет, почему мы такие?

– Для того чтобы осознать, какие мы есть и почему такими стали, нужно знать, какими мы были, – витиевато ответил Алексей Николаевич. – Давай-ка лучше выпьем, – предложил он, разливая водку по рюмкам.

2 Российское историческое общество предложило отказаться от термина «татаро-монгольское иго» в новом учебнике истории.

3 Об этой книге писали многие критики, литературоведы, философы. Большинство современников, равно как и потомков, подвергло ее уничтожающей критике

4 Сегюр, Луи Филипп (1753-1830), граф, фр. дипломат.

5 Происхождение фразеологизма истории ставят под сомнение.

– И какими же мы, по-твоему, были? – вернулся к своему вопросу Виталий Юрьевич, после того как они выпили и съели по бутерброду из черного хлеба с маслом и селедкой. – Вот в языческие времена древним славянам неведомы были ни лукавство, ни злость, они довольствовались малым. Летописи отмечают редкое гостеприимство славян, а двери домов не запирались. Это можно найти и у Карамзина, и у Соловьева. А славяне и славянки отличались целомудрием – не в пример сегодняшнему дню.

– Ну да, – согласился Алексей Николаевич. – Лаврентьевская летопись говорит: «...поляне свои обычаи имуть краток и тих, и стыденье ко снохам своим и сестрам...и к родителям своим, к свекровем и к деверям велико стыдение имеху, брачные обычаи имаху», то есть заключали браки.

– Всю Лаврентьевскую летопись наизусть помнишь? – усмехнулся Виталий Юрьевич.

– Всю не всю, но кое-что помню. На то я и профессор, – отмахнулся Алексей Николаевич. – Только ты говоришь о полянах. Но если поляне обладали какой-то культурой, то древляне, например, имели дикие обычаи. Летопись говорит, что они «живаху звериным образом, скотски, убиваху друг друга...и брака у них не бываше, но умыкают девиц...», то есть браки им были не знакомы, они просто похищали девушек. Такие же обычаи существовали у северян, родимичей, вятичей, которые, как и древляне, жили в лесах, как звери, сквернословили в присутствии родных и жили в безбрачии, то есть без обрядов. У тебя же есть моя книжица «Русь и ее самодержцы»? Почитай.

– Да читал я, Алексей, твою книгу, помню. Ты пишешь, что когда мы пригласили к себе править варягов и подчинились варяжским князьям, мы сохраняли свободу, важные вопросы решали на общем собрании, вече, а нравы того времени отличались простотой; правосудие основывалось на совести и обычаях племени, и мы заслужили славу честных людей в мирных переговорах и были добродушны настолько, что византийские императоры обманывали русских при любом удобном случае.

– Да, это так. Но славяне отличались также и жестокостью, которую отмечали летописцы, – заметил Алексей Николаевич. – Был, например, такой обычай, по которому дети могли умертвить родителей ввиду их старости и болезней. Хотя скажу в оправдание славян, что это была языческая Русь, и наши далекие предки освобождались от родителей, которые были тягостью для семьи и общества. Соловьев по этому поводу говорит, что такое поведение, приводящее нас в ужас, было обусловлено своеобразным понятием о сострадании, а не варварской жестокости. Преобладала практическая сторона: слабый считался несчастным человеком и умертвить его было естественным актом сострадания⁶.

– Алексей, но ты же сам пишешь, что это больше относилось к племенам западным, воинственным, которые не имели права оставлять слабых и увечных, не способных воевать, и что такие обычаи не отмечались у восточных славян, которые обходились с престарелыми и слабыми родственниками более человечно, а дети славилась своим почтением к родителям и заботились о них при жизни. И потом, жестокость российские славяне проявляли только в походах, а дома отличались добродушием, с пленными обходились дружелюбно, давали им возможность выкупить себя и вернуться домой или остаться жить с ними в качестве вольных людей.

– Действительно, – согласился Алексей Николаевич. – Своей нравственностью и простотой нравов языческие славяне могли производить на чужеземцев хорошее впечатление, но с тех пор мы сильно деградировали. Мы изменились.

⁶ Эти сведения спорны и скорее относятся к этнографическим культурам, которые принадлежат к дославянскому географическому ареалу.

– Да ты же сам сказал, что мы мало изменились, – возмутился Виталий Юрьевич. – Так мы изменились или нет?

– Не лови меня на слове. Я сказал, что мы генетически мало изменились. Но кроме генетической наследственности существует целый ряд других факторов, которые влияют на развитие общества. Геродот⁷, например, после посещения земель севернее Черного моря писал, что племена, которые живут в этой стране, ведут тот образ жизни, который им диктует природа. Историк Соловьев, соглашаясь с Геродотом, говорил, что замечание это верно и через несколько веков и что ход событий постоянно подчиняется природным условиям. А, кроме того, нравственное состояние общества зависит и от экономических отношений, и от законов, и от судов, а также от форм управления государством. Нравственность также связана с философией, политикой, идеологией, религией и т.д. Вот смотри, какая трансформация. Когда в начале XIII века Угедей послал своего племянника Батюя с трехсоттысячным войском покорять северные земли от Каспийского моря, он решил судьбу России на два с лишним столетия. Послы Орды и баскаки творили произвол в России и относились к нам как к слугам, с презрением. Русский народ унижался, и это заставляло людей хитрить, обманывать татар, а, обманывая татар, мы научились обманывать друг друга. Откупаясь от татар деньгами, мы становились корыстолюбивыми, забыли о гордости, перестали обращать внимание на обиды, у нас притупилось чувство стыда. Законом стала сила. Процветали грабежи и воровство. Дмитрию Донскому пришлось даже установить смертную казнь, которая до того времени была неизвестна древним россиянам. И если раньше можно было удержать людей от воровства денежным штрафом, то в XIV веке воров нужно было вешать. Татары ввели у нас чуждые для россиян телесные наказания: за кражу клеймили, за проступок перед государством секли кнутом. Злоба, страх и ненависть сильно изменили наши нравы. Кстати, с падения нравственности и начинается разрушение государства. Главной причиной падения Римской империи стало падение нравов и деморализация основного устоя государственности – семьи.

– Постой, постой. Но власть татаро-монголов не могла сильно повлиять на нашу культуру. По крайней мере, так считает Карамзин. Я знаю, что русские называли татарские обычаи погаными, и нам всегда были более близки византийские христианские обычаи.

– Все верно. Только Карамзин еще говорил, что время монголо-татарской власти на Руси «унизило самое человечество в наших пределах и на несколько веков оставило глубокие, неизгладимые следы, окрашенные кровью и слезами многих поколений»... И все же, не надо все валить на татар. Считается, например, что у татар мы научились угнетать женщин, торговать людьми, терпеть холопское унижение, брать взятки. Однако все это уже присутствовало у россиян и до татар. Вот тебе и генетика. Да и вообще, как ты верно заметил, кочующий народ не смог бы серьезно повлиять на нашу культуру и на наш быт. Историк Забелин⁸ говорил, например, что и варяжское вторжение, если дословно, «распустилось в нашем быту, как капля в море, почти не оставив следа» и что «сила нашего быта так велика, что и реформы Петра оказались во многом совершенно бессильными».

– Значит, если мы генетически остаемся неизменно прежними, то определенные мировоззрения, нравственные понятия, привычки, вкусы зависят от условий жизни и прививаются на всем историческом пути? Так?

– Совершенно верно. И потому в событиях прошлого можно найти параллели кризисного состояния современного общества. И в прежние века мы можем найти примеры диких нравов, которые проявляются и в наш просвещенный век. Де

7 Геродот (ок. 485 – 425 до н.э.) – «отец истории», грек. Написал историю греко-персидских войн.

8 Забелин, И.Г. (1820-1908), русский историк и этнограф.

Кюстин⁹, который посетил Россию в начале XIX века, писал о жестоких нравах русских. Он рассказывал, как какой-то курьер или лакей адъютанта императора стащил с облучка молодого кучера и избивал его в кровь. Прохожие совершенно не обращали на это никакого внимания, а один из товарищей кучера, поивший недалеко лошадей, даже по знаку егеря подбежал и держал его лошадь, пока тот производил экзекуцию. Избить среди бела дня на глазах у сотен прохожих человека до смерти без суда и следствия было в порядке вещей. А в цивилизованных странах в это время гражданина от произвола охраняло все общество. Иностранцы отмечали у нас и жестокость в обращении с животными. Обессиленных лошадей бросали издыхать, оставляя без помощи, а в Европе уже действовал закон против жестокого обращения с животными. А если говорить о нравственности того времени, то можно вспомнить рассказ де Кюстина¹⁰ об истории, которая случилась в монастыре и от того кажется еще более безнравственной. Один молодой человек тайно прожил в женском монастыре целый месяц среди монахинь. В конце концов, монахиням он надоел, и они, желая отделаться от него и боясь огласки, убили его, разрезали на куски и бросили в колодезь. Труп потом нашли... Олеарий¹¹ писал о нравах и быте россиян XVII века и тоже говорил о невоздержанности, грубости, пьянстве и безнравственном поведении русских.

– Читал я, Алексей и де Кюстина, и Олеария. Если ты цитируешь их по книгам «Россия глазами иностранцев», то там Олеарий с восторгом говорит еще и о простоте нравов и обычаях московитян того времени. И вообще иностранцев поразило своеобразие русской культуры и веротерпимость, которой не мог похвастаться Запад, а мадам де Сталь¹² не нашла ничего дикого в нашем народе. Она говорила, что русские извозчики не проходили мимо женщины, чтобы не поклониться ей, и что русские необычайно гостеприимны.

– Да я не спорю. Мы же с тобой не о том говорим, плохой мы народ или хороший. Мы пытаемся разобраться, почему мы такие?¹³ Правильно? Кстати, де Сталь тоже сравнивала русских с людьми Востока, т.е. с азиатами... Людей, Виталий, легко распустить. Вот дали нам волю, и все пороки человеческие полезли из нас, как тараканы из щелей.

– Да уж полезли. Славяне умертвляли стариков из милосердия, а сейчас внук убивает бабушку за то, что не пускает гулять до двенадцати, а дочь мать за то, что модные сапоги не купила; молодые отнимают пенсии у стариков, чтобы купить на нее водку и наркотики, – с горечью сказал Виталий Юрьевич.

– И все же, Виталий, при всем уважении к русским де Сталь говорила о кражах и о лжи, которая идет рука об руку с воровством, как об обычном явлении в России, и относилась это на счет невежества, которое ослабляет нравственные принципы.

– Зато твой Олеарий, видно, забыл о том, что жители Западной Европы тоже страдали многими из тех пороков, которые приписывались нам¹⁴. А разве не де Сталь сказала, что в русском народе есть что-то исполинское и обычными мерами его измерить нельзя, и что русский народ способен совершать великие подвиги? В нас всегда живет душа, которая полна загадок.

9 Кюстин, Адольф (1790-1815), маркиз, фр. писатель.

10 Де Кюстин считается источником не авторитетным, но другие источники подтверждают его отношение к культуре россиян того времени, хотя и не так категорично.

11 Олеарий, Адам (1591-1671) - путешественник. Описал путешествие в Россию.

12 Сталь, Анна-Луиза Жермен де (1766-1817) – фр. писательница

13 Здесь нужно иметь ввиду простую истину: нет критерия, по которому можно справедливо оценить и сравнивать Европу с Россией.

14 См. книгу М. Фуко «Надзирать и наказывать», где даны примеры вопиющей жестокости, характерные для общества цивилизованных европейцев.

– Ну, да. Героизм вместо нормальной повседневной работы. А тебе не кажется, что в этой твоей гордости за русского больше тоски по его былой силе, которая осталась в прошлом?.. И потом. Оставь ты этот заезженный и до дыр затертый миф про загадочную русскую душу. Ничего в этой душе загадочного давно уже ни для кого нет. Есть поведенческая культура, которую не понимает Европа и которая приводит европейцев в недоумение. Мы можем называть себя неординарными, особенными, иронизировать по поводу французов, немцев или американцев, но если посмотреть, как говорится, незамыленным глазом и снять этот вековой налет ложной самооценки, то картина получится нелицеприятная. Мы ленивы, бездеятельны и апатичны, мы не способны справиться с жизненными трудностями, мы теряемся в простейших ситуациях, не можем противостоять обстоятельствам и не находим ничего лучшего, как утопить свою несостоятельность в водке. И вообще, есть у нас, русских, такая особенность: загнать своей бестолковостью себя в угол, а потом героически из него выбираться. Где-то я недавно прочитал, что мы страшны верой в предков, хотя, то ли из-за смещения кровей, то ли так звезды расположились, каждый из нас сам является предсказателем, но мы свой талант спрятали за вуалью пьянства, воровства, ненависти... Зато нами легко управлять¹⁵.

– Ну, это ты перехватил, – неуверенно возразил Виталий Юрьевич. Он не ожидал такого поворота и даже растерялся.

– А ты возрази! Нашего человека в Европе боятся. Он вести себя там не умеет. Нам же ничего не стоит плюнуть себе под ноги, нахамить... А вообще в этом мире ничего не меняется. Как говорил Наполеон, география – это приговор. Меняется социальный строй, а название государства остается. Ну, был СССР, сейчас РФ, а нас как ненавидели и боялись, так ненавидят и боятся до сих пор.

– Может быть, – неохотно согласился Виталий Юрьевич. – Но нас можно понять. Теперь каждый школьник знает, как выметали из России всех тех, кого принято называть цветом нации. Один «Философский пароход» с высланными в 1922 году из России чего стоит! А это были те люди, которые как раз и являлись носителями культуры. И если говорить плакатным языком, они были умом, честью и совестью России.

– Ну, насчет ума мы можем быть спокойны, – подхватил Алексей Николаевич. – У нас на тысячу уехавших умных появилось две тысячи не менее умных. Если б мы только свой ум не пропивали!.. Сейчас из России тоже бегут. И это самые активные наши соотечественники, которым неуютно в родной России. И их никто не удерживает, потому что те, кто мог бы удержать, то есть политическая элита и госчиновники сами скоро удерут из России, а пока они приумножают воровством свой капитал, вывозят его за рубеж, а вслед за капиталом покидают Россию их дети, жены, родственники. Им Россия не нужна, и их уже давно с сегодняшней Россией ничего не связывает. Народ же безмолвствует. И мы по-прежнему унижены, забыты, одурачены и сбиты с толку, как и раньше.

Алексей Николаевич помолчал, словно собираясь с мыслями и уже спокойно, размеренным лекторским тоном продолжал:

– Население России сокращается почти на миллион человек в год. При нашей инертности мы можем раствориться в других национальностях. Восток медленно, но планомерно захватывают китайцы; возникающие тут и там мигрантские общины начинают быстро расти и завоевывают ключевые посты в бизнесе и власти. То есть, осуществляется «ползучий захват». В Москве мигранты чувствуют себя не гостями, а хозяевами. Русские подростки, объединенные в РНЕ и другие национа-

15 Здесь историк выступает в роли моралиста, что, казалось бы, не вяжется с темой спора, но нужно отметить, что текст всё же относится к художественному произведению, где автор даёт волю мысли.

листические организации, выступают против «иностранцев» с Кавказа и Востока, протестуя против их засилия. Хотя наивно думать, что с помощью избивания их темными подворотнями, удастся справиться с растущей армией мигрантов. В ответ эта армия выставляет своих «боевиков», еще более отможенных.

– А я думаю, что не так все страшно. Ты как историк лучше меня знаешь, сколько раз Россия на краю пропасти стояла, и ничего, вставала, возрождалась. Уж если мы не растворились за 250 лет татарского нашествия, то малочисленные кавказские или другие группы тем более не смогут оказать какого-то серьезного влияния на нашу культуру. Это укус комара.

– Если комар не малярийный. Кстати, китайцев сейчас больше, чем в XIII веке было татар.

– Ну не может великая страна вдруг взять и исчезнуть. Postnubilasol¹⁶, как говорили латиняне.

– Да нет уже великой страны. Ты тоже вспомни, что в веках гибели и империи и исчезали целые цивилизации. Не забывай, что наступает XXI век. Современный транспорт упростил передвижение людей по земному шару; информация, благодаря телевидению, стала доступной в любом уголке земли, а интернет соединил расы и континенты, еще более сблизив людей. Если раньше слова Киплинга «Восток – это Восток, а Запад – это Запад и никогда им не сойтись» звучала как аксиома, то есть считалась истиной, то теперь мы видим, как Восток активно и быстро проникает на Запад, неся свою культуру, обычаи и религию, и если пока представители неблагоприятного Ближнего Востока растворяются в культуре благополучного Запада, то это до поры, до времени. Фанатичный и агрессивный мусульманский мир настроен решительно и жестко. И уж поверь мне, Виталий, в новом веке мир изменится кардинально... А ты говоришь, Россия. Великой ей уже не стать, тем более, что она сама в одночасье развалилась. Времена империй прошли.

– Но мы богаты, – не сдавался Виталий Юрьевич. – Богаты нефтью, газом, золотом, алмазами. Неужели мы не станем жить так, как живут люди в благополучных европейских государствах!.. Придет новый президент...

– Да, Россия богата, – перебил Алексей Николаевич. – Иностранцев всегда поражало наше природное изобилие. Недаром немецкий дипломат Герберштейн отмечал, что «подобного богатства нет в Европе». Но изобилие, которое окружало нас на протяжении всех веков, сослужило нам плохую службу, наложив отпечаток на наше поведение и образ жизни. Мы привыкли получать, не затрачивая усилий. Отсюда и лень, и бесшабашность, и безалаберность... Нефть, в конце концов, кончится; президент хоть новый, хоть старый, а пока будет из той же «советской оперы»... из той же категории и власть, а народ – советский, хотя нам и говорят, что с развалом СССР «советский человек» кончился. В России нет, и в обозримом будущем не будет политика, который вдохновил бы нацию. Говоря правильные слова о реформах, демократии, рынке и новой России, политики, как кто-то писал в одной статье, на самом деле все еще латают советскую одежду. Мы надолго застряли между несостоятельным социализмом и блатным капитализмом. И мы до сих пор не можем понять, чем стал для нас развал СССР? Величайшей трагедией века или избавлением от коммунистической нелепости. У нас же все смешалось, как в доме Облонских: Карл Маркс и мумия Ленина, Лимонов и Ходорковский с Япончиком, Туркменбаши с Лукашенко, и лезущие изо всех дыр Кашпировские и Гробовые. Все в куче. Где герой, где злодей?.. Кстати, Европа тоже уже не такая благополучная, какой она нам иногда кажется.

– Что же нам и гордиться нечем? – вяло возразил Виталий Юрьевич.

¹⁶ После туч – солнце (лат).

– А вот по большому счету – нечем! Резко отрубил Алексей Николаевич. – Если у тебя спросить, чем ты гордишься, ты наверняка начнешь приводить примеры из истории или из советского прошлого. А действительно, чем гордиться? Тем, что мы, богатая страна с нищим населением, торгующая сырьем? Или тем, что я, профессор, получаю за свой труд копейки и хожу в потертом костюме? А ты знаешь, что на вопрос социологов из фонда общественного мнения «Какое чувство возникает у вас в отношении нашей страны?», сорок процентов ответили: «стыд», а российский флаг, гимн и герб в качестве символов новой России воспринимают лишь семь процентов.

На Западе основной патриотизм всегда заключался в собственном доме, семье, свободе, достойной жизни, а не в «безымянной высоте». Вместо того чтобы бороться с бедностью и воровством, нас опять потчуют лозунгом типа «Россия – наше отечество» и «Москва – город герой». Ни в Англии, ни в Америке никому даже в голову не придет вывесить на улицах растяжки типа «Великобритания – наша великая Родина»...

Алексей Николаевич замолчал. Молчал и Виталий Юрьевич. Он сидел насупившись. Ему было больно и обидно за себя и за Россию, которую он любил искренне и другой родины никогда для себя не хотел. Он ей всегда гордился и находил веские аргументы в защиту величия своей страны. Но сейчас он не мог возражать, потому что возражать было просто нечем. Это его мучило, и он страдал. Ему вдруг стало нехорошо. Тошнота подступила к горлу, и он стал сглатывать заполнившую рот слюну, потом налил из графинчика в бокал водку и выпил, с трудом протолкнув обжигающую жидкость в желудок. Поперхнулся, поставил пустой бокал на журнальный столик и сказал: «*Ibibene, ubipatria*¹⁷».

Алексей Николаевич исподлобья смотрел на друга и в голову лезли слова про гоголевскую тройку, только на вопрос «Куда же ты теперь несешься, русская тройка?» – опять не было ответа.

ВЛАДИМИР ВЕЩУНОВ

МАЛЬЧИК И ЛОСЬ

Рассказ

Хроменький... Вынимая из материнской утробы, ножку правую повредили, пяточку сдвинули... Порой мать горестно, со слезой, вздыхала, глядя на сына, как будто она была виновата: не уберегла!..

Заводчане Людмилу Николаеву уважали за надёжность во всяком деле. За душевность: людям мила. Работала крановщицей. Мостовой кран – механизм электрический. С ним остро держаться надо – током может шандарахнуть. И увечил он, и убивал. Такая опасная работа крановщиц сплотила. «Хорошие девчата, заветные подруги». Бригада их почиталась как самая работающая и самая дружная.

Выхлопотали Коленьке и ясельки, и садик. Торжественно вручали ему красочное приглашение на новогоднюю ёлку во Дворец культуры – со вкуснецким подарком Деда Мороза.

Хромота детсадишного Коли почти не замечалась. Подросток – ребятня шибко стала дразнить. Для заядлых обзывальщиков он был самой заманчивой целью:

¹⁷ Там хорошо, где родина (лат).

*Коля, Коля, Николай,
Сиди дома, не хромай!*

Дома не таился, но и шумных ребячьих игр избегал. Учитель физкультуры Владимир Михайлович, сам сухорукий, словно не замечал хромоты Николаева. И тот под добрым его приглядом прыгал и через «козла» не хуже других. И даже в сборной волейбольной класса играл.

Утренняя зарядка в пионерлагере начиналась с пробежки вокруг отрядного корпуса. Физручка всякий раз выдёргивала из цепочки бегунов Николаева и ставила в сторонке. И с каждым разом при такой пробежке он хромал всё заметнее. И с каждым днём отрядники дразнили его всё злее:

*Колька-косолытка
Бегает прытко:*

И Николаев сбежал из лагеря. Родных у Людмилы, детдомовки, не было. Податься бы Коле на лето к дедушке-бабушке. Да где их взять?.. На пустыре пропадал он в зарослях конопли и лопухах. Близкая подруга по работе Тоня предложила, чтобы Коленька погостил у её дядьки-лесника.

Привезли они его на займку, а там уже шебутились два архаровца, погодки, постарше Коли, – внучата деда Тимофея. На незнакомца они и внимания не обратили. Забавлялись с лосёнком. На тоненьких высоких ножках, с черносливными очами, Май походил на инопланетное существо. В саду резвился с мальчишками, носился с ними наперегонки. Меры в забавах с Маем они порой не знали, садились на него верхом. Ножки у малыша подламывались, и он плакал, как человеческое дитя. Но иногда и сам озоровал, обгладывая кору яблонь и груш. Тогда братцы шугали его, выдворяли из сада. И это чудо на ножках-былинках перемахивал через метровый забор. Когда Май в очередной раз покусился на яблоньку, Коля поманил его морковкой. Лосик, схрумтев лакомство, благодарно уткнулся бархатной мордочкой в добрые ладошки мальчика. Такая нежность вызвала у братцев зависть. Они сунули в ноги Маю радиоуправляемую пожарную машинку. Та заметалась меж его ног – лосёнок отскочил. «Водители» направили пожарку к нему. Он обнюхал её, цокнул по ней копытцем и отошёл в сторону. Она показалась ему неинтересной: не жук, не лягушка, пахнет неприятно. Пожарка налетела на него – и он долбанул по ней копытом. Красная железка, помятая, перевернулась пюзом кверху. Беспомощно посучила колёсиками и сдохла. «Пожарники» кинулись к ней, пытаясь «оживить». Но она оставалась неподвижной. Тогда мальчишки набросились на лосёнка с кулаками, с пинками. Перебили ему ножку. Коля подхватил израненного малыша, уволок в сарай, забился с ним в углу. Со слезами баюкал, утишая боль Мая. И свою...

В объятиях мальчика дрожащий лосёнок затих. И вдруг вырвался из рук и вскочил в открытую дверь. Его и след простыл...

Вернулся с кордона Тимофей. В плащ-палатке, в броднях, звероватый бородач. Обычно его за версту чуял и встречал лосёнок.

– А где Май? – Он отворил калитку, снял с плеча дробовик, прислонил к пряслу.

– В саду бегаёт! – подсунулись к нему братцы-кролики и затараторили, вешаясь к деду на шею: – Деда, а деда, а меня всего комары искусают, а Шурке ничего! – пожалился младший, Витёк. – У него, видать, кожа крокодила.

– Чо ты несёшь, у меня тоже волдыри чешутся! – огрызнулся Шурка.

– На тебя отборный отряд напал, – не унимался Витёк. – Обыкновенные твою шкуру не прокололи бы.

Суровый дед разомлел было от развесёлых деток, да всё-таки насторожённо повёл головой:

– А где ваш дружок Коля?

Насупились:

– Он нам не дружок!

– Та-ак!.. – мрачно протянул Тимофей. – Ясно, что пасмурно.

Он нашёл Колю у ручья. Мальчик бултыхал кепочкой в журчащем ручье и не заметил деда. Направился к муравейнику и осторожно положил мокрую кепку на рыжевато-бурый холмик. Муравьи миглом облепили её. Подождав немного, Коля бережно стряхнул их. Пахучей, с кислотцей, кепкой принялся натирать лицо, шею, руки. Старый лесник ахнул: мальчик использовал древний способ избавления от гнуса и комаров! Кровососы не выносят запаха муравьиной кислоты.

– Ты где про это узнал, малыш?

На «малыша» Коля набучился и буркнул:

– В книжках.

– Ну и ну!.. – удивлённо покачал головой Тимофей.

Мальчик, смягчившись, объяснил:

– Это Май – малыш. Теперь комары мне нипочём. Пойду искать его. Мы его обидели, малыша. Хромой он. Как я.

Горестно вздохнул дед Тимофей, приобнял мальчика:

– Не ищи его. Он к мамке ушёл. Она и вылечит. А я пойду удостовериться, что Май дома у себя.

Старик дружески хлопнул Колю по плечу, надел на плечо ружьё и углубился в чащу.

Вернулся в сумерках. Мальчик ждал его у калитки.

– Всё в порядке, Николай! Вся лосиная семья в сборе. Облизывают Мая, радуются. Он уже почти не хромает. Резво бегаёт. Да, всё в порядке...

Как-то неуверенно произнёс дед Тимофей последние слова, но мальчику хотелось верить в лучшее.

Лукавил старый лесник. Не отыскал он Мая. Был бы Вулкан... Или сука-волчица сманила, или волки задрали.

* * *

Русичи созвездие Большой Медведицы величали Лосем. Млечный Путь образовался при погоне небесных охотников за Лосем. Он уносил Солнце в Небесную Тайгу.

Таёжные охотники представляли Солнце в виде гигантского Лося. За день он пробегал по всему небосклону, к ночи погружался в бесконечное подземное море. Потому и нарекли пращуров лесного великана – олсь. Оранжевый, солнечный. Таким появлялся на свет детёныш сохатого. К двум годам лосёнок преображался в могучего гиганта. Зверь! Так с почтением называли лося таёжные жители Приволжья – мещера.

Зверь, а нравом добродушный, как и все сильные. Взрослые лоси не приручались. Лишь однажды, благодарный за спасение, сохатый остался у человека. Тот спас его, тонущего, затёртого льдинами, израненного, при переправе через реку во время ледохода.

Лосята же с первой кормёжки привязывались к кормильцу. Бывало, стойбище лесной мещеры возвращало целое лосиное стадо. Бытование лосей в укладе жизни таёжников отображалось на наскальных рисунках. Вот наездник на лосе; ездок в упряжке погоняет рогатую «лошадку». Сохатый при вспашке тянет соху, один

пахарь ведёт его на поводу, другой за сошкой. Лосиное пастбище под приглядом пастуха. Возвращение стада в загон.

Лосей и без пастьбы выпускали в тайгу. Они не дичали, возвращались в усадьбу.

Неприхотливые, выносливые, были незаменимы в заболоченной тайге, в труднопроходимых местах, в распутицу. Их запрягали в сани, в телеги и повозки. И даже в двуколки – катать падких на экзотику городских барышень.

Покладистые работяги-«мужики» и кормилицы многодетных семей – крепкая подпорка хозяйского уклада. Самки легко привыкали к дойке. С мая по сентябрь одаривали волшебным молоком хозяев. И здоровьем! Питательное, целебное – подлинный дар природы!

Много ещё других благ сподобились люди получить от лосей. Дети, общаясь с рогатыми «коняшками», становились добрее и приглядчивее к природе. Ребяшня играла в лосянку – в бабки из лосиной щиколки. В новомодные времена щеголихи красовались в эластичных чулках в облипку – лосинах. Лосятина почиталась у таёжников как целебная, придающая силы.

Но за всё хорошее человек платил лосю чёрной неблагодарностью. Алчный, в погоне за наживой устраивал засады у солонцов, чтобы раздобыть рога в «бархате». Пара пантов – и разгуляй-малина цельный год! Солонцы у зверовщиков переходили по наследству из поколения в поколение. И только тайга знает, сколько человеческой крови пролилось за владение «добычливыми» зверовыми солонцами.

Предание рассказывает, что к охоте на лосей пристрастился и государь Иван IV. Обучил его охотничьим премудростям молодой лосятник. В ту пору в нижегородских лесах властвовали благородные и храбрые лоси-сохатые. Их мясо придавало русскому воинству необыкновенную силу и отвагу. Потому взятие Казани русским царём в 1552 году было столь успешным. И повелел Иван Грозный изобразить на гербе Нижнего Новгорода – лося. Сие повеление в 1666 году подтвердил указ царя Алексея Михайловича: «Печать Нижегородская, на ней лось ступает». Однако в 1781-м Екатерина II заменила на гербе Нижнего неприглядного, на её утончённый, европейский взгляд, лося на грациозного оленя: «В белом поле красный олень, рога и копыта чёрные». Так символ силы, благородства, победы, отражающий дух Нижнего Новгорода, по прихоти императрицы был заменён на «изячный». Наружностью не вышел. Екатерининские вкусы совпали с индейскими – племени апачи. Краснокожие считали лося грубым и глупым. Так же утверждали и некоторые просвещённые учёные-зоологи вроде Альфреда Брема.

Устоям дедов и отцов остались верны жители Нижегородья – посёлка Шаранга. Они сохранили на поселковом гербе – лося.

В Выборге в 1928 году поставили памятник лосю. Заблудились охотники в лесу, заколели, обессилели. Истощённых, немощных окружила волчья стая. Казалось, гибель неминуема. Отважный лось отбил хищников от людей, но сам погиб. Воину-спасителю и возвели памятник благодарные люди.

Воин... Не раз «призывали» сохатых в армию. Рога ветвистые – копыта быстрые. Бежит шибче машины. Отменный пловец. В коннице Будённого воевал особый отряд: всадники – на лосях. Он действовал в болотистых местностях севера Украины и Белоруссии. Опыт будённовцев сгодился в советско-финской войне. Наши бойцы на лосях вызывали панику среди финнов: русские заключили сделку с духами леса.

Шведы пытались создать подобную лосиную «кавалерию», но отказались от этой затеи: лоси не пригодны для военных манёвров.

Лосеводы же шведские оказались весьма предприимчивы. Великан вегетарианец съедает в год семь тонн растительной пищи, в основном древесину. И калится

весьма прибыльно для хозяев: в лосином помёте – много целлюлозы. Вот и наладили тамошние эколожцы производство экологически чистой бумаги из драгоценного помёта «Moose poop».

Русичи издревле разводили лосей. Цивильная Европа уже в XVIII веке повыбила сохатых напрочь. Теперь медленно восстанавливает их поголовье. В лесах России обитают полтора миллиона этих благородных животных. С 1934 года у нас в стране заповедники содержали лосиные питомники. Селекционеры разводили племенные породы домашних лосей. Ныне селекционная работа утасла.

* * *

В «Юном натуралисте» Коля прочитал о лосиной ферме, о «детских» яслях для лосиков. И не мог вообразить, как из махоньких крошек могут вымахать гигантские сохатые с мощными корневищами на голове. Как будто доисторические животные времён мамонтов и динозавров. Вот бы побывать на лосеферме, полюбоваться на «первобытных» великанов! А может, волшебное лосихино молоко ножку бы вылечило?.. Вот бы порезвился с лосятами!.. Размечтался...

И всё-таки здорово повезло! У деда Тимофея погостил, с лосёнком Маем познакомился.

* * *

Как бы стодилось лосиное молочко для сохранения жизни Людмилы Николаевой! Тяжко увечило её, крановщицу мостового крана. Быстро зачахла.

Коля не понимал смерть матери. Мама была всегда, и должна быть всегда! И отрешённо взирал на похоронные хлопоты. Как будто всё происходило где-то, может быть, в соседнем дворе...

И только тогда осознание небытия матери оледенило его, когда увидел её гробик. Он был почти детский. Как радовалась она всякий раз, когда прикладывала его затылок к ростомеру на дверном косяке: «Сына, да ты уже выше меня!..» Неужто он перерос её настолько?!..

Гроб поставили на табуретки под окна надземной её квартиры. Сердобольный и набожный кто-то в скрещенные на груди руки вложил иконку.

Коля вздрогнул. По тротуару зацокали знакомые каблучки – Верочки Босовской. И в толпе провожающих услышался её голос:

– Фи, икона-то!.. Того света-то нет! И Бога-то нет!..

Косноязычие Верочки вновь сгустило туман нереальности всего происходящего. В этом затяжном задымлении Коля никак не мог понять, что от него хочет тётя Тоня, самая близкая мамина подруга. Она хотела усыновить его.

– А мама?.. – поднял на неё недоумённый взор Коля.

Капля засверкала на ресницах доброй женщины.

Преодолев бюрократические крючкотворства, она собрала все бумаги, чтобы взять опеку над Колей. Завод, где работала Людмила Николаева, оформил пособие, какое положено при потере кормилицы. Оплачивал квартиру. На Новый год заводчане уже не билет на ёлку Николаю подарили – а модное пальто с шалевым воротником.

Когда же Коля отважился пересечь от Кози-Шулера к Босой, отхватил сравнительно типа «красавица – чудовище»:

*Кто же Верку полюбил?
Кто собою так хорош?
А хромой у нас один –
Культепятый крокодил!*

Она со снисхождением терпела его откровенные взгляды, ибо соседство хорошиста ей, слабенькой троечнице, было выгодно.

По литературе проходили «Героя нашего времени». И для седьмых классов города в кинотеатре «Красногвардеец» прокрутили «Княжну Мери». Впечатлительная Верочка возомнила себя лермонтовской героиней. Она была очарована игрой Татьяны Пилецкой в роли Веры. В её воображении витал образ красавца Вербицкого, сыгравшего Печорина. Она пытливо поглядывала на Николаева, пытаясь найти в нём черты лермонтовского героя. Даже согласилась не расставаться с ним после фильма. И он привёл её к себе. За чаем на взоры её он трагически спросил в печоринском духе:

- С тех пор, как я живу и действую, задаюсь вопросом: «Какую цель имеет моя судьба?..»

- Какую же?.. - печально и нежно вымолвила Верочка.

- Тут, Вера, с фатализмом надо разобраться. Помнишь, как Печорин спорил с Вуличем? «Вы нынче умрёте!» - сказал он ему. И поручика пьяный казак шашкой зарубил.

Верочка ойкнула, как будто об этом не читала и в кино это не видела.

- А помнишь, - продолжал Николай, - как сам Печорин уверовал, что на дуэли с Грушницким останется жив?.. Нет, Вер, я не фаталист. Если всё predetermined, всё расписано, значит, мы не можем распоряжаться своей жизнью. Не-ет!.. У нас есть воля, рассудок. Мы сами действуем. Возникла какая-то идея, и мы стараемся воплотить её в жизнь...

- Умненький ты, Николаев! - сухо обронила Верочка.

Эта холодность напугала его, и ему удалось растопить холод:

- «Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер», - траурно, «авторским» голосом, возвестил Николай.

Она овевала его нежным, увлажнённым взором. И он осмелился поцеловать её - в уголок пунцовых губ. Но и от этого, воздушного почти, прикосновения сердце его чуть не обмерло. Он уткнулся губами в её руки, сложенные «домиком». И она не отстранила его, погладила по голове. И позволила проводить до дома.

Они расстались почти как влюблённые. Постояли у подъезда, рука в руке, глаза в глаза. В онемевшей тишине...

Начались экзамены. Понадобились могучие усилия разума и воли, чтобы приземлиться после небесных парений над страной любви по имени Вера. От одного этого имени сладко перехватывало дыхание... Надо потерпеть! Отличиться ради любимой. Впереди царственные дни - с сиянием звёзд, с лёгкостью сияния зорь!..

Над билетами порой приходилось засиживаться допоздна. И тогда он падал на кровать без всяких мечтаний. Утренние взлёты с любимым именем на устах освежали. Свежесть необыкновенная в теле, лёгкость, сила!..

Блестяще сдана физика. Верочка изумлена его достижением и на каждый экзамен старалась попасть вместе с ним. И он тянул её, боязливо трепещущую. После каждой четвёрки она томно пунцовела и кокетливо поглядывала на него, освежая опухшими ресницами. Он млел от её чувства и видел себя и Веру в вихре вальса белой ночи. Долго тренировался. Даже тётю Тоню просил помочь. Мама с ней часто вальсировали дома «Осенний сон» под пластинку. Вовлекали Колю. Неплохо у него выходило, и хромота не замечалась. А тут «Школьный вальс»... Николай лёгок, изящен, чист и добр! Такого парня невозможно отвергнуть.

«Петух» красуется в его аттестате за «Образ Печорина». Завтра выпускной вечер!..

Да, идея стремится приобрести форму. И мечта осуществилась! Вот она - блистает никелем в прихожке! Заводчане своему подопечному в честь успешного окон-

чания седьмого класса подарили велосипед. Почти все дворовые пацаны катали на рамах девчонок. Теперь и он посадит перед собой Веруньку. Бережно прижмёт её хрупкие ручки на руле, ощутит прохладу душистых, развевающихся волос. Почувствует тепло её тела – и нежное прикосновение...

Километровый праздничный стол. Коля с Верочкой, как жених с невестой. Генка Козин подбадривающе подмигивает Коляну: вот-вот загорланит «горько». Перед ними красавец торт, напоминающий величественную пагоду. Коля изящно снимает с его вершины кремовую розу и галантно преподносит Верочке.

Школьный вальс! Обмерло сердце. Николай поднимается, чтобы пригласить Верочку. Встаёт и она.

– Позволь, Веруня, пригласить тебя на танец! – изысканным кавалером Николаем уверенно протянул ей руку.

Поджала губки, дёрнула обнажённым плечиком и в упор саданула в него ясным взглядом:

– Ты... ты, Коля, хороший конечно... Но какой из тебя, хро... – вальс?

А к ней уже подлетел набриолиненный прыщ Рублёвка. Она хлётко обвила его руками за шею.

– Из меня, из Кольки хромого – вальс?... – зачумлённо бормотал он, ещё не веря в косноязычие и черноту белой ночи.

Чёрная белая ночь. Сиреневая дурь. Черёмуховая зима. Осыпается... Со свистом ветра в ушах гонит он велосипед. Он сам – ветер. Чёрный ветер. И ночное пространство на разрыв...

Словно небесный кто-то заботливо приподнял над кладбищем краешек ночного покрывала: не омрачает ли что священный сон усопших?... Задержался мерклый свет: живая душа среди покоя, среди теней. Согбенная. Скорбная. Плачущая. На углой скамеечке в оградке возле памятничка-пирамидки под плакучей ивой. Мама!..

Какая сила во спасение принесла его на родную могилку?... Отрадно. Словно живая материнская рука смахнула все сыновние печали.

Первое дыхание любви. Робкие желания в стремлении взлететь. Порывы юного сердца. Образы, видения, миражи. Подчас пустые и горькие. И благодатные. Осознание приходит: в порывах волнительных не сыскать зачастую ответного эха. Поскольку нет глубокого рассуждения и понимания, и желаемое принимается за действительное. Обманываться рад.

Саша Герцен ребёнком лишился матери. И в двенадцать лет влюбился. Она была поразительной красоты. Когда смотрела на него, он терялся и не смел заговаривать с ней, лишь украдкой любовался ею. И никто не догадывался о его чувствах. Даже она. Вот это воля! Николай же обрёл её через страдания. Всё к лучшему! Муки любви ещё больше закалили его. Опомнившись после потрясения, он всё же потрясённо спрашивал себя: как осмелился ночью примчаться на кладбище? Не всякий мужик отважится на такое. Пронзительная боль душевная заглушила все страхи. Сможет ли повторить сей подвиг?

Александр Герцен, революционный «Колокол» которого разбудил всю Россию, в отрочестве избавился от пустых страхов. Летом с семьёй он жил в деревне. За их барской усадьбой возвышались курганы – древние воинские захоронения на месте сражений. Там находили ржавые боевые доспехи. Ночью, однако, сунуться туда никто не отваживался: не волков боялись, а каких-то духов. Саша высмеивал трусишек. Один из дворовых мужиков предложил насмешнику сходить ночью в эти проклятые места. И принести с кургана лошадиный череп, дабы не было обмана.

Пока Саша шёл по тропинке близ дома, для храбрости напевал песенки. Вошёл в тёмный лес, и ему стало страшно. Сердце забилося, ноги ослабели, он хватался за

ветки. И чуть было не воротился назад. Но пересилил страх. Дошёл до черепа, подцепил на палку и побежал домой. Мужики не шибко хвалили смельчака: повезло, де, в этот раз, что ничего не случилось. А он во вторую и в третью ночь сходил на курганы. И сердце уже не трепетало. Вот так проходят пустые страхи!

Саше в ту «испытательную» пору было всего двенадцать лет. А Николаю вот-вот стукнет тринадцать. Детские воспоминания Александра Ивановича Герцена подвигли Николая на второе ночное посещение кладбища. Да и маму захотелось навестить.

В первый раз каким-то образом баз всяких поисков очутился у родной могилки. Теперь же заплутал. Среди памятников-клиньев, корявого крестового сухостоя, среди невесёлого подростка «ёлочек»-пирамидок. А потом дремучие заросли бурьяна лесом встали на черед безродных могил.

Мрачно улыбнулся. Ринулся напролом, пробился с велосипедом сквозь бурьянную стену. А за ней – плакучая ива над маминой могилой. Прислонил велик к оградке, присел на скамейку. Тронул седую от росы прядь ивушки. Слово слезами оросила. Слёзы навернулись. Мама... «Слёзки на колёсках», – ласково говаривала она, вытирая заплаканное его лицо.

Подул ветерок. Ивовый дождь омыл могильный холмик, а на нём конфету в полосатой обёртке. Тётя Тоня небось попроведала подругу. Она такие «пчёлки» любит и угощает ими Коленьку.

Иные брезгают покойницкими гостинцами. Мол, как это, с могилы – и прямо в рот? Бр-р!.. Кошки бродячие, воробьи – те не соображают. А побирušки? Да ведь голод – не тётя Мотя. Да и что тут такого? У конфет гигиена чётко продумана. В фантики упрятаны. Развернул Коля конфетку, а она – чистенькая, сладенькая! Чмокнул, цокнул, перекатил во рту звонкую карамельку. А вот и земляника поспела! У изножья могилки, поросшей газонной травкой, посеянной тётей Тоней, – земляничина, с клубнику. Под лунным, почти дневным светом алела на своём лопушистом трилистнике. Сочная, так и брызжет! Вот как славно у мамы погостил!

Неподалёку высилась высоковольтная разлапистая махина. Под этим железным «кедром» хоронился стожок. Тёплая сенная «избушечка» обочь кладбища так и манила к себе.

Коля вырыл в стожке нору и съютился в ней. Но мерный гуд, сонное потрескивание проводов не успели усыпить сморённого мальчишку. Прохлада, какою обычно наполнен воздух после благодатного дождика, перебила санный дух. Этот озон, необычайно пресный и густой, шибанул по норке, вызвал странную тревогу. Пугливым зверьком мальчик высунулся из стожка – и застыл в ужасе. На чашечках-бусах, нанизанных на самый верхний высоковольтный провод, безмолвно катался неоновый светящийся шар.

– Молния! Шаровая!.. – съёжившись от страха, прошептал мальчик. – Спалит сено и меня живьём! Тикать!.. – и проклёкчал, приказал себе: – Заткнись! При ней нельзя двигаться.

Но сам лягушонком скакнул из норы за стожок. Словно услышав возню, шар плавно слетел с гирлянды изоляторов. Слетел прямо к гнезду, в котором минутой назад уже почти спал мальчик. Будто принюхиваясь к тёплому человеческому духу, который таился ещё в дырке. Подрагивая и потрескивая, светящееся диво осторожно вплыло в нору. Точно пламя взялось внутри стожка. Мальчик в страхе дёрнулся, но будто невидимая рука сжала его плечо.

Шар выплыл из норы и, благоухая, прошелестел перед носом оцепеневшего мальчишки. На четвереньках, заворожённо задрав голову, он проводил взглядом любопытный «мячик». Точно разузнав что-то важное для себя, тот устремился вверх и растворился в крупной звезде, словно льдинка в черпаке Большого Ковша.

Ковши на ночном небе мальчик находил легко. И вот там, в их звёздности – новая звезда!..

Благовоние, оставленное на прощание диковинным «гостем», успокоило перепуганного мальчишку, поддёргивая ноздрями и потягивая аромат, он выдохнул облегчённо:

– Благоуханно!

Добрый, мирный чудесник оказался.

Луна спряталась за тучу.

Мальчик, герой, оседлал верного своего «коня» и, мелодично позванивая, «погарцевал» по просёлочной за кладбищенской околицей дороге.

Пристрастился к путешествиям на своём «рысачке». Летит на нём, ветер в ушах свистит. Рубаха пузырит со взлётной силой – вот-вот взмоет «всадник» ввысь!..

Речка Куница, на куницу похожая, изящная, блескучая, вдаль скользит, за собой устремляет... Излучина, травы вымахали у подлеска. Поляна в рассыпных кузнечиках – как трескучая сковорода. Раскинется мальчик на спине во всю ширь: так возлежат на матушке-земле, набираясь от неё сил, врачуясь, израненные воины.

Жаворонковое небо. Лазурь небесная. Так и манит... Взобрался со своим «Росинантом» на гору Голый Камень. 2 июня – и снег повалил! Будто белые медвежата улеглись на еловых лапах, пригнули их. Благо, на багажнике всегда крепил скатку ветровки. Надел её, капюшон нахлобучил, на мшистом валуне, вершинном, уселся. Зашуршали снежные хлопья по ветровке – и в сугроб превратили созерцателя. А ему из «иллюминатора» капюшона вся горная долина видна. Меньше часа буранило. Полуденное солнце светало из мерклости в жемчужно-переливчатой короне-гало.

Голый Камень... Какой же он голый? Перед вершиной его лесистой простираются таёжные дали в изумруде елей. Ярко-голубые тени от них волнисто ложатся на сверкающие белизной снега. Мнится, этой божественной красотой весь мир объят. Дух захватывает! Взмыть бы над вознесующими просторами и парить, парить частичкой этого дивного мира!..

Почти все окрестности города исколесил на своём «Росинанте». Укатил как-то километров за двадцать от города. Забрался в непролазную таёжную глушь. Спешился. В дремучей темени сквозь прореху среди сплетённых ветвей солнечный луч сверкнул. Выхватил странный огромный цветок. Заворожённый, мальчик задрал голову: что это за сказочный цветок?! Тот колыхнулся, и в световом проёме перед мальчиком выросла рогатая гора. Он замер. Лось! Чуток струхнул. Но знал, что не нападёт.

Лось удивлённо косил огромным оком на объявившееся перед ним чудо. Рогатый исполин взирал на рогатого, за которого держался мальчик. Фыркнул насмешливо, переступил ногами, захрустел под копытами валежник. С треском вломился в бурелом, уступая свою тропу мальчику.

Лосиная тропа была пробита к таёжному озеру на водопой.

Озеро Старое в глубинах своих сберегало древнее сожителство. В зарослях уруги, нитчатки, горошницы и других водорослей копошились коловратки, рачки, падёнки, плавунцы, водомерки. Шныряли среди них, насыщаясь, плотвички, верховки, гольцы, окушки. Чавкали в донном иле караси, таились в засаде полосатые хищницы щуки. Дремали в подбережных ущельях усатые, первобытные чудища – сомы.

Сочно изумрудилась перистая зелень осоки, камыша, тростника, рогоза, подсвеченная зоревыми зонтиками сусака.

В этой первозданности на тёмной озёрной глади светились, сияли белоснежные кувшинки. В пышном волнении клубились по берегам ивы. Облачность зелени кружила голову мальчика, явившегося сюда по неведомому зову. Он и сам не знал

тайну этого притяжения. Вознесущая, природная сила влекла его в леса, к речкам и озёрам.

Голубеет на жёлтой калужнице златоглазка. Какие шикарные прозрачные крылья! Невеста – да и только!..

Текучие ивы... Под ивами осыпавшийся скрадок – сложенная когда-то из дёрна охотничья засидка. Неподалёку берестом крытый шалаш, с подстилкой из еловых лап и сена. Вот и ночлег!

После встречи с лосем велик стал называться Велось. Укрыл Велось под ивовым пологом. Потрепал перисто-блестящие листья дудчатого любистока. Заросли его вплотную подступили к шалашу. Пряно осыпалась с зонтиков семенная крупка. С горделивым любистоком мирно уживалась почти его тёзка – скромница любка, душистая ночная фиалка.

Солнце опускалось в океан вечернего огня. Пламенеющий закат сгущался пурпуром, отливающим лазурью. Закатный атлас спадал на долину, трепетную, замирающую. Роса дымчато струилась по ней.

С кряканьем из камышовых зарослей взнялась к озёрному острову утиная тяга. Ветерок потрепал за вихры одинокий тополь, вскипел тополиный лист. Сполохи зарниц перехлестнулись за синим горизонтом.

Словно на свирели заиграл щур; свистом и клоктаньем ответили чирки. Хрустнул длинными, сухими ногами кулик-веретенник и протянул своё: «Врете-енн!..» Низко и тихо пролетел коростель-дергач, прохрипел и деловито заскрипел.

Конечно, мальчику ещё предстояло узнать, кто есть кто. И он чутко запечатлевал образы, голоса и повадки лесной и озёрной живности. Всё было родно ему, всё мило. Вот опустилась на озёрную заводь стайка куличков и упокоилась под покровом ивушки на сон.

Тепло в шалаше, уютно. Сонно... Добряк лось лыбится губасто. Рога его распускаются солнечным цветком... Как славно в Божьем мире!..

* * *

Лось помнил этого мальчика. Он защитил его, лосёнка Мая, от злых мальчишек. Звал его, искал старый лесник. Скрадывался он, не хотел возвращаться. Колено болело, нога подкашивалась – страдания напоминали о плохом. Запах учуял – свой запах!.. По зову крови они нашли друг друга. Отец – и сын.

Большой Лось облизал своего лосёнка, облизал его большую ножку. И повёл в пихтовый лес. Стройные пирамиды пихт ладно, не теснясь, устремлялись своими острыми вершинами в небеса. Мягкая, душистая хвоя обняла лосёнка. Пыльца «свечек» щекотала ноздри. Лосёнок расчихался, и боль в переломе как бы утишилась. Большой Лось ласково покосился на болезного и начал срывать шишки и «свечки», смачно, заразительно хрумкая. И лосёнок принялся лакомиться.

Они пробыли, отец и сын, в пихтовой лечебнице неделю. Насыщались всем тем, что дарил им добрый, врачующий пихтач. А силы его целительные были велики.

Сколько раз отбивался Большой Лось от медведей, волков; сбрасывал с себя рысей и росомах! Сколько стычек с соперниками в гонах из-за важенок! Изрешечённого охотничьими пулями почти до самой гибели – пихтовый лес вытаскивал его из лап смерти. Едва живой, еле держась на ногах, из последних сил жевал спасительную хвою, побеги, шишки, живицу. Успокаивалось загнанное сердце, утишались головные боли, затягивались раны, срастались перебитые кости.

Ливневый косохлест засыпал раздольную лыву. Ах как весело барахтались в ней отец и сынишка! Пихтовая хвойная ванна – лечебная, чудесная! Заживила старые ноющие раны отца; обезболила, укрепила переломанную ножку малыша.

Повёл он его для крепости организма в горы, на водораздел. Размылись здесь меж кряжами горные породы. Обнажились груды соляной глины. Сколько в ней оздоравливающих минералов! Не зря сберегал тайный этот солонец Большой Лось. Сгодился для отпрыска, сгодится для потомства.

Напрочь расхищены иные солонцы. Пудами растаскивали соль лихие люди. Укладывали на железнодорожные рельсы. Лоси выходили из лесов на приманку. Тормозили пассажирские и продуктовые составы. Было чем поживиться разбойникам!..

В размывах горных пород громоздились глыбы бурого угля. Большой Лось раздолбил копытом каменюку и начал с хрустом грызть. Лосёнок захрумтел крошками.

Повёл чадо своё, неболезное уже, окрепшее, в кормные уголья, дабы возрастал сын, мужал. Частенько отлучался, приучал его обходиться без отцовской опеки. И вот совсем покинул в самую благодатную пору, когда у того отвердели первые рога. Повзрослел, год ему уже.

Привыкший к отлучкам отца, сын и не заметил долгого его отсутствия: вернётся, как и всегда возвращался. Но тот не твернулся. Теперь одинокого молодого лося ждала взрослая жизнь. И начиналась она в кормном изобилии. Он насыщался сочными листьями черёмухи, крушины, рябины, таволги. Ближе к осени манили уже розовые поля кипрея, сыпучие султаны конского щавеля. Перед сентябрём в пойменной долине лакомился черникой, брусникой, клюквой.

И вот в конце августа засентябрило. Затрубили гоны, призывая сохатых к продолжению рода. А у него только-только отвердели рога.

Подул сиверко. Чуток заснежило низовья, запестрели они, буро-белые. Подснежного корма хватало: кустарники, травы, грибы, мох, лишайники. И лоси не спешили откочёвывать.

Прокурлыкали печально, расставаясь с родными гнёздами, журавли. Прошумели к местам сбора утиные перелёты. Отбыли в жаркие страны многие теплолюбивые птицы. Но ещё звонче запели оседлые теньковки, гаички, лазоревки и прочие синицы. Ещё ударнее и чище стали барабанные дробы дятла.

Вторили им ксилофонные очереди топора. Тимофей на засеке вырубал корыто в поваленной лесине: прежнее в труху изгрызли лоси. Навалит в долблёнку каменной соли с горкой: лизунец и сено под навесом – добрая стойба для сохатых, урочное подспорье для кормёжки в студёную пору.

Лиственничная хвоя светлым дождём пролилась на стойбу и её попечителя. Мягкие хвоинки щекочуще осыпали лицо старого лесника. Пощекотали и память... С этой же стойбы возвращался. Тогда, полтора года тому, в мае холода грянули. Вороний ор пихтач оглашал. Над поживой вороньё кружило. Прогнал его. Всхлипы услышал. На рожалой постели лосиха двойней опросталась. Малышка заледенела. Братик её, замерзающий, в мамкин живот уткнулся. В холодный уже. Последнее тепло отдала мать младенцу.

Подобрал Тимофей лосика. Отогрел. Выходил. Отрада для души. Маем и нарёк. Где он теперь, лесной житель?.. Точно собачонок за ним бегал. Увязался раз крепко и на стойбе этой погостил. Добрый был бы друг и помощник. А то вот на своём горбу крошни с мешком соли приходится таскать. Да-а...

Ещё звонче застукотил Тимофей по лесине: может, припадёт Май к этой кормушке с лакомой сольцой...

Гулко в осеннем, просветлённом лесу раздавалась дробь топора. Прядая ушам, лось Май, позабывший уже своё имя, прислушался. Забытые почти звуки. Запах дресвы. Широкими ноздрями втянул воздух... Так рубил дрова старый лесник. Разгорячённый, пахнувший крепким, кисловатым потом...

Он шёл за ним, будто упёршись на долгом расстоянии в согбенную спину с порожними крошнями. Почему увязался за стариком?.. Дух избяной дедов вязал его. Картинки мельтешили... Запечные ясли с шубной подстилкой. Белёная, тёплая печка; рогач с чапельником к ней прислонились, моршни сушатся.

На подоконнике цветок в горшке алеет. Кошурка принохалась к нему. Морщится, чихает, лапкой нос трёт: пахучий цветок, щёкотный. Старик разговаривает с ним. Баушка Варя навеличивала его ваней красавчиком. Дед зовёт ваней мокрым, мужским плакуном. Смахивает набежавшую слезу, вспоминая жену свою...

В стёганой душегрейке, тапках-котиках на босу ногу, цедит в глиняную кружку из лагуна рубиновую клюковку. Хлебнул, лосика пальцем поманил. Погладил, ломтиком хлеба с сольцой угостил. Советоваться стал, прихлёбывая из кружки. Идти или не идти на белковье? Вон дробовик без дела, без охоты на стене висит, мается. Галина, дочка, требовала беличью доху. Корила Варя её: ведь векша – тоже жисть!.. Сам он живность не трогал. Застудилась Варя, жир медведя-белогрудки для лечения у Егора-зверовщика попросил. Белогрудка-муровьятник – мирён, но волку спуску не даст. А вот бурый – трусоват. Исподтишка, из засады норовит наскочить на немощных. Когда лосёнок до борохчана, до двулетка возмужает – то уж никакой силы в тайге не сыщется супротив. Старик мотнул головой на разлапистые рога, прибитые над притолокой. После гона такие повсюду разбросаны...

Хриплый рёв сражающихся сохатых разорвал завесу тишины. Шедший за стариком лось вздрогнул: и в нём, недозрелом ещё самце, взыграла кровь. Вскинул голову, ощутив приятную тяжесть рогов: лопатиной вширь раздались. Хоть сейчас в бой!..

Старик оглянулся. Но не остановился, не позвал. Заспешил. Спускаясь с холма, начал уменьшаться. Исчез.

Сродник тайги, Тимофей нутром чуял, кто из зверей скрадьвает его, кто в упор, в спину дерзко смотрит. И ощущал себя ровней лесному человеку – удэгейцу Дерсу Узала. Того тигр скрадьвал, а он начинал разговаривать с ним; амбой, великим, навеличивал. Вот такое уважительное отношение к природе. И звери не трогали его. Сказывала Варя:

– Грех удалил природу от нас и нас от природы. Даве-то как было: Адам и Ева со зверями в любви находились. Да сомустил змей-дьявол до грехопадения. А ведь чем праведнее человек, тем ближе к природе. И ты, Тимофеюшка, как медведушко в ичихах...

Да, лося Тимофей почуял, поступь его услышал. За своего Мая признал. За своего... Нет, теперь он уже сам по себе. Видать, память коснулась... Не приблизился. И ладно.

* * *

В малоснежье, при кормной пастьбе лоси, по натуре оседлые, никуда не откочёвывали. Вместе собирались редко, только в лютые метели кучно отстаивались в пихтаче.

Большого Лося сородичи почти не видели. Он пасся далеко, во чреве тайги. Лишь по осени из одинокой своей пастьбы вклинивался в раздираемые страстью, беснующиеся гоны. Первенца своего видел только раз. Молодые силы его, исполненные отцовской мощи, теснили грудь, порывались к просторам. И он летел вольным ветром, издеваясь над стаей глупых волков. Из-под копыт взрывались снежные вихри. Серым казалось, что они загнали лося в снега. А сами пурхались, как щенки. Их короткие лапы увязали в снежных намётах. И жалкие волчишки елозили впальми, тощими пузёшками по сугробам-угробам... Зрелище, отрадное для великого отца!..

А сын его в любую пору наслаждался лёгким и сильным бегом своим. Свободно пробивался через таёжные чащи, ловко преодолевал топи и болота. Подолгу плавал в бурных реках, бесстрашно ныряя в головокружительные воронки. Медведь напал сзади из засады. На кого! Рога-лопатыны, острые копыта – убит наповал! Медвежатая росомаха сверху, с кедра навалилась. Вцепилась было когтями в шею, чтобы перекусить сонную артерию. Да сама природа хранила лося. К зиме дико, сталисто отрастала шерсть на загорбке. Застряли росомахины когти – не выдержу. Едва стряхнул вражину...

Целая стая одичавших людей в шесть голов расстреливала мать-лосиху с лосёнком...

Они долго готовились к этой расправе. Бились над выбором огнестрела. Подбирали ружья и винтовки с убойной силой на сильного зверя: многозарядки, полуавтоматические, не поскупились и на забугорный ствол. Приобрели сентябрьскую лицензию на отстрел взрослого быка.

– С бумагой у вас, добры молодцы, вроде всё в порядке, – изучил лицензию Тимофей. – А вот с головой... – он махнул рукой на их транспорт: армейский «Урал» с фургоном-теплушкой: – Как на войне!..

Заснеженное поле пересекала лосиха с сеголетком. Захрипела рация:

– Корова с телёнком! Загонщики, на свои номера! Ни рогов, ни копыт! Пошли!..

Выстрел. Другой. Третий, четвёртый... Радостно захрюкала рация:

– У нас лежит корова!

– На приёме. Уши не прижаты?

– Я её с одного выстрела! По месту, по шее!

– Я, первым номером стоя, взял телёнка!

– На приёме. Загружаемся!

Разделка. Делёжка.

– Лёха раздающий!

– Я, карабинчик, крайний номер. В глаза ему смотрел. Жалко, так и хочешь хлебушка дать.

– В ветеринарку едем, проверять мясо.

– Да вроде здоровые они. Обойдёмся!..

Эх, люди, люди! Мордатые, «голодненькие» особи. Мать с ребёнком расстреляли. На природу съездили. Убийством позабавились. А дома дети папок ждут...

Лось чуть не ринулся из чащи. Он мог бы разметать весь этот табор с военной машиной и людишками. Но почему не напал?.. Почему на этом же поле стрелка спас? В засидке на раскидистом дубе тот шесть часов прокуковал, ожидая сохатого. И так закоченел, что слезть уже не мог. Боднул лось рогами ствол дуба – как мёрзлая груша упал в снег бестолковый охотничек. Лишь ружьишко на суку болталось. Очухался, безоружный утёпал восвояси.

Другой дурачок, впустую популяв по куропаткам, надрался от неудачи. Перебрал изрядно. Выполз из палатки. Икал, рыгал. Лосю показалось, что какой-то смрадный пьянчужка пытается вабить. А тот уже блевотиной захлёбывался, задыхался, хрипел. Вот-вот окочурится. Перевернул его лось на живот. Спас.

Сходила троица на кабана. Разъярённый секач едва не зарыл охотничков в землю. Трухнули изрядно и чуть друга не подстрелили. Шаркнула пуля по комбине-зону, клочок вырвала.

Долго снился потерпевшему дикий, оцетинившийся вепрь с клыками мамонта. Обливаясь потом, в ужасе вскрикивал, вскакивал во сне от душераздирающего визга чудовища. Зачехлил ружьё, в угол кладовки засунул.

А дружки его к лосиной охоте начали готовиться. Обзавелись нарезным оружием с флажковым предохранителем – карабином «Беркут». Магазин – десять патронов.

Достаточно, чтобы поразить крупного самца издали. Обговорили детали охоты. Лучше всего к сохотому подступиться во время гона. На реву вдвоём – само то. Один приманивает, другой стреляет. Действовать надо чётко. Стрелять в сердце, в шею, позвоночник, лёгкие, в лопатку. Уложить полтонны живого мяса непросто. Если не подстрелить сразу, атака копытного чрезвычайно опасна. Потому должно быть прямое попадание крупнокалиберной пули в середину передней части туши. А лось слаб на рану, сразу бух! – и упадёт...

У бывалых охотников раздобыли раствор с «ароматом» лосиной самки. Гримасничали, как обезьяны, пытаясь вабить. Зажимали носы пальцами: «А-а!.. У-у!..» Икали: «И-ик!.. А-ак!..» – рвотно выходило. Ладони рупором – трубили. Без ладоней как бы удивлялись: «О-о!..» Дули в горлышко бутылки. Смастерили хитроумную вабу: бельевую верёвку просунули в дырку на доньшке жестяной банки. Замотали изделие изолентой. Елозили пальцами по шнурку, извлекая нечто похожее на стон. Вот это ваба!

Ревущий период – сентябрь. Но дожди зачастили – игрища лосиные откладывались. Ветер потянул – шаги до лося донесёт, запахи. Вот непруха!

Наконец погода присмирела. Золотая левитанская осень. Раннее тихое утро. Прочёсывать лосиные уголья, искать их следы почти не пришлось. Вытопанная поляна с проплешинами. Сломанные кустарники и деревья, изодранная рогами кора. Гонные ямы, кислый запах. Лосиный ток!

Надушнились «ароматом» коровы. Стрелок долго выбирал позицию для выстрела. Наконец уместился за можжевельником. Приманщик с хрустом залез в подрост и стал ломать ветки: якобы выгуливается корова. Попытался извлечь стон из своего изобретения. Елозил пальцами по шнурку, продетому через консервную банку – выбил. Вымучил нечто подобное стону.

Старый лось выжидал в чаще. Услышал зов. Уловил, однако, фальшь, металлический оттенок. Но он был настолько стар, что желаемое принял за действительное. Призывные стоны манили его. И он вышел на встречу к своей «подруге»...

Выстрел. Другой, третий... В шею, позвоночник, лопатку. В лёгкие. В сердце.

Он опустил на колени. Наклонился и упал на бок.

Двое с индейскими воплями подбежали к добыче. Шлёпали ладонями по ещё вздымающемуся боку...

Сама тайга надвинулась на них. Громада с деревом на голове нависла над ними. Лес – лось!.. Ужас разметал их, как щенят.

* * *

Снилась ему дивная звезда, слетевшая, как шаровая молния... Снился лось. В земшарном зраке его, как в добром зеркале, он увидел себя круглолицым и улыбочивым...

Улыбнулся, и слетел с него светлый сон. Выглянул из шалаша. Око – во всё небо! Влажное. Огромная, блистающая слеза скатилась.

Светлая слеза лося. Благородного. Он помнил этого доброго мальчика. И не оплакивал судьбу его. Слезой светлой ограждал от зла.

Сбывшийся сон. Улетучился... Мальчик вылез из шалаша. Лось – цветок. Удаляющиеся шаги...

По утренней заре, по озеру звуки разносились необычайно чистые. Шевелились, плавали голубоватые туманцы. Кружки от водомерок, паучков, комаров слегка пестрили водную гладь. Рыба заиграла большими кругами. Пловчиха ондатра прохлопала по своим делам. Плёсом-хвостом бобр шлёпнул по воде. И бабахнул – точно выстрел грохнул. Перекатным эхом понёсся по озерной глади. Сом вторил бобру, бухнул в камышах хвостом. Выныривая, поблёскивали верховки. Сверкнув чешуёй, выскочила из воды и шлёпнулась с брызгами сорожка.

Опустилась на озёрную заводь стайка куличков. Трясогузка закрутилась на песчаной отмели. Впереди мальчика забежала, мерцая длинным хвостом. На ходу выклёвывала шилом-клювом из песка рачков вислокрылки. Оглядывалась на мальчика и семенила дальше, точно крохотная верная собачка.

Мальчик в городе всегда обходил стороной стайки воробьёв и голубей. Зачем их беспокоить? Пусть клюют, что Боженька послал. Так мама наставляла. А иногда сам их угощал семечками или хлебными крошками...

На взгорке в тени ельника завораживали слух переливы флейты: иволга выводила серебристую мелодию. В её напевную музыку вплелось кукованье вещей птицы-предсказательницы.

– Кукушка, сколько мне жить осталось? – спросил мальчик и начал считать: – Раз, два, три... сорок один, сорок два... Ещё много! Спасибо, кукушка!

Как прозрачна озёрная водица! Видно, как среди водорослей поблёскивают чебаки. Мелюзги нет – в такой благодати рыба растёт быстро. Над водой облачки бабочек и стрекозок. Кувшинки и кубышки облеплены стрелками и златоглазками. Голубенькая стрелка с прозрачными крылышками опустилась на «саблю» осоки, играючи скользнула по ней в воду. Не поймёшь этих насекомых: и летают, и ползают, и в воде могут жить!

Ветерок поднял стрекозу со стрелолиста. Летит прозрачнокрылая, сцепив лапки корзиночкой, собирая в неё зазевавшихся комариков.

Жук-плавунец набрал в подкрылья воздух, повёл усами, поджал задние вёслица и дёрнулся за головастиком.

Но что это? На дне как-то странно замерли солнечные зайчики. Пёстрый от чёрных пятен на желтоватой слизистой коже шевелит жирными усищами древний сом.

Рябь пробежала по воде. Пригнулись кусты осоки и светлухи – кряквы пронеслись над протокой. Она простиралась в озёрную даль. Там зеленоватым облаком покачивался в дымке селезнёвый остров. Там жили самые славные птицы на свете.

Мальчик в плавках по неглубокой протоке добрался до острова. Царство зелёно-золотого...

Вот селезень выплыл на «зеркальце», окружённое ивами. Повёл головой, к чему-то прислушиваясь, приглядываясь. Где сейчас столетняя щука-утятница? Уже который день старуха пасла утиную семью. Последний утёнок, вылупляясь, чуть не задохнулся и всё время отставал. Лакомство!

Повсюду под водой слышалось чмокание, сопенье: так сладки побеги молодого аира! Караси, лещи, лини вовсю уплетали нежную мякоть его корней.

Ершиха щёлкнула челюстью, ей ответила другая, и кумушки задрезжали жабрами. От утятницы даже малькам удавалось улепетнуть. Она уже два дня довольствовалась только илом, песком и даже просто водой. Но сегодня ей, кажется, повезёт. Старуха облюбовала одного утёнка и от своего не отступится.

Селезень однажды видел, как, с одышкой втягивая дряблый живот, встала щука на мели и замутила илистое дно. Любопытные гольянчики удивлённо округлили роты: что, что там происходит?!.. Жёлтенький пузанчик тут же поплатился за своё любопытство. Хищница выскочила из мути и сглотнула ротозея – тот и пикнуть не успел.

Лёгкий пар скользил по воде. Кружева от рыб и насекомых испещрили водную гладь. Рыжуха-ондатра бесшумно проплыла назад в свою нору. Бобр шлепанул плёсом – будто пушка бабахнула.

Селезень с уткой заботливо проследили, чтобы утята не заблудились в камышовых зарослях. Последним выпутался из камыша младшенький. Бултыхнулся вниз головой и поплыл, потешно выставив задок.

Песчаная коса для утят – привольная. Родной остров, прибрежный жирный ил. Мокрицы кишмя кишат. Резвятся утята. Совсем уже сизые, большие. Жёлтого пушка почти не видать, а забавляются, как малыши. Воткнут розовые клювики в прохладный ил и щелочут, пускают пузыри!

Щуку селезень заметил возле жерди, воткнутой рыбаком в дно. У самой поверхности воды приткнулось к шесту бревно. Но селезень разглядел широкий седой лоб в клочьях мха. На спине и боках бутрились серые полосы, забитые мхом. Уже больше часа щука притворялась бревном.

Селезень стал заманивать хитрюгу в рыбацкую сеть. Волоча по воде крыло, отплыл от выводка подальше, подгрёб к камышам. Между воткнутыми жердями белели берёзовые поплавки. Серебристым веером прыснули уклейки и верховки. Щука тащила следом, подслеповато высматривая в тёмной воде светлые пятна утиных лап.

Растопырила рваные плавники, куцей хвост её задрожал. Задёргалась, стала тыкаться носом в дно. Резко вытянулась и бросилась на селезня. Он рванулся, но зацепился коготком лапы за режёвку. В отчаянном рывке потянул её. Щука сходу воткнулась в сеть и вместе с птицей потащила её ко дну. Широкий лоб не мог протиснуться сквозь режёвку. И всё-таки ей удалось схватить селезня за лапу. Вот-вот начнёт перемалывать дёснами сухожилия.

– Ах, ты так! – закричал мальчик, свидетель разыгравшейся трагедии. – Он ведь хромой будет! – и ткнул по лопатистому лбу палкой.

Щука медленно опустилась на дно.

Селезень обессиленно покачивался на ряби воды, ощущая тяжесть каждого пера. Горьковатый дух лугового лука вернул обоняние. Открыл глаза: спаситель его уходил по протоке к берегу.

А там, возле одежды и велосипеда его ждал лось. Мальчик нашарил в кармане штанов хлебные крошки и протянул ладошку своему другу. Большие нежные губы коснулись её.

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

ТОЛЬКО Б НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

Привязалась же! Теперь, видать, на веки вечные. Эта бессонница, как пить дать, доконает меня раньше времени. И так никуда от неё не деться, а нынче и вовсе. Разве уснёшь? День Победы.

Вечерний салют отбабахал под тёплым проливным дождём. Говорят, во время Парада Победы в сорок пятом небо тоже плакало... от счастья и от боли потерь одновременно. И всё же дождь 9 Мая сорок пятого – очищающий. Омывал раны, смывал с земли оставленные фашистами следы.

Уже далеко за полночь. Пора бы народу утомониться. Но всю лупастят окна студенческих общежитий, что оккупировали нашу Весёлую слободу. Слышен немолчный гам, то и дело над крышами многоэтажек и потеснённых ими наших частных домиков взлетают в небо петарды.

Какой уж тут сон! Встаю, кутаюсь в шаль. Отсюда, с высоты мансарды, вся слобода, как на ладони. Но дождевые потоки настолько размывают свет уличных фонарей и все остальные огни, что, старайся не старайся, ничегошеньки не рассмотреть.

Беру недочитанный томик Носова, глаза и голова, уставшие от дневного сидения за компьютером наотрез отказываются во что-либо вникать. Гашу верхний свет, оставляю включённым лишь полумощный ночник.

В его ореоле направляюсь к окну. И в нём, словно в слегка потускневшем зеркале, вижу себя: заплетённые в косу светло-русые, не видать – но я-то знаю! – с уже нередкими серебрянками волосы; довольно широкое, доставшееся от бабушки Григорьевны лицо. Умаявшихся работой и бессонными ночами, когда-то бирюзовых, с годами, может, и потерявших яркость, но всё ещё голубоватых глаз в ночном окне не рассмотреть.

Не разглядеть и двух фотокарточек на противоположной стене за моей спиной. Они и так-то поблёкли напрочь, даже при дневном свете уже с трудом различишь на одной бабушку Анну Григорьевну, мамину маму. Годов сорок-сорок пять ей на снимке. Такой я её не помню, меня в ту пору ещё и на свете-то не было, когда случайный залётный фотограф щёлкнул их под рябинкой вместе с подругой Настей Куршевой.

На бабушке платочек домиком... Тёмненький передник... Видать, прямо со двора, с управки уговорил их – может, корреспондент местной газеты? – сделать для каких-то своих нужд снимок, а спустя время случайным случаем передал и эту карточку.

Писать о моей Григорьевне в газете и снимать её на карточку было за что. Перебедовав с младенцем на руках оккупацию, вскапывать лопатами столько соток колхозного поля, как осиливали они с соседкой Настей, в ту, послевоенную пору ни одной иной бабе в колхозе не удавалось.

Рядом ещё фотокарточка – на ней другая бабушка, отцова мать Наталья Сергеевна. Шестерых в одиночку подняла... Наверно, её вообще без детворы невозможно было увидеть. Только свои отошли, появились первые внучата. И на этом снимке она с двумя моими двоюродными сёстрами. Первая – от старшей дочери Нины – прижитая в Германии с таким же, угнанным в неволю, мордовским парнем Иваном белобрысенькая шестилетняя Зина и вторая девчужка, совсем малышка, Тамара – от средней дочки Нади, тоже побывавшей в Германии. Совсем малолеткой подсунул Надежду в списки вместо себя свой же, деревенский, а сам подался в полицаи.

Прохладная черёмуховая пора. Ливший в верёвку дождь постепенно истончается и шум его почти затихает. Примолкают и неугомонные мои молодые соседи в общагах. Вот и отшумел ещё один праздник Победы.

Но для меня он всё ещё длится: в эту нескончаемую вешнюю ночь почему-то вдруг то ли придремался, то ли просто выпорхнул из памяти звонкий морозный день из моего детства.

...Ещё и первопуток не лёг, так, чуть осеребрилось – самое время брать по лесам калину. Мне лет пять, но я уже, хвостик хвостиком, обошла с бабушкой Наташей все приигинские перелески. Бабушкой для таких походов даже была заказана деду Пущаю специально для меня маленькая лёгонькая плетушка.

Не устану благодарить за мир, который, не подозревая того и сама, бабушка Наташа для меня открыла: от малой былинки и букашки до могучих боровых деревьев, от многочисленной певчей до всякой-разной иной дикой братии.

Может, потому что «уже в разум начала входить» и, может быть, смогла бы уже понять её горе, привела меня тогда бабушка Наташа на это, дорогое ей место. Калины в тот раз набрали под завяз, плетушки полным полно и ягодка – за моё почтение – одна к одной. Видать, год на неё выдался урожайный.

Не доходя версты две до деревни, у Мишенькиных оврагов, оставили мы добыток в приобоченных бурьянах, а сами свернули в сторону. И, пройдя чуток серебрившимся в полуденном морозном солнце угорьем, остановились у едва заметной ямины.

– Вот... тучочки, – бабушка принялась обрывать с прихваченной калиновой веточки ягоды и осыпать ими яму, – запомни место, касатка: тут погиб твой дядя, сы-

нок мой Петя. Всего-то ничего, двенадцать было, мальчишка мальчишкой,.. чуть постарше тебя. Снаряд с ребятами вздумали разобрать... Остальные все, хочь и израненные, выжили, а Петя мой... Всё бы на свете сейчас отдала, только бы не было войны той проклятущей, только бы остался сыночек живым!

Двадцать лет после окончания Отечественной... Со всех сторон на место беды уже наступал высокий березняк, карабкаясь по кустам крушинника, проныра-хмель оплетал днище, но оно не затягивалось, отчётливо просматривались его очертания. И повсюду, словно капли крови, атели принесённые бабушкой на помин души её сына ягоды калины.

Видно, не могла, не имела права зарости та, вывороченная взрывом ямина, как не смогли зарости в бабушкином сердце раны, как не стихли в нём боли от потери кровиночки, сгнувшем в апреле сорок четвёртого малолетнем старшем брате моего отца.

Много раз в своей жизни приходила я на тот угол. Если случалось бывать на хуторе в майские – с первыми тюльпанами, летом – с букетом луговых цветов, с пучком земляники, осенью – это уж, как правило, словно от бабушки Наташи, – с веточкой калины.

Вот и светает. Выключаю ночник. С востока розовеет. И кисточки черёмух, вы-полосканные ночным дождём, тоже окрашиваются в чуть приметный розовый. Значит, день будет солнечный. Ну и дай-то Бог!..

Надо вставать, собираться в дорогу. Отошедший в мир иной два месяца назад отец, последний житель нашего хутора, доверил под пригляд свой старенький домишко. Негоже его оставлять на разруху. Да и пора: душа снова просит свидания с дорогими сердцу местами...

* * *

Конец мая. Две недели как я обретаюсь на хуторе.

Утро молодое, звонкое, воздухи вкуснющие – пригоршнями пей. По-всегдашнему, до сих пор у нас неизжитому деревенскому обычаю затворяю хату на палочку и спускаюсь с крыльца.

На исходе мая без хозяина не паханный с прошлой весны отцовский огород прямо на глазах зарастает всякой-разной муравой. Кажется, почуяв вольницу, со всей округи слетелись на него семена одуванчика, дикого калашника и прочей-разной сорной чуди. У обнесённой разлапыми клёнами горожи метра на два повылазила настырная кленовая поросль. Перевернёт, бывало, отец сохой землю, её и не видеть, а теперь, глядишь, лет через пять – ей дай только волно! – эта диковина и половину засиротевшей усадьбы заполонит.

За огородом поле, которое тоже без уходу постепенно сиротеет. Из бора ещё при отце налетели на него семена сосны и берёзы, и бывшая пашня превратилась в молодой подлесок – скоро можно будет на ней, считай, прямо под окнами маслята да подберёзовики собирать.

Когда-то мозолистая, укатанная до звону телегами, тракторами да машинами, суглинистая дорога озеленилась вездесущим одуванчиком и подорожником, а вдоль обочин уже пустилась в рост не поддающаяся ни зною, ни морозу спутница большинства нашенских просёлков – колючка-татарница.

Иду к людям. Продукты, что прихватила с собой из города, подъелись, да и по живой человеческой речи соскучилась. До соседнего села Кирово версты две-три, в нём ещё теплится живой дух: какие-никакие, а всё ж таки уцелели почта, медпункт и магазин. Вместе с когда-то большим, а теперь, можно сказать, малообитаемым селом этим раньше, при Советской власти, наш хуторок входил в единое хозяйство, теперь же – все сами по себе.

Выскочив из подлеска, переблёскивающий на восходящем солнышке уросный просёлок с игинского угора скатывается в Ярочкину балку, пробегает плотиной мимо образовавшегося на месте торфяных ям обнесённого красноталами и ивняком прудка. Куда ни кинешь взгляд – всё вокруг зелено: и косогоры, и с озимой пшеницей арендаторские поля. Уже во всю мощь прозеленились и сосновый борок Хильмечки, и подступающий к самому пруду Ярочкин лес. Румяной лепёшкой на водном блюде отражается солнышко, состряпанное добрыми, устоявшимися с середины мая погодами.

Начинает припекать, на ходу даже по-летнему жарко: приходится распахнуть отцовскую душегрею, открыться навстречу тянущему с воды свежему ветерку. Перемахнув через балку и поднявшись по жёлтому глинистому взгорью, равняюсь с колхозными коровниками.

Вокруг них тишина. Слово пролетел враг. Ни мыканья, ни голоса доярок. Лишь в прошлогодних сухих будылях борщевика белеют костями перекрытий порушенные здания, словно остовы какой-то большущей, павшей от бомбёжки или послевоенного голода скотины. Будто и не поднимали их, эти фермы, поставленные аккуратно перед войной всем миром, кирпичик по кирпичику вернувшиеся с фронта мужики.

Просёлок спешит побыстрее миновать запропащее место. Хоть и знаю, что в этой распотерянной дыре никогошеньки уже пару десятков лет не сыскать, всё ж таки стараюсь на колхозные дворы не оглядываться, но невольно вздрагиваю, заслышав вдруг скрип какой-то болтающейся на последнем гвозде следи, и следом жуткий вскарр всё надеящегося здесь чем-нибудь пожитья одинокого приبلудного ворона.

Равняюсь с бывшим правлением колхоза. Окна конторы и приоткрывшейся к её боку библиотеки где выбиты, где заколочены фанерой. И тут гробовая тишина. Лишь поблизости, под крышей тоже захлебнувшегося молчанием колхозного тока, всё ещё гуркуют голуби да, перелётывая шумной весёлой стайкой с места на место, копошатся в сытном соре воробьи.

Дорога идёт под уклон, сквозь престарелый колхозный сад, который назло забвению – может, из последних сил? – по весне цветёт как сумасшедший, а по осени усыпает расхозяйничавшийся в нём дурнопьян никому не нужными штрифелями и антоновками.

На краю этого сада, недалеко от большака, всё ещё виднеется памятник воинам, павшим за освобождение нашей округи, – отлитая в гипсе простая русская женщина в обычной своей одежде: повидавшая виды фуфайка, на голове белокрайка, на ногах сапоги, в руках – букет полевых цветов. Пришла, стала у могилы, поникла: скорбит о погибших.

Если присмотреться, то в ней можно отыскать черты любой нашей деревенской бабы. Обличием и с обеими моими бабушками схожа да и на Нюру Куршеву, и на Шуру Кузину, и на Зою Леонову смахивает.

В послевоенные годы из близлежащих деревень, со всех полей и угоров, где в спешке были захоронены наши бойцы, свозили их останки в Кирово, и здесь, в этой братской могиле предавали земле.

Помню, будучи школьницей занималась и я вместе с другими ребятами поисковой работой. В то время часто приезжали они, матери, жёны и дети погибших в наших краях красноармейцев, в День Победы на могилу к своим родным.

Колхоза давным-давно нет, школы тоже, да и народу – раз, два и обчёлся, а вот могила героев, памятник, оградка – всё в приборе. Слава Богу, хоть это не в запустении. Хочется верить, что на земле, где двадцать два месяца лютовал фашист, на земле, по которой прокатилась одна из величайших битв Второй мировой, этого не сможет произойти, покуда жив будет хоть один мой земляк.

* * *

... Заглянула за свежими газетами на почту, прикупила в магазине молока-хлеба – и обратно на хутор. Отправилась не через пруд, а вдоль села. Можно в Игино попасть и таким путём, перебравшись на краю Кирово по кладям через поросший тальниками ручей.

Конечно, выбрала эту дорогу с умыслом: вдруг да удастся с кем-нибудь из земляков свидеться, потолковать об их нынешнем житие. Но мне не повезло: то ли жителей, и правду, в селе почти не осталось, то ли дела неотложные всё ещё держат их в эту страдную пору пролетая на огородах и задних дворах.

И только почти на самом выходе из села, смотрю, на пороге своей подслеповатой хатёнки сидит старик. Сколько себя помню, столько помню и этого дядьку Митрия. Бывало, девчонкой прохожу утром в школу, а он, тогда ещё молодой мужик, уже сидит у крыльца. И позже, когда бы ни приехала к родным, иду к себе на хутор, тоже вижу: сидит на своём посту под прилаженной пионерами когда-то ярко-красной, а теперь напрочь проржавленной звездой.

Кажется, ничем-ничегошеньки, разве что волосы стали белей белого да добавилось несчётно морщин, а так ничто не изменилось в его облике. Он и при жизни своей Матрёны выглядел точно так же: летом – старая телогрейка, зимой – замусляканная фуфайка, в любую пору – ватные стеганые штаны, и на груди обязательно – два ордена Отечественной войны. Были, конечно, у Митрия Саввича и другие награды, но он почему-то носил именно эти.

Выставит культю правой ноги с деревянной опорой вперёд, изловчится, выбьет культями рук из пачки беломорину, кинет пачку на свой верстак, на котором, не смотри, что инвалид, наловчился такие выкрутасины мастерить, что вся округа диву даёт. Затянется и смотрит, смотрит раздумчиво в себя...

– День добрый, Митрий Саввич! – кланяюсь, – как без Матрёны Карповны справляетесь?

– Татьяна, что ли чи? – встаёт, напрягает глаза старик, – здравствуй, милая!.. Как, говоришь, перебедрываю?.. Э-эх, девонька!.. Дак как, как... Мы привыкли... Только б не было войны, а то вишь как народу по нонешнему времени тяжко... Вдруг как не стерпит да подыметя?.. Упаси Господь!..

Возвращаюсь в Игино уже под вечер. Ярочкин лес и Хильмечки потемнели и, кажется, вплотную приблизились к хутору. Поджаристая солнечная лепёшка, очерстнев за день и осыпав своими золотистыми крошками припойменные лозняки, вот-вот сронится в низину. Всё гуще тени от околичных осокорей, всё кучней комариные столбы.

Из палисада густо тянет жасмином и пионами. Это от бабушки Наташи ещё повелось: отец, как и она когда-то, любил всю эту неземную красоту и в своём саду, и на погосте у родичей, и к месту, и где, может, кто скажет, эта радость и не к месту, – повсюду насажал сиреней, флоксов и всяческой другой духовитой всячины.

Затворяю на ночь калитку. Присаживаюсь на лавочку в сирени. Где-то на ближней кировской окраине сиротливо поскуливает одинокая собачонка – наверно, Жулка дядьки Митрия. Жду, когда появятся на селе первые огоньки – отсюда, с самой верхней точки хутора их хороше-енько видать: один, два... все семь.

Сижу, и кажется мне, будто вот-вот распахнётся калитка и на двор, как бывало раньше в эту пору, войдёт отец с косой на плече и, встречая его, бабушка Наташа скажет: «Ну, с початком, с первым укосом, сынок! Заморился, небось? Ну, ничего-ничего! Всё сдюжится... Только б не было войны!».

«ОСЕННЕЕ ПРИЧАСТИЕ»

Так называется вышедший в орловском издательстве «Картуш» новый сборник члена Союза писателей России, лауреата нескольких российских литературных премий в поэзии и прозе Татьяны Грибановой

Это её тринадцатая книга и первая, в которой под одной обложкой автором собраны новые стихи и прозаические произведения.

О чём бы Татьяна Грибанова ни писала, от её текстов трудно оторваться. Читатель сразу чувствует: её строки – в стихах или прозе – рождены искренней любовью к своей земле и подкупают высокой степенью одухотворённости, исходящей из корневой системы истинной России. По мнению многочисленных знатоков и ценителей современной литературы, она по праву разделяет место среди самых ярких духовных наследников писателей, которых «Орёл вспоил на своих мелких водах». Это стало очевидным уже после дебютного поэтического сборника, вышедшего в 2007 году, а проза подняла Татьяну Грибанову в ряд первых российских литераторов её поколения. И новая книга – яркое тому подтверждение.

«Городская давно, а душа всё болит о нелёгкой судьбе хуторян-земляков» – строки этого давнего стихотворения, по сути – её жизненная и гражданская позиция. Однажды обозначив её, Грибанова не отвлекается от своих главных тем – деятельного патриотизма, питающего её интерес к прошлому страны и своей малой родины, неустанного восхищения неброской природой срединной России, чувства неизбежной вины перед предками и земляками за мерзость запустения в родном краю.

С особой силой это выражено в стихотворении «Отчина», которое завершается такой строфой:

*Чертополох снова взял
Во полон наш просёлок.
Доля такая:
путь русский извечно кремнист.*

*Отчина милая!
Горсть огонёчков по сёлам,
словно не брали Рейхстаг,
и не сдался фашист.*

Практически все сто стихотворений, составляющих первую часть сборника, можно объединить понятием «тихая лирика», роднящим Татьяну Грибанову с поэзией Николая Рубцова, Николая Тряпкина, Николая Поснова, Ольги Фокиной. Строки, исполненные безысходной печали и боли, острой боли скорбящего человека, чья «отчина» с кончиной последнего её жителя исчезает безвозвратно. Теперь и в её родном Игино по вечерам не зажигается ни одно окно, не слышно лая собак, не поёт первую зарю петух... Вряд ли когда-либо эти вымершие деревни будут возрождены, но по крайней мере топоним Игино, образы и характеры его жителей довоенной поры и второй половины XX века, его многовековой патриархально-православный уклад останутся в памяти и благодаря произведениям Татьяны Грибановой.

Понятие «родина» у неё не имеет чётко очерченных географических границ. Это и отчий дом, в котором

*...слышны
по ночам моих пращуров речи.
Всё наследство –
три карточки да полинялый рушник.
Только нет им цены
как навеки утраченной
вещи...*

*А предать память сердца –
засыпать землёю родник,
и весь подлунный мир –*

естественное продолжение «отчины», где воедино связаны земля и небо, сиюминутное и вечное, плоть и дух. В лесу, на лугу, у речки или на вершине ближайшей горы поэту уютно и покойно, потому что всему и всем она – своя:

*В мир этот Божий,
умытый первой парною грозой,
манят цветеньем ракиты
русской скудельной красой.*

Редкую мелодичность поэзии Грибановой отмечают и профессиональные музыканты: более двадцати её стихотворений положены на музыку и составили отдельный сборник, отмеченный в 2019 году литературной премией им. Алексея Фатьянова. Музыкальность стихов Татьяны Грибановой, связь с народной песней, без сомнения, привлекут и в новом сборнике, тем более что несколько стихотворений – уже готовые песни.

Грибановой не знакомы творческая немота и бестемье – сюжетов для стихов и прозы – на несколько сборников. Но если для рождения стихотворения ей иногда хватает аромата цветка, случайно услышанной фразы или даже слова, то прозу питают в основном детские и юношеские воспоминания, частые поездки на «отчину», встречи с многочисленными родичами и земляками, интерес к истории родного края. А малая родина для неё – это срез России,

бесконечный и бездонный. Татьяне Грибановой он

*до былиночки святой:
здесь отчий дом,
здесь пращуров могилы.*

Этот «срез» широко представлен и в прозаической части сборника «Осеннее причастие». Около двадцати его рассказов и повестей – плоды прежде всего «родовой памяти» автора, её глубокого знания темы и предмета описания, её сопереживания и нескрываемой любви к землякам и родным местам:

«Местность наша – до истомы духовитая, нежная, словно мамина душа. Щербатый Мишкин бугор, из-под которого неумолчной свирелкой – тирлинь-тирлинь – вызванивается на Божий свет, кажется, из самого сердца земли проворный родник.» (рассказ «До скончания дней»).

Особенность необыкновенного, самобытного образного слова Татьяны Грибановой в том, что оно тревожит память, пробуждает самые потаённые чувства, заставляет работать воображение, дарит незабываемые эмоции. В рассказы о современниках она искусно вплетает историю и предыдущих поколений, их быт, жизнь духа и души. А среди земляков автора немало «чудиков», возможно, наивных и простых, но в то же время житейски мудрых, бескорыстных, сострадательных, смекалистых, искусных в ремёслах. Прежде всего это близкие и дальние родственники автора, её соседи по отчому дому – всех знает, всех благодарно помнит. Поэтому так пленительно и благоуханно звучит в её произведениях русское слово, так тянут на сравнение с тургеневскими и бунинскими описания природы, так заманчиво и притягательно это неспешное повествование, такое редкое в современной светской литературе, практически утратившей некогда популярный жанр жития:

«По привычке тётка Серафима усаживается на лавку так, чтобы свет падал справа. Хоть почти и выровняла, одинаково изжевала долгая и многотяжкая судьбина и лоб её, и обе впалые, тряпицами повислые щеки, всё одно и сейчас ещё отчётливо сквозь паутину морщин просматривается крупное, сливового цвета родимое пятно, заляпавшее почти всю левую часть её угаслого лица.

Чёрносмородинные, когда-то бывшие праздничной одеждой души, а нынче запавшие, вдавленные временем, выеденные до бесцветья солью бессонных ночей Серафимины глаза при мысли о сыне затепливаются. И в ту же минуту сама по себе начинает лучиться из них безмерная ласка. В уголках скукоженных, словно два прошлогодних фасоловых стручка губ, даже проявляется как отблеск прошлого счастья лёгкая улыбка. И старушка, научившаяся за горькие годы забываться, уходя с головой в это былое счастье, заметно оживает. (Повесть «Серафима»).

Нет, сидя в городской квартире, не придумаешь образ и характер иссохшей до срока матери, десятилетия живущей только надеждой на возвращение сына с афганской войны (повесть «Серафима»), ни Алёну Тарасовну, вобравшую в себя все самые лучшие черты русской женщины-крестьянки (повесть «Так и жили»), не услышишь «плача» избы, осиротевшей после смерти хозяйки (рассказ «Нилина изба»), так увлекательно не опишешь «норов» камней-гольцов, служащих сельским женщинам гнётом для многочисленных солений-квашений (рассказ «Бабы камни»), так ярко и образно не передашь сочную, ядрёную речь сельской рассказчицы («Авилонья игинские») или наставления у родника родной бабушки:

«И-их, милая-а, водица-то, она – живая: всё видит, всё слышит. всё помнит, – скажет бабушка, вставши в пень, уже взобравшись на половину Мишкиной горы, оглядывая пойму, передыхая с ведёрками, полными драгоценной влаги.

– И меня запомнит? – возрадуется моё детское сердчишко.

– А-то как же, голубка, стану я оманывать! И тебя, дажить внучатков твоих признает, – божилась бабушка, – как отойду я, ты ключика-то нашенского не чурайся, нет- нет да заходи послушать, об чём он пережуркивает... а то – водицы его сахарной испить, глядишь, приставит голову к плечам – перепадёт тебе узнать что-нибудь заветное из его несметных, вековых тайн». («До скончания дней»).

Повесть «Глухомань» – это её дочерний поклон и последнее «прости» ветеранам-фронтовикам, двум старикам, отрезанным от мира погибельной метелью, что «бешено заламывая ветки, свистит и ярится в ракитенских деревьях», бросает в лица «пригоршни drobных гвоздей», перемешивает «быль с небылью».

Литературным критикам ещё только предстоит оценить место и значение творчества Татьяны Грибановой в современной отечественной литературе.

Валентина НОВОШИНСКАЯ,
газета «Орловская правда», 24.02.2021

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН

БЕЛЫЕ ГУСИ ПО СИНЕЙ ВОДЕ

(Отрывок из повести)

Федюня ушёл к деду Гришане сразу после завтрака. На машине не поехал: мать сказала: мол, нечего показывать деревне, что купил, и он согласился; к тому же до его дома рукой подать. Деревенская улица была пуста: ходить-ездить по ней теперь почти некому, а бывало, утром народ идёт, идёт, машины-трактора туда-сюда, ещё раньше пропылит на луг рогатое племя с бычками-тёлками и короткохвостая отарка. Всё, коров теперь в деревне единицы, их не пасут, а держат на привязи – кто где пристроит.

Дед Гришаня его обождался.

– Слава Богу, отыскался, – лицо засветилось в улыбке. – Спрашиваю у Васьки, где пропал, а мне он: мол, уехал ненадолго. А какая она, твоя «ненадолга», – я не

знаю. И ума не приложу, что делать. Самому начинать работать – побоялся: не потяну.

– Деда Гриш, виноват, знаю, но нельзя мне было не ехать, – повiniлся Федюня.

– Да я ничего, Фёдор, – и взгляд на него: светло-синие, словно выцветшие, глаза смотрели по-доброму, – с этим делом мы ещё не опоздали. Хотя, скажу тебе, некоторые пчеловоды эти самые магазинные надставки не снимают, и пчёлки зимуют в них: внизу-то всегда холоднее.

– Может, в каком-нибудь сделаем так, на пробу? – предложил Федюня.

– Нет, не сделаем, – и дед Гришаня покачал головой. – В нашем роду был порядок один: магазины снимали, мёд откачивали, рамки пчёлам на просушку, а потом в ящики до следующего сезона.

Федюня его понимал хорошо, потому что со всеми этими работами был знаком с детских лет. К примеру, дед Гришаня сказал, что мёд надо откачать, а рамки поставить на просушку, – это значит: после его откачки надо снова их поставить в улей, но только над холстиком, прикрывающим гнездо; и пчёлы с этих рамок будут собирать остатки мёда и носить в гнездо, под холстик, – до капельки соберут, пока не станут они сухими.

День входил в свои права. На пасеке тихо и солнечно. В черёмухе воробьиный переполох. Увидев людей, осторожные дрозды с тревожным треском носятся вокруг пасеки и в конце концов находят себе место на высоком ясене за пчельником – далеко не отлетают: на груше их небольшое родовое гнездо, наверно, ещё родителями построенное, а может, дедами. Как сказал дед Гришаня, нахальная и хитрая птица: сначала обобрала черешню: лишь только покраснелась, они тут же навалилась на неё.

– Ещё не рассвело, сумрачно – уже не спят, – докладывал он, но в голосе ни нотки сожаления от невосполнимой потери, – теперь вот навалились на красную смородину. Да, что хитра, то хитра: прогонишь – будет следить за тобой издали, ожидая, когда уйдёшь, это чтобы по новой на неё.

Сейчас дед Гришаня внимания на них не обращает: давно узнал их нахальную природу. Скорее всего по нраву ему одинокая горлица, – это она запросила попить: либо пьёт, пьёт и никак не напьётся с весны, либо не нашлась в этих домах добрая душа, чтобы вволю её напоить: «Водички, водички», – доносится из прогона со старых раки, где не так давно Федюня добывал гнилушки и радовался облакам. Они и сегодня над пасекой: белые-белые и пушистые, – по синему небу, словно белые гуси по синей воде, ушлепают за дедов огород. А над ульями весёлый гуд: медонос уже закончился, но облётывается молодая пчела, которая заменит рабочую и понесёт эстафету жизни дальше, до тёплых весенних дней, чтобы так же вот закончить свою жизнь в трудах праведных.

Пасеку прилюбили ласточки и синички – всё лето посвистывают-потенькивают; и когда бы ещё Федюня пригляделся к их образу жизни, не раскрой ему глаза на это дед Гришаня, – так помог ему увидеть по весне городская родня Алик, чем забавлялись у порога куры.

– Не каждая земная тварь хотела бы пожить рядом с человеком, но которая жмётся к его дому, наверняка знает: тут сытнее живётся, – сказал он, когда пришли на пасеку и две синички испуганно порхнули от ульев на яблоню. – Эти подбирают на прилётных досках павших пчёл и личинки, что совсем неплохо: тут они работают как санитары. Пчела в улье заразу не разводит, из него всё лишнее выносит-выметает, эти на подхвате как бы. Но тут, Федор, тоже не всё хорошо: птица настолько привыкает к такому корму, что и зимой, когда пчела не летает, хотела бы питаться им. Ульи-то у меня и зимой стоят под открытым небом, и, знаешь, до чего они додумались: сядут на прилётную доску и клювом по летку: тюк-тюк-тюк.

Из него тут же встревоженная пчела, и птичка-синичка её склёвывает, только крылышки на снегу остаются. Гонял, да где там; но потом придумал: летки стал пригораживать досточками, а то и присыпшу снегом.

И всё у них повторилось, как это было в медонос: рамки из магазинной надставки – в рамонос и на тачке – к дому; и так же запечатанные соты вскрывали, с той лишь разницей, что запечатанных сотов было меньше: медоносная пора оставалась позади, цветущих растений становилось меньше, а значит, меньше нектара приносила пчела в улей, и соты оставались залитыми не полностью.

– Незрелый медок в некоторых рамках, – сказал Федюня, поднимая из надставки очередную. – И в этой тоже.

Надставка была нестандартной, увеличенного размера; полупустые соты свежо посвечивали желтизной, это значит, оттянуты были совсем недавно, и пчёлам заливать их попросту было нечем.

– Обижаться не будем, – спокойно сказал дед Гришаня, – семейка работала хорошо, Она и без того дала нам два магазина. Ясно, что незрелого мёда в этих сотах порядком, так что мы его откачивать не будем: поставим рамки в ящик, в пчельнике, а потом отдадим какой-то слабой семье, у которой с кормочком в зиму будет слабовато. Вообще-то, я тебе говорил, что пчёлы великие труженики: работают днём и ночью. Например, хорошая семья за день приносит в улей... – он сделал паузу, но она была короткой, – допустим, пять килограммов нектара, и за ночь из него вырабатывают килограмма два мёду, остальные килограммы – вода, которую они выпаривают. Идешь по пасеке: пахнет мёдом, – значит, работают.

Дед Гришаня говорит – как рассуждает сам с собой: спокойно и неторопливо, словно каждое слово кладёт на весы, а потом вес его записывает. Но иногда Федюне кажется, что разговаривает он со своими пчёлками, словно спрашивает их о здоровье, где они летали вчера-сегодня; и они ему рассказывают всё: сколько километров за сезон налетали, сколько цветков и какие проверили, откуда и каких мёдов ему наносили, – все науки они знают, не только геометрию, по которой строят соты!

– Пока мы с тобой особо не опаздываем, – говорил дед Гришаня, и тут же сам себе задал вопрос: – Почему я так думаю?

– Знаешь, что начало августа – ещё не поздно, – решил угадать Федюня.

– Можно и так рассуждать, – согласился дед Гришаня. – В один год у меня стояли магазинные надставки до сентября: ночи тёплые, даже дождики перепали, и недалёко зацвела гречиха, семена которой во время сева плохо заделали: по засухе они не проросли, а тут по теплу и с влагой такой подгон пошёл хороший, и поле снова было в белом цвете. Это, Фёдор, так бывает редко: второй медонос! И качнул же я тогда!

Столько довольства у деда Гришани на лице Федюня ещё не видел; но тут же подумал, что какая-то часть его приходится и на этот день, когда важная работа на месте не стоит и пчёлки его напоследок постарались ему угодить.

– Важно, Фёдор: мы успеваем до ненастья, – куда успеваем, что успеваем, – дед Гришаня не говорит, но внуку его и так понятно: снять магазинные надставки; непонятно только, о каком ненастье речь?

– Деда Гриш, кто тебе нашептал, что ненастье будет?

– Будет, Фёдор, и скоро, – уверенно говорит он. – Завтра вот Ильин день. Бывало, мать моя говорила: «Пришёл Пётр и Павел – на час день убавил; пришёл Илья-пророк – два уволок». А за ним всегда дожди, значит, лету приходит конец. И второго медоноса у нас не будет. Посмотри на облака: видишь, как быстро они бегут?

Федюня голову кверху: облака по синему небу, словно белые гуси по синей воде... А Людмила Петровна шепчет ему на ухо: «Видишь, как уносит их... а за ними ненастье прихлынет...» Нет, это голос деда Гришани:

– Но дни стоят пока погожие, да и ночи тёплые и звёздные. Дожди? В эту пору они тоже нужны, – а сам то на Федюню посмотрит, то на солнце – время послеобеденное, и оно к истоку Неручи ближе скатывается, но на тепло по-прежнему не скупится; то снова на Федюню взглядом, потом по пасеке, и неожиданно даёт понять, что работу они заканчивают. – Наверно, остановимся на этом. Работали без обеда, сделали много, так что на два небольших ужина мы с тобой заработали, или на один хороший.

– Наверно, заработали, – согласился Федюня.

Они ещё походили по пасеке, пособирали кое-какой пчеловодный инвентарь, оставленный ими на ульях, возле них на земле, на скамейке под черёмухой: стамески, дымарь с гнилушками, два ножа, которыми они зачищали на рамках и на стенках надставок натянутые пчёлами соты и прополис, запасные холстики, и всё это сложили в порожний улей, рамонас унесли в пчельник.

– От кого прятать-то? – спросил Федюня. – Чужие люди дороги сюда не знают, свои не возьмут, да и кому всё это может понадобится – в округе пчёл водишь только ты; а дождя не ожидается.

– Правильно рассуждаешь, – как похвалил его дед Гришаня и улыбнулся; Федюня успел увидеть: улыбка его была усталой. – Но я прежде всего люблю на пасеке порядок, инвентарь кладу всегда в одно и то же место, а потому никогда не трачу время на его поиски.

Очевидно, уходить с пасеки ему не хотелось; да и вообще, как только после зимы загудят пчёлы, он готов находиться на ней сутками, и неудобств при этом никаких не испытывал. Здесь ему было где посидеть и полежать: под черёмухой с мая по сентябрь не убиралась скамейка, которая ему служила уже много лет, потому что он её по-своему берёт: снову во время дождя накрывал клеёнкой, под ножки, чтобы не были в сырости и не сгнили раньше времени, сразу же приладил обрезки от доски, какую-то железную пластинку и разбитую сковородку; а ещё возле стены, как раз под окном, пристроил лавку, тоже достаточно широкую – ложись в любой час и слушай музыку погожего дня: птичий разговор, пчелиную радость, а недовольной пчелы на его пасеке, наверно, не было отродясь, потому что старый пчеловод не умел их обижать.

В непогоду дед Гришаня уходил в пчельник – он пропитан запахами прополиса и воска от старых холстиков, воцины – от свежих рамок, особый запах дыма от закопчённых дымарей. Чего ещё желать человеку в такой час: дождь разговаривает с ним по-своему, сырой ветер – по-своему, и дед Гришаня всегда хорошо понимает их родственные души.

– В дом не пойдём, – сказал он Федюне, – нечего там делать. Зимой насидеться успеем. Ты лучше поди и принеси оттуда, со стола, что я приготовил. Всё поставь в плетушку – в ней удобно будет нести, она там же стоит, на скамейке; да кастрюльку с картошкой не забудь.

Через минуты плетушка уже стояла в пчельнике. Дед Гришаня по жизни был мудрым человеком, и тут проявилась его мудрость: приготовил еду, которая бывает в доме каждодневно, но при этом не надоедает.

– Ну и дед, – приговаривал Федюня, выкладывая на стол, рядом с кастрюлькой со сваренной молодой картошкой в мундире, прослоенное сало, зелёные перья лука, свежие огурцы, помидоры.

– Всё по сезону, – расценив слова Федюни за похвалу, сказал дед Гришаня.

– По какому сезону, деда Гриш, – упрекнул его Федюня, доставая со дна плетушки две банки консервов и порядочный кусок копчёной колбасы. – Ты хочешь сказать, что и это по сезону? Зачем покупал? Ты знаешь, что она сегодня представляет из себя? В ней одна соя и свиные шкуры, высушенные и измельчённые.

– Не покупал, – ответил дед Гришаня. – Я давно в магазин не ходил: ты всегда что-то приносил, то Васька мой, и вчера вот проведаль, – и тут же переспросил, как уточнил у самого себя, а может, у Федюни: – Или позавчера?

– Отец говорил, что позавчера. – подсказал ему Федюня, доставая из плетушки ещё один небольшой пакет. – Ага, лепёшки какие-то.

– А-а-а, – хитровато протянул дед Гришаня, – ты и не подумаешь, чей это гостинец. – Времени подумать он Федюне не оставил: – Девка твоя приходила вчера проведать... тебя, конечно, а получилось – меня. «На, – говорит, – гостинчик, – это как благодарность за мёд, – говорит, – хороший очень». Беру и сам думаю одно: «Не ко мне пришла, на полвека опоздала», а говорю-то ей другое: «Да, такой мёд ещё поискать надо, так что ешь его, набирайся сил».

В завершение всего на стол рядом с лепёшками были выставлены с лёгким пристуком пол-литровая банка с мёдом и бутылка со спиртным, тоже пол-литровая; а дед Гришаня пояснил:

– Поллитровку Васька мой принёс.

– Вообще-то бутылку должен ставить я, – сказал Федюня.

– Пошто решил так? – спросил дед Гришаня.

– Машину пригнал, – пояснил он. – Так получилось: за работу рассчитались с нами машиной, и отказываться не стали, выбора не было, а что Бог даёт – к лучшему. Собственно, она пока не моя, а как бы общая, друзья говорят: не продавай, оставь себе, мол, деньги отдашь потом, как зарабатываешь.

– Выходит, машину тебе друзья купили, – уточнил для себя дед Гришаня, продолжая хлопотать над столом.

– Да, их доля в ней тоже есть.

– Хорошие друзья, если верят тебе и помогают жить, – сказал дед Гришаня. – Во время войны дружбу очень ценили, да и сразу после войны тоже; а потом люди стали нужду забывать, кто пожирнее зажил – загордился, – и как сделал вывод: – Деньги портят человека.

Он перестал говорить, словно обдумывал, что ещё сказать, молча набулькал в рюмки из бутылки, поднял свою и продолжил:

– В таком случае считай машину своей покупкой; и давай за друзей твоих выпьем, а заодно и её обмоем.

После его слов они выпили – дед и внук из хромовской династии пчеловодов, которые в прошлом виделись редко, но тревожное время перемен в масштабах государства свело их на родовой усадьбе предков, а в это медоносное лето помогло деду Гришане сблизиться с внуком, Федюне – по-настоящему почувствовать с ним кровное родство; и многое из того, о чём они говорили во время работы на пасеке, по-своему помогало им в этом. О чём говорили? В любом случае – о жизни: у деда Гришани она уже долгая, у Федюни, можно сказать, в самом начале – семью-то ещё не завёл; о многострадальной жизни общества, в которой мечется народ в поисках лучшей доли, обрекая себя на всякие неудобства, потому что доля эта для современного человека – не что иное как мешок с деньгами, и для каждого он видится разной величины, что зависит от способностей и потребностей многострадальца.

Федюне хорошо сиделось с дедом Гришаней в его любимом уголке, наполненном тайнами прошедших лет, которые могли раскрыть ему каким-то образом все эти ящички с рамками и пустые, но по всему и они скоро будут заполнены сотами, кормушки, лицевые маски и дымари, отслужившие хозяину много лет. Тот самый хозяин расставаться с ними не захотел из-за своей привычки ко всем этим пенатам – да, именно она не позволяла деду Гришане выбросить их за пчельник в крапиву; при этом внутренний голос ему нашёптывал: мол, не спеши, не спеши, может, ещё пригодятся, – и тот самый хозяин этим немножко смахивал на литературного героя Плюшкина.

– Ещё раз тебе скажу: цени своих друзей, но всё же научись различать, кто из них настоящий, – сказал дед Гришаня, выбирая для себя закуску помягче.

– На них что, написано: настоящий, не настоящий?

Дед Гришаня уловил в его словах насмешку, но ответил на его вопрос так же серьёзно:

– Время и дела проверяют каждого человека. У меня на фронте был друг, настоящий друг, – Иван Аралкин из Подмосковья. Сержант, командовал взводом сапёров, и я в его взводе был. Когда форсировали Одер, а это было в начале февраля сорок четвёртого, мы строили мост; а ты должен представлять, что такое в эту пору забивать сваи, находясь в воде, укладывать прогоны, потом настил, и всё это делать под огнём противника. Пять свай за два часа, а потом сутки на нём стоять, пропускающая на плацдарм войска, – только одних подвод более трёхсот прошло за сутки, а техники – в голове не укладывается.

– Представляю, – уже с серьёзным видом сказал Федюня.

– Он меня в первом же моём бою от смерти спас. Мы атакуем, до вражеского окопа где ползком, где перебежками – и в него; и оказался я между двумя немцами. Одного – не целясь, от другого успел увернуться в ячейку, но пуля его меня всё-таки догнала. И добил бы он меня в секунды, не окажись рядом Иван: опередил немца.

– Тяжело ранило?

– Как написали в госпитальной справке, лёгкое ранение: в мякоть голеностопного сустава. Лёгкое, Фёдор, а два месяца в госпитале пробыл. Кстати, Иван тоже там оказался – вместе лежали и вместе потом нас определили в восемьдесят четвёртый отдельный инженерно-сапёрный батальон. Я, Фёдор, ему тем же отплатил: тогда по тому самому мосту войска за Одер шли и шли, но снова и снова налетала вражеская авиация, сыпались бомбы. Мы на мосту, а спрятаться негде, и под мостом-то не спрячешься. И вдруг рвануло рядом. Мост устоял, но Ивана взрывной волной смахнуло в воду. Смотрю: нет его и нет. Где упал – видел и – в воду. Сразу под водой наткнулся на него и – к берегу. Оглушило Ивана, и не заметь я, куда он упал, не помоги ему в эту минуту – не остался бы тогда в живых мой боевой друг: наглотался бы воды одерской вдоволь.

Их разговору за столом никакой помехи, и они никому не мешают. Дед Гришаня наливал по полрюмочки, на правах старшего; пил он маленькими глотками, и объяснил это так:

– На фронте я не пил. Выдадут «наркомовские» – я их солью в фляжку. Командир обратил внимание, что у меня фляжка постоянно тяжелая, а значит, полная, нет-нет да и кивнёт мне на неё: мол, плесни маленько. Не жадничал, наливал. Ивану тоже не отказывал. Его контузило тогда на мосту, но в госпиталь идти он отказался, ещё в воде холодной поплавал, и я лечил его спиртом. Потом он вчистую со мной рассчитался: второй раз от смерти спас.

– Судьба? – спросил Федюня.

– Тут – да, – уверенно сказал дед Гришаня. – Можно сказать, роковое стечение обстоятельств. Уже в Берлине, взяли рейхстаг, и немцы капитулировали. Идём по какому-то местечку, дома невдалеке, все разрушены. А идём рядом, от меня он слева, и говорим, говорим... Смотрю: Иван упал, из ранки на шее, как раз слева, кровь ручьём. Выстрела из-за шума техники не было слышно – по всему снайпер, и бил издали; выходит, друг прикрыл меня своим телом. Иди я слева от него – уже я защитил бы его, моя бы пуля была. А тут забинтовал ему шею и на себе в санбат. Так мы с ним и расстались, не попрощавшись: Ивана тут же отправили в госпиталь, а нас на отдых. Лишь много позднее узнали, что ждали мы приказ отправляться к границе с Японией, но там и без нас обошлись.

– Ты после войны так и не повидался с ним? – спросил Федюня.

– Не повидался, – с сожалением сказал дед Гришаня. – Мне мой Васька говорил не раз: давай, мол, отвезу на встречу ветеранов-однополчан, давай найдём, а у меня всё не вязалось как-то со временем, то есть не до того было: то дела – огород, пасека, то тяготился от мысли, что надо уезжать от дома, а Ваське моему всё заботы: он и так делами своими задавлен..

Федюня слушал деда Гришаню и зримо представлял его каждодневную солдатскую работу, в которой сопрела на спине от пота не одна гимнастёрка, не одна пара ботинок и сапог были разбиты на его фронтовой дороге; и могло быть разбито много больше, если бы он сам не продлял им жизнь: в короткие часы отдыха красноармеец Хромов умел подбить оторванную подошву, прошить разорванное голенище.

И может, ещё долго текла бы тёплым ручейком их задушевная беседа, от которой было им по-родственному хорошо, но через открытую дверь увидел Федюня, как мелькнула в прогоне чья-то фигура в пёстром одеянии, и услышали они женский голос:

– Люди, есть живые?

Федюня сразу признал: Анечка.

– Живые тут, – отозвался он.

У деда Гришани со слухом было не особо плохо, но за разговором Анечку по голосу не признал.

– Кто?

– Анечка, – ответил Федюня.

Дед Гришаня встал со скамейки.

– Приглашай, это по твою душу, а я отлучусь.

Они вышли за порог пчельника; хозяин – к дому, Федюня навстречу Анечке. Она уже шла от прогона по проколу, сделанному им ещё во время работы с пушкой, в пёстром платье с короткими рукавами – по синему полю тёмно-красные цветочки рассыпаны, а на лице неопределённость: мол, правильно ли её здесь поймут? «Поймут, поймут», – услышал он свой внутренний голос. То ли услышала его и она, то ли увидела в глазах Федюниных радость, только на лице её появились светлые проблески, словно солнышко выглянуло из-за тучки и погладило её своей бархатной ручкой по голове. Но солнце позади; Анечка идёт, идёт, и голова её божественно засветилась, оказавшись в ореоле солнечных лучей. Федюне в этот момент подумалось, что Анечка сошла к нему с небес вместе с предвечерним солнцем; и он тут же под старой дедовой дулей обнял её как посланную в этот час ему свыше.

А ещё Федюне показалось, что с её приходом в пчельнике посветлело, хотя это всего лишь глазастое солнце удовлетворяло своё любопытство, заглянув к ним через открытую дверь. И всё-таки в пчельник она входила с прежней робостью и ещё некоторое время находилась в таком же состоянии, пока не пришёл дед Гришаня, который заговорил с ней как старый знакомый.

– Мы тут с Фёдором решили пображничать и одну посудинку уже опорожнили, но до твоих лепёшек всё-таки не добрались, вот я и сходил ещё за одной, – с этими словами он из кармана халата на стол поллитровку, – Хотя я думаю, что нам с Фёдором и этого было бы вполне достаточно: перегружаться ни к чему.

– Ни к чему, деда Гриш, – поддержал его Федюня.

– Да я гостью хочу угостить: уж больно хороший подарок она мне сделала, – в его голосе лукавые нотки.

Лукавость не осталась не замеченной: Анечка сначала чувствовала себя стеснённо – слушала, молчала, а после его слов стала осваиваться.

– Деда Гриш, я крепкую не пью, – сказано это было кротким, бархатным голосом.

И Федюня успел подумать, что сегодня он готов его слушать вечность.

– Дело поправимое, – сказал дед Гришаня. – Есть у меня в запасе бутылёк медовушки, не один год стоит. Вот сейчас и проверим, что она из себя представляет.

С этими словами он достал из ящика, что стоял в дальнем углу пчельника, пятилитровую стеклянную посудину с узким горлом и чёрной резиновой пробкой. а сам взглядом по столу и, очевидно, остался недоволен.

– Дочь, – попросил он Анечку, – тебе привычнее: помоги нам навести на столе порядок. А ты, Фёдор, порежь хлеб, открой консервы, ну а я налью медку в ту вон чашечку. – И с этими словами чайную чашку с полки на стол.

Всё получилось у них быстро и ладно. Дед Гришаня усадил Анечку на скамейке, сам сел напротив, рядом с Федюней, Смотрел на неё и улыбался. О чём он при этом думал, тут же выразил в одной фразе:

– Вот что значит молодость.

А потом наполнил рюмки медовушкой и со словами «Будем снимать пробу» призвал их оценить её качество.

Проба оказалась удачной: терпкая, ароматная, она напоминала Федюне бальзам, который привозил из Риги во время учёбы в институте его однокурсник Петруха Попов. Тогда они смешивали его с водкой или самогоном – его привозил из деревни Федюня, а то и с чаем, если ни того, ни другого в этот час у них не было; но этот дедов напиток превосходил рижский бальзам по крепости: выпили всего ничего, а Федюня почувствовал, как по телу пошла новая горячая волна; Анечка заговорила веселее; дед Гришаня, наверно, тоже почувствовал нетрезвость после выпитой рюмки, тем более вдобавок к употреблённому ранее: закусив лепёшкой с мёдом, как он говорил, побуровив с ними некоторое время, в пчельнике не задержался, сославшись, что надо доделывать дела в доме.

И они остались одни – напротив друг друга, глаза – в глаза: она – на скамейке, он – через стол, на лежанке. Уходя, дед Гришаня им послужил: их рюмки налил, а свою со стола убрал, тем самым дал понять, что в пчельник вообще не возвратится. Они подняли рюмки одновременно, и всё так же глаза – в глаза; у Анечки полуулыбка, во взгляде немой вопрос и чуть ли не задор: ну, что, мол?..

Федюня вызов принял: в левой руке рюмка, правой легко похлопал по лежанке рядом с собой. Она всё понимала: встала, – рюмка в руках, – перешла на его сторону и села рядышком. «Анечка, Анечка, вот и нашла ты меня», – подумал Федюня. А мысли в голове – роем, в памяти его за секунды промелькнуло всё его прошлое – от отцовской пасеки на почтовом тракте до дедовой, в сегодняшних днях. Вот она, Анечка, тёпленькая, желанная, рюмка в руке, и тянется к нему губами – они пухлые и горячие-горячие...

– На брудершафт, – прошептала она.

У Федюни внутри холодок: память выхватила из недавнего прошлого скатерть-самобранку у подножия кургана – там тоже был брудершафт... Но руки их уже сплелись-схлестнулись, рюмки опустели; и от губ её Федюню уже не оторвать, и не найти в пчельнике такой силы, чтобы смогла оттянуть его от Анечки.

А на пасеке час вечернего покоя: миролюбиво гудят пчёлы – готовятся к работе в ночную смену; молодой месяц-шалунишка вполглаза подглядывает из-за черёмухи за землянами, что притаились в дедовом пчельнике, – ухмыляется, проказник, и как бы шепчет еле слышно: «Ай-яй-яй»; за огородом заскрипел протезом коростель, в доме хлопнула дверь – дед Гришаня справляется с делами. И шёпот, шёпот...

– погоди, – шепчет Анечка, – погоди, давай поговорим.

– Потом поговорим, – это Федюня, и тоже шёпотом; в руке всё так же рюмка, только пустая, другая рука ищет работу. И тут ничего не поделает: Федюня безра-

ботный, но руки-то работу просят. И Анечка тоже как безработная... «Господи, – шепчет она, – что делает... что делает...»

Она ушла перед рассветом. Федюня хотел посмотреть время, – на стене возле двери висели электронные часы, которые подарили деду Гришане к Дню Победы, и на лето он вешал их в пчельнике, – но в потёмках ничего не разглядел, а посветить – ни фонаря, ни спичек: подумалось, что она уходит рано, Анечка, наоборот, по-тихому твердила, что давно пора. Он проводил её недалеко, и не потому, что не захотел, наоборот, воспрепятствовала этому она.

– Всё, всё, не ходи. Я сюда дорогу знаю наизусть, и отсюда тоже, – а сама всем телом жалась к нему, жалась – так не может утолить жажду путник, организм которого под знойным солнцем обезвожен до предела, и вдруг на его пути оказался родник. – Такая, видно, выпала мне судьба, мой милый: с юных лет – по ночам на пасеку, с пасеки, а ещё долго ждать этого счастья и знать, что оно будет для меня не долгим. – И вдруг резко отстранилась от него и растаяла в предрассветном сумраке.

Домой Федюня не пошёл. Дедов полушубок и лёгкое одеяльце ещё хранили на лежанке Анечкино тепло, и, безмерно счастливый, он легко погрузился в сон, как в тёплую воду, чтобы завтра...нет, уже сегодня завершить на пасеке важную для них работу.

ГЕННАДИЙ ВЕРКЕЕНКО

ДУПЛЕТ... И ДВА КОРОТКИХ...

С юного возраста привык вставать чуть свет, порой даже раньше, чем всходило солнышко. Родители будили меня стеречь домашнюю скотину или косить траву на росистых лесных полянах. В те летние дни поутру мать поила меня свежим парным молоком и угощала почтенной краюхой ржаного хлеба – это и был завтрак.

С годами раннее пробуждение навсегда вошло в мою уже взрослую жизнь, о чём ни капельки не жалею. Сейчас, общаясь с людьми, которые встают с кровати ближе к полудню, частенько подумываю: «А что, если бы все просыпались на ранней зорьке? Сколько бы тогда у них появилось времени сделать что-то полезное, получить дополнительной прелести от жизни, слушая природу?». Ведь с рассветом, пока ещё ночь, млея, тихонько тает под лучами восходящего солнца, пробуждается необъятный животный и птичий мир: мычат в хлевах коровы, трубят в лесных куцах лоси; с кормежки, по известным лишь им одним тропам, хрюкая, спешат кабаньи стада; расправляя крылья, горланят на рассвете во всю мощь деревенские петухи, перекликаая друг друга; начинают гомонить грачи с воронами, не отстают от них горлинки да воробьи; толпясь после ночной прохлады в густом жнивье, чурюкают и посвистывают в общем надзоровом оркестре перепёлки и куропатки... С подъемом над горизонтом яркого светила даже ранняя пчёлка, выползая из летка улья, норовит быстрее отправиться в путь и первой собрать пыльцу или напиток нектара с ещё росных цветов...

Переступив черту весьма зрелых лет, постоянно в летнее время обустроиваюсь за городом на своей даче. Тут повсюду витает благодать: рядом речка, опушённая раскидистыми раkitами, а в вышине, обласканный лучезарным солнцем, царит безбрежный купол небосвода. За самодельным плетнём, обозначающим границу дачного участка, раскинулся небольшой пруд со всякой живностью. В солнечный день его поверхность от легких дуновений ветра искрится мириадами алмазных чешуек-волнушек. Некогда сотворённый руками человека, добывавшего здесь песок, водоём стал любимым местом для рыбацких посиделок. По уложенной плита-

ми тропинке хожу к воде, где поблизости сколотил нехитрую скамейку, на которой удобно посидеть с удочкой. Кругом зелёная осока, в которой частенько копошатся болотные куропатки, гнездятся и выводят потомство дикие утки. Не брезгают прилетать на побережье аисты и белые цапли, чтобы поохотиться на мелкую рыбёшку. Горделиво выхаживая по колению в воде вдоль отмели, они вдруг замирают, как изваяния стоя на одной ноге, чтобы тотчас выхватить из воды неосторожную рыбку. Гуляют кремовые горлицы, оглашая окрест своим гортанным угу-угу-угу-гу, прилетают испить водицы сороки, вороны... Водоём облюбовали и птичья мелочь, и даже грачи...

Как-то раз на летней зорьке, перед восходом солнца, я, как обычно, прохаживался по участку, раздумывая закинуть удочку и порыбачить в пруду. Сам не зная почему, остановился у ажурной дверцы, ведущей к береговому спуску. Над землёй ещё висела лёгкая мгла, нехотя уступая пространство редким малиновым лучам, пробивавшимся сквозь густую лиловую кисею листвы прибрежных ракушек. Водная гладь пруда завораживала. Небо точно опрокинулось в эту зеркальную тишь. Ни одна рыбка после ночного сна не плескалась на её поверхности. Не было слышно не только звонкоголосых лягушек, оглушавших своим нескончаемым кваканьем всю округу пару месяцев по весне, но даже их одиночных урчаний где-нибудь под сгнившей корягой. Молчала и многочисленная птичья братия, снующая с куста на куст, лишь только забрезжит рассвет. Небеса, отдохнувшее за короткую летнюю ночь, были матовыми, нежными и такими добрыми, что хотелось бесконечно любоваться ими и слушать окружающую тишину.

Но вскорости непонятные звуки заставили меня насторожиться и внимательно осмотреть берег. На мелководье приметил любопытную мордочку с растопыренными усами. Тёмно-шоколадный окрас зверька сливался с илистым прибрежьем. Вначале мне показалось, что вижу выдру, но приглядевшись – распознал бобра. Усевшись «по пояс» в воде, он зубами держал небольшую ракушечную ветку и, крутя её лапками в воде, неторопливо обглаживал кору, оставляя после себя белоснежный след. Смачное хрумканье, распластавшись в воздухе, слышалось даже на берегу. От круговерти веток, на воде рябились мелкие волны, шелестя, они легонько шлёпались о берег и расплывались ребристыми плёсками вдоль побережья. Я с интересом стал смотреть на зверюшку. Чтобы лучше разглядеть её, решил отворить калитку и по ступенькам тихонько спуститься к воде. Но не тут-то было! Стоило мне лишь немного приоткрыть дверцу, как бобр тотчас перестал трапезничать и опрометью нырнул в глубину, оставив на воде взвихренный бурун. Колыхнувшись, водное зеркало помутнело и тотчас поглотило животное...

В этот год из-за малоснежной зимы половодья весной не было, а посему воды в пруду не добавилось. Он обмелел настолько, что вдоль водоёма не наблюдалось ни одной подтопленной ракушки, не зеленел даже реденький лозняк. Сам по себе возникал вопрос: – Чем же питается зверёк, где он разыскивает себе корм? Но ответа так и не находилось...

Летнее утро только начиналось...

Пока ещё не слепило раннее золотистое солнце, я присел у воды на пенёк и стал разматывать удочку. Намеревался не столько порыбачить, сколько расслабиться, делая вид, что ловлю рыбу. Ведь в обмелевшем водоёме её уже почти не осталось. Ну, а если в этот раз повезёт увидеть хоть одну единственную поклевку, то время, проведённое на берегу, будет потрачено не зря.

В предвкушении клева мне пришлось почти неотрывно смотреть на поплавок, который в летнем затишье едва кивал красной шапочкой над водой от прикосновения к леске рыбной мелюзги. Покой вокруг меня навевал отрешённость от реальности, обволакивал моё сознание. Но вдруг по поверхности пруда покатались

одинокие зыбкие волны. Встрепенувшись, заподозрил, что это может быть какой-нибудь обитатель пруда, и тотчас стал вглядываться в белёсую дымку, парящую вокруг. Мне нравится всякая живность, люблю её разглядывать, не причиняя ей вреда, наверное, это потому, что своё детство провёл в посёлке у края леса, среди болот и речек, в которых этого «добра» было в избытке...

Чутьё меня не подвело. Нарушителем спокойствия был матёрый бобёр. Он смело плыл в мою сторону. Оказавшись поблизости от берега, всего-то в трёх-четырёх метрах от меня, он замер, потарашился глазами по сторонам, прислушался. Очевидно, ему показалось, что за ним кто-то наблюдает. Сидя, как изваяние, я почти не дышал, лишь с интересом рассматривал толстобокого бобра, хотелось, чтобы он принял меня за своего и не пугался. Несмотря на скудность кормежки вдоль пруда, бобёр не выглядел измождённым, его мех смотрелся бархатисто-шелковистым и одновременно блестящим, он лоснился на свету, отсвечивая ухоженностью. Хвост, наполовину торчавший из воды, напоминал мощное кожаное весло.

Любопытные, немного испуганные глаза странно смотрели в мою сторону из-под мокрой шерсти. Так продолжалось недолго – всего несколько мгновений. Изголодавшийся зверёк – «голод не тётка» – набрался храбрости и, прячась за приотпленной у берега корягой, вдруг изогнулся, с необычайной живостью выскочил из воды, шибко кинулся на взгорок, оставляя за собой на седой от росы траве длинный, ярко-зелёный след. В одно мгновение он сгрыз пук травостоя с торчавшими в нём листьями лопуха и тотчас с шумом плюхнулся обратно в пруд. Раздвигая телом упругую воду, он пытался нырнуть на глубину, но сочная добыча не давала ему это сделать. Словно подводная лодка с торчащим «перископом», он проследовал восвояси...

После этого случая встречи с бобром стали не редкостью. Как потом выяснилось, он проживал у противоположного от моей дачи берега не один, а со своим семейством. Взрослая пара растила двух бобряток. На досуге, то сидя с удочкой на берегу пруда, то благоустраивая побережье у забора дачного участка, я стал приглядываться к осторожным «соседям».

Малоснежная зима не порадовала весной шумным паводком, который обычно пополнял обмелевший за прошлогоднее лето пруд, бобриная хатка оказалась высоко на суше, и добывать пропитание её хозяевам здесь было невыполнимым делом. Крутые берега водоёма, некогда утопавшие в дебрях и зарослях мелкого кустарника, поросшие раkitами, окунавшими в воды свои ветви – любимое лакомство бобров, – теперь для зверьков были просто недоступны. С одной стороны пруда обрывистым склоном охристо желтел голый берег, с другой – зеленел малахитовой порослью осоки и редкого камыша.

От жалости к бобрам мне стало не по себе. Блестящие от воды, свободно плавающие вдоль побережья, они создавали особое настроение, наполненное гармонией, красотой и радостью жизни. Очищая берег от сломанных и погнутых ураганом деревьев, стал подкармливать бобриное семейство. Каждое утро и вечер бросал в воду ветки с обильной листвой, а потом, затаившись у плетня с фотоаппаратом, дожидался, когда бобры приплывут на кормёжку. Они долго не заставляли себя ждать. Появлялись почти в одно и то же время. То один, то вдвоём, а то и все четвером. Расположившись «по пояс в воде», на почтительном расстоянии друг от друга, они передними лапками, похожими на ручки, цепко удерживали прутики и, ловко крутили их в воде, споро обгрызали с них кору, отчего над прудом лениво разливались шлёпающие звуки и раскатистый хруст: хрум-хрум, хрум-хрум....

В один из дней знакомый мне бобёр задержался с завтраком. Солнышко, как в некоем сказочном царстве Берендея, уже ярко лучилось из-за верхушек высоких

раakit, испещряя узорами света прибрежную заводь. Когда я около десяти часов утра появился на берегу, зверушка, к моему удивлению, ещё кормилась и степенно сидела в воде, с наслаждением трапезничала, расправляясь с моими заготовками. Над гладью пруда в переливах солнечных бликов галдели чайки. Пикируя с высоты, они хватали мелкую рыбёшку, которая ютилась у поверхности пруда, грелась, сбившись в стайки. Красивые бабочки, вздрагивая и трепеща крыльшками, порхали над торчащими ветками почти что возле носа бобра, норовя присесть прямо ему на голову. Но он был настолько поглощён своим завтраком, что не обращал на них никакого внимания, лишь изредка блаженно закрывал глаза от удовольствия.

Заслышав шум от моих шаркающих шагов, бобр вздрогнул и насторожился. Чтобы его не спугнуть, мне пришлось замереть на месте. Но чуткое животное, через мгновение, не выпуская изо рта ветку, всё же развернулось и тотчас поплыло к противоположному берегу. Спешно ретируясь, зверёк, не выбирая пути, ринулся через пруд. Разгоняя по пути диких уток, он поплыл прямо туда, где над водоёмом кружили птицы. Ветка глубоко и смачно бороздила воду, распугивая рыбу. Чайки, заметив непрошеного гостя, который лишает их завтрака, бросили рыбалку и кинулись на него сверху, дружно атакуя пловца. Планируя вниз, они норовили со всего размаху больно стукнуть клювами в торчащий над водой нос. Шумно хлопая крыльями, метили ударить прямо в голову нахального, по их мнению, бобра. Утки, почувствовав угрозу от чаек, истошно крикая, отсвечивая переливами бирюзово-изумрудных перьев, устремились на мелководе.

Сопротивляться пловец не мог. Он тихо терпел нападки сильных птиц и, не выпуская из зубов лакомую ветку, тащил её к своему жилищу. Нырнуть вместе с ней на глубину у него не получалось: уж слишком велика была поклажа. Бобёр уворачивался от сильных клювов, подставлял под удары спину, но всё же, не доплыв до хатки, он от поднятого шума и скандала пернатых, наконец, сдался: выпустил из зубов добычу, ударил широким хвостом по волне и обиженно нырнул в глубину... Чайки тут же взмыли ввысь, громким гомоном праздную свою победу, туда, где струисто поблескивали лёгкие дымчатые облачка...

Шло время, бобрята подросли. Всем семейством они бодро, с завидным постоянством приплывали на рассвете и в затишье вечернего заката на кормёжку. Я почти сроднился с ними, и каждый день считал своей обязанностью заранее нарубить веток и набросать их в воду, хотя впоследствии мне пришлось долго чистить пруд, вычерпывая граблями остатки бобриных пиршеств. Зверушки тоже пообвыкли и уже не были такими пугливыми, как при первой встрече.

Мелькали дни... Мой оборудованный спуск к воде у пруда был не единственным. Вокруг водоёма виднелось ещё с десятков таких же, а местные рыбаки на побережье расчистили широкие сжи... Как-то раз, разговаривая с ними о заманчивости этих мест, о живности, что водится в пруду и радуется своим естественным, с сожалением услышал не о притягательности птичьего и животного мира, не о бобриных трудностях, а о том, что «у бобров ценный мех, да и мясо очень вкусное, даже лучше утиного». Долго размышляя после этого о человеческих потребностях, о том, что некоторые из двуногих думают только о еде, которой в сегодняшнее время в избытке, причём на все вкусы и изыски, решил, что, к большому сожалению, не всем дорого то, что дано людям бескорыстно матушкой природой, причём для их же блага...

Шумное, наполненное птичьими песнями и фантастическими звуками лето катилось к осени, когда однажды с противоположного берега пруда в сумерках уходящего дня с ужасом услышал выстрелы – дуплет и два коротких...

После этого я семейства бобров больше не видел. Глухая и отшельническая тишина, поражая человеческой суровостью, сразу поселилась на побережье... Странное, даже унылое настроение посетило и меня... Переживая, с надеждой долго осматривал берега пруда, но в прохладе августовского утра звенела полная пустота. После безуспешных поисков, возвращаясь в город, подумал: «А может, всё-таки мои маленькие питомцы покинули этот милый уголок природы у обмелевшего пруда и ушли к реке, чтобы там сделать запасы на зиму?..»

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ, ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

РАДУНИЦА 2020 ГОДА

Из книги «Мария, бедная Мария»

90-летию Василия Шукшина
посвящается

И вот она – Родительская «Радуница» 2020 года, вторник второй недели после Пасхи. Это Пасха усопших, чьи души один раз в году, когда открываются врата царствия небесного, общаются с душами своих родных и близких, ожидая их, думая о них, придут ли навестить их на месте их упокоения. Мы стараемся приехать в Малоархангельск до этого дня. И вот мы идём на городское кладбище втроём проведать нашего дедушку Герасима Макаровича, его дочь – Марию Герасимовну, нашу маму и бабушку.

В начале кладбища – ухоженный памятник героям-комсомольцам, погибшим от рук фашистов во время оккупации в 1943 году, не дождавшись освобождения города 23 февраля 1943 года доблестными войсками маршала К.К.Рокоссовского, пришедшими после освобождения Сталинграда. Бюст маршала Рокоссовского, которому Москва за его подвиги во время войны салютовала 63 раза, стоит в Парке героев.

Летом, когда живём в Малоархангельске, мы часто носим цветы к бюсту из нашего сада: сирень, нарциссы, ландыши, пионы – то, что растёт в нашем саду.

По дороге к нашим дорогим родным кланяемся друзьям и знакомым, которых здесь уже много: Иван Алексеевич Семеновский, Геннадий Ефимович Ефремов, Виктор Андреевич Шинкаренко, Генрих Михайлович Рыбников, Юлия Сергеевна Колесникова, всех не перечислить. Проходим мимо наших добрых соседей – семья Козелковых: бабушка Мария Викторовна учительница, её дочь Лариса Семёновна, тоже учительница, с которой дружили всю нашу сознательную жизнь, их сын Сергей Викторович, ядерщик, профессор, доктор наук, с которым общались каждое лето, когда он приезжал из Киева навестить братьев.

Наконец, приходим к своим: кланяемся, зажигаем свечу, молимся, рассказываем о нашей жизни, делах. Говорим, что помним их и часто вспоминаем. Говорим им о наших делах, что сад наш скоро будет весь в цвету, нарциссы и тюльпаны зацвели, за ними подойдут ландыши, они есть и на дорогах могилах. Бабушка любила цветы, вот уж сколько лет её нет, а цветы, ею посаженные, цветут всё лето: за ландышами пойдут пионы, затем жёлтые лилии, а флоксы всех оттенков от белых до фиолетовых будут радовать нас до середины сентября, тогда уж уйдут и мальвы. Зато закраснеет своими гроздьями красавица-рябина, которая останется такой до морозов, пока её не склюют свиристели и другие птицы.

Видим, что кладбище не узнать, оно разрослось, здесь уже несколько поколений каждой семьи, бывает не сразу найдёшь своих. Русские кладбища, наверное,

такие, как и вся Россия: большие, даже огромные, порядка только в них нет. Часто хоронят так близко, что невозможно пройти, гроб усопшего надо нести поверх вновь появившихся оградок на руках. Хорошо, что есть главная дорожка, боковые тропинки.

Наш ориентир – памятник дедушке, умершего почти шестьдесят лет назад – печка из кирпича (называем мы его) зелёного цвета, сделал его печник-мастер Серафим Петрович, отчим отца, а маму нашу называл дочкой, так как её отца, погибшего под Ленинградом в 1941 на Синявинских высотах звали тоже Серафим Петрович, похоронен он там в братской могиле, его фамилия выбита на табличке, где он первый в списке.

А Серафим Петрович Горохов вернулся с войны, жил ещё долго, делал людям печки и дедушке сделал памятник, который виден издали, а сам теперь лежит близко от дедушки Герасима Макаровича, среди своих. Здесь чисто, за могилами мы присматриваем. Дедушкина внучка из Дзержинска Новгородской области как-то написала, что за год у них на кладбище вырос целый город.

Отец заговорил о двух Мариях с судьбой схожей: о своей маме Марии Герасимовне, этой «Марии, бедной Марии», прошедшей столько огненных (война, оккупация) и неогненных, а всё равно неподъёмных для человека вёрст. И о другой Марии – Марии Сергеевне, о Шукшине, о матери Василия Макаровича. А кто же ещё подумает о ней, пожелает бессмертия, вспомнит, что было... Вспомнили мы и повесть Леонарда Михайловича «Не рыдай меня, мати». Она была написана давно о Марии Сергеевне, о сыне её Василии Шукшине, которого не стало, о Сростках на Алтае, куда Леонард Михайлович ездил встретиться с его матерью, посетить музей Василия Макаровича, чтобы глубже почувствовать силу и мощь его таланта, который принадлежит Алтаю, Сибири, всей нашей Великой России.

Вот Мария Сергеевна, мать Василия Шукшина, сидит перед могилой своего сына в Москве, на Новаодевичьем кладбище, и говорит, говорит сыну и никак с ним не наговорится.

«Люди добрые, сродники и соседки. Он старался для всех. Не обидь, Человек, могилку-то. Он хотел каждый день по доброму делу, станет ворох добра на Земле. У него, соколика, крылышки примахались, сизы пёрышки подломались. Кланяюсь вам, люди добрые, низким материнским поклоном за все ваши письма – грамотки, за цветы – апельсины. за слова дорогие, сердечные, все они мне, как бальзам на четырнадцать тысячах трав. Спасибо вам, добрый народ».

Женщина в чёрном встала плечом в сирень, утопила руки в лицо. Кто-то вышел из живой людской струйки, коснулся плеча:

– По ком плачешь, мать?

Струйка замедлилась, остановилась.

– По народу своему, по человечеству, – сняла руки с лица Старая Женщина.

Струйка двинулась дальше. Мимо Женщины, старой сирени, ветки алой рябины. Ветер перебирал тетрадный лист с серыми, крупными, как непромолотая соль, корявыми буквами. Фото косилось на соль, шевелило немывтыми устами.

– Я своё, люди, прожил, как смог. Прошагал, как сумел, над Кутунью. Ах да не убивайся так, не рыдай, не рыдай меня, мати!..

В этом году Василию Макаровичу Шукшину исполнилось бы 90 лет и 86 автору повести о нём, которую Леонард Михайлович подарил музею Шукшина, будучи в Сростках.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВА (ПРЕСНОВА)

**НЕМНОГО ИЗ ПОШЕХОНСКОЙ СТАРИНЫ.
ВАНИНА ПЕСНЯ**

Где-то в начале нашего теперешнего двадцать первого века в очередной раз захала я из Ярославля в Рыбинск, на левый берег Волги, начиная с 1933года уже новую бабушки с дедом деревню Кипячево (ныне она входит в черту города под названием «улица Кипячевская»).

Дружно сидели мы тогда за нашей бревенчатой избой, на чем придется, за столиком, когда-то сколоченным из старых досок, вокруг развесистой рябины, а теперь уже и местечко отжившей рябины досочками закрыто, и столик смотрится цельным. На нем разложена всякая снедь, принесенная из города, кто – чего. Бутылочка, как полагается – и льется отсюда, от стола, одна за другой раздольная русская, с советских еще времен не успевшая состариться, песня, как то: «Мне хорошо, колосья раздвигая... Стеной стоит пшеница золотая...» Это залиvisto и очень музыкально правильно поют вдовый муж моей недавно покинувшей нас тетушки Веры Васильевны – и подружка детства моего, ежегодного летнего кипячевского, Катюша Круглова, соседская тогда девочка. Голоса неповторимые: Николай – певун, бывший моряк, а Катя, оказывается, всю жизнь поет в самодеятельности.

Поют так, словно сейчас идут среди колосющейся пшеницы – а ведь были и здесь поля-просторы, а песня звонкая на вечерках, да и многое другое хорошее здесь, в Кипячево и вокруг, перебывало.

За чарующими звуками двухголосого пения не уследили, как, что-то замыслив, или вспомнив, поднялась с места и незаметно скрылась в избе тетушка моя Татьяна Васильевна, а через некоторое время вышла к нам, неся в руке листок, на котором что-то было написано.

– Вот, Ванина песня, про Ваньку Каина, я помню, ее пела Валя – пошехонка (Валентина Васильевна Преснова, в замужестве Кознова, одна из четырех сестер моего отца, моя родная тетушка), – я и мотив помню....

И мы уговорили Татьяну спеть....

А поскольку спустя несколько лет я вышла на автора описания подобных песенных событий и, таким образом, должна была познакомить Вас с одной из версий их, я и решаюсь поместить здесь текст этой песни, которую всколыхнула – здесь и сейчас – неугасаемая память моей любимой и единственной теперь восьмидесятилетней тетушки Татьяны.

Вот она. Все, как было записано, с ее памяти, ее рукой, и именно так, как спустя век все еще – на подобный лад теперь – помнят ее коренные пошехонцы:

«Ванина песня

*В саду ягода малина
Под закристием росла
Свет княгиня молодая
С князем в тереме жила.*

*Как у князя был Ванюша
Ванька ключник молодой
Ванька ключник, злой разлучник
Разлучил князя с женой.*

*Он не даривал княгиню
Он не златом, ни кольцом*

*А княгиня к Ване льнула
Как сорочка на плечо.*

*Целовала – миловала
Приглашала ночевать
Ты ложись, ложись, Ванюша
Спать на князеву кровать.*

*Ванька с (нянькой?) поругались
Князь дознался про жену
Князь дознался про жену
Посадил жену под ключ.*

*Ой вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои,
Вы найдите-приведите
Ваньку-ключника ко мне.*

*Вот ведут, ведут Ванюшу
На нем кудри ветром бьет
У княгини в своей спальне
В три ручья слезы текут.*

*Ты скажи, скажи Ванюша
Сколько лет с княгиней жил
Только знает друг-подушка
Да перина пухова.*

*Еще милая подружка
Знает Князева жена
Как повесили Ванюшу
На шелковом поясе.*

*Вот висит, висит Ванюша
Как былинка на шесте
А княгиня молодая
Умирает на ноже.*

Конец – песни».

Ванька-Каин... Что-то знакомое напомнило мне имя с нечестивым этим прозвищем. Мне бы сразу поразмыслить, или, лучше того, догадаться, что, если другая тетушка моя Валентина Васильевна пустила семейные корни в Пошехонье, а не в Рыбинском районе, по-соседству, то не пошехонские ли и в самом деле мои предки – и лишь через несколько лет, заехав на родину дедов моих, в Козицыно, я точно узнала, что предки мои, дед, бабушка, отец, его братья и сестры – все настоящие пошехонцы и не менее...

И тут же пришло на память: Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин: «Пошехонская старина».

Эта была последняя книга великого писателя, написанная им в конце жизни, в 1887-1889 гг. В основу ее во многом легли воспоминания писателя о своем детстве, о прошлом «дворянских гнезд» времен самого разгара крепостного права.

«Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина» – это второе художественно-обобщенное название «Пошехонской старины». Оно включило в себя 30 (тридцать) отдельных, связанных между собой единой нитью повествования, глав, по сути отдельных, отточенных, отшлифованных очередным неповторимым образом очерков.

Одной такой художественно-красочной зарисовкой явилась глава «Ванька Каин».

В примечаниях к книге сам автор, дабы не запутать читателя, предупреждает: «Прошу читателя не принимать Пошехонья буквально. Я понимаю под этим названием вообще местность, аборигены которой, по меткому выражению русских присловий, в трех соснах заблудиться способны. Прошу также не смешивать мою личность с личностью Затрапезного, от имени которого ведется рассказ. Автобиографического элемента в моем настоящем труде очень мало; он представляет собой просто-напросто свод жизненных наблюдений, где чужое перемешано с своим, а в то же время дано место и вымыслу».

Была ли действительно на пошехонской земле личность, подобная «Ваньке Каину», или и вправду существовал, проживал там такой человек, неизвестно. О нем мы узнаем из книги М.Е. Салтыкова-Щедрина. Но среди героев писателя он, как видим, был – и благодаря автору мы до сих пор раздумываем над тем, Салтыков-Щедрин ли своим очерком навеял народную песню о разлучнике-Ване, или слышав подобную, уже сложившуюся песню, он вдохновился написать о нем в прозе, естественно, не полностью повторив песенную тему, – но идея человеческой неверности и тут, и там налицо: князь, княгиня, Ваня-разлучник, измена, обманы и жестокость – все как бы то, да и не совсем так.

Вот вспомните-ка, да и почитайте о том, как про неверную в песне жену или девицу (у писателя) сказано у самого автора в очерке «Ванька – Каин», и в какую западню попали и тут, и там незадачливые любовники.

«Настоящее его имя было Иван Макаров, но брат Степан с первого же раза прозвал его Ванькой-Каином, – так начинает свой рассказ автор. Собственно говоря, ни проказливость нрава, ни беззаветное и, правду сказать, довольно-таки утомительное балагурство, которыми отличался Иван, вовсе не согласовались с репутацией, утвердившейся за подлинным Ванькой-Каином, но кличка без размышления сорвалась с языка и без размышления же была принята всеми.

По профессии он был цирюльник. Года два назад, по выходе из ученья, его отпустили по оброку; но так как он, в течение всего времени, не заплатил ни копейки, то его вызвали в деревню». «.....»

Великим шутником был Ваня. До слуха барыни то и дело доносился гам: это Ванька, где бы ни был на тот час: на конюшне, в девичьей или еще где, потешал население поместья.

Да и в самом деле, – пишет Салтыков-Щедрин, разве можно было не помирать со смеху, когда Ванька-Каин, приплясывая на своих нескладных ногах, пел:

Пирог!
Горячи!
С пылу, с жару,
По грошу за пару!
С лучком, с перцем,
Да с собачьим сердцем!»

Уже это всенародно-известное четверостишие навеивает мысль о том, что и следующие похождения авторского героя вполне могло бы быть взято из жизни.

Итак, Ванька-Каин, в очередной раз перед собравшийся перед ним аудиторией слушателей, рассказывает: «Пристал ко мне, однажды, купец Завейхвостов. Живет,

говорит, тут у нас в переулке Груша – она в канарейках у князя Унеситымоегоре состоит – ах, хороша штучка! Так вот что, Иван! Коли ты мне ее предоставишь, откуплю я тебя, перво-наперво, у господ, а потом собственное заведение тебе устрою.... Вот тебе четвертная на расход! Взял я это деньги, думаю: завсегда я хорошим господам служил, – надо и теперь послужить. Отправился. Прошел, значит, мимо ее квартиры раз, прошел другой, третий – хожу да посвистываю. Вижу, сидит у окна девица, в пятаках пьет; взглянет на меня и усмехается! Эге, думаю, никак уж ты привышная! Подошел к окну, да и говорю напрямки: позвольте мне, Аграфена Максимовна, разговор иметь! – «Извольте», – говорит. Вошел я, значит, в горницу. «Так и так, говорю, купец Завейхвостов Терентий Прохорыч желает с вами в любви жить». Ну, разумеется, спервоначалу зажеманилась. «Ах, что вы! Да как я! Да каким же манером я своего князя оставить могу! А между прочим: «Приходите, мол, завтра об эту же пору, я вам ответ верный дам». Хорошо; завтра, так завтра. Прихожу на другой день, а у нее уж и самовар на столе кипит. «Чайку не угодно ли?» Сели, пьем чай, разговариваем. «Какое положение от Терентия Прохорыча будет? Каков он нравом?» Словом сказать, обо всем обстоятельно девица расспрашивает. Только вдруг, слышу я, словно по переулку кто-то едет. Ближе да ближе... и вдруг она как вскочит! «А ведь это, говорит, мой князь! спрячьтесь в спальную, я его мигом спроважу». Пихнула она меня в спальную, а следом за тем и «сам» нагрязнул».

Не будем продолжать столь еще длинный рассказ Ивана, поскольку и так яснее ясного что получил тогда Ваня полную выволочку, но до смертоубийства дело, слава Богу, не дошло, хотя все части тела его очень и очень пострадали....

Вот так представил читателю образ разбитного Ваньки, полуубитого князем, но не сдающегося, автор: выдраны волосы, разбито лицо, выбиты зубы – а он во время рассказа «постепенно входил в такой азарт, что даже белесоватые глаза его загорались. Со всех сторон слышались восклицания:

– То-то рыло у тебя сплюснуто!

– То-то трех зубов у него спереди нет! Это князь его пожаловал. И так далее....

Народная характеристика «Пошехонья» – местности по реке Шехоне, впоследствии реке Шексне, с населяющими его «пошехонцами», о которых издавна любили слагать сказки и анекдоты, – родилась как бы не на пустом месте: еще в XVIII (восемнадцатом) столетии пошехонские земли были розданы в вечное пользование офицерам и неграмотным в массе своей, отсюда невежественным, солдатам одной из удачливых рот известного Преображенского полка, так называемый «лейб-кампанцам», содействовавшим восшествию на престол императрицы Елизаветы Петровны и получившим за это, вместе с землями и крестьянами, права потомственного дворянства.

«Возникли, – пишет об этом событии один из современников Салтыкова, – помещики, вскоре прославившиеся своими нравами и вкусами».

«Не удивительно, – вторит ему г.Иванов, автор вступительной статьи к «Пошехонской старине». (Л-д, «Худож. лит-ра», 1975г.), – что в творчестве Салтыкова «Пошехонье» оказывается своего рода символом общей дикости и варварства крепостнической России «....» Ад – вот наиболее емкое, наиболее точное и ясное определение, которое находит писатель для характеристики далекого прошлого своего главного героя. И «этот ад – категорически утверждает он, – не вымышлен мной. Это «пошехонская старина» – и ничего больше, и, воспроизводя ее, я могу, положив руку на сердце, подписаться: с подлинным верно».

За беспокойный характер «не в зачет» попадают в солдаты Ванька-Каин. Вследствие непосильной работы и худого питания «....» дворовые девушки очень часто недомогают, имеют «уныло-заспанный вид и землистый цвет лица».

«Красивых, – добавляет писатель, – не было», но зато многие были удивительно терпеливы, кротки и горячо верили, что смерть возместит им те радости и улады, в которых так сурово отказала жизнь».

«Посмотрю я на вас, – настоящая у вас каторга!» – устами одного из героев Федоса подводит итог своим впечатлениям о жизни дворовых пошехонских девушек автор. (Из «Жития Никанора Затрапезного»). А ведь еще совсем недавно эти, уже успевшие отчаяться, в большинстве своем по возрасту подростки, были детьми....

ГАЛИНА МАМЫКО

ОШИБКА

Марина Ивановна – директор училища. Когда-то я работала под её руководством, мы ладили, обходилось без конфликтов.

Она принципиальная и справедливая. Это в ней главное, что я и сказала ей однажды, незадолго до моего выхода на пенсию. Но Марина Ивановна не обрадовалась.

– Знаете, Лилия Павловна, моя вот эта принципиальность сидит у меня в печёнках.

Я смотрела на неё и не знала, что ответить.

В кабинете директора было уютно, тепло. Букет свежих роз в вазе, тюль на окнах, стол покрыт цветастой скатертью. Совсем как дома. Пахло чем-то приятным. Кабинет директора училища был настоящим домашним оазисом в этом большом казённом двухэтажном здании, заполненном студентами, преподавателями, вечной суетой и звонками на лекции. Все знали, училище для директора – это её второй родной дом, здесь она буквально живёт, а домой уходит разве что переночевать. Да и то не всегда. Случалось, она засиживалась допоздна, а потом засыпала на кожаном диване под припасенным для этих целей домашним пледом.

– А давайте попьём чая, – сказала Марина Ивановна.

Она усадила меня в удобное кресло, насыпала в вазочку печенья, конфет из бумажных кульков, вместе со сладостями вынула из серванта хрустящую пачку зелёного чая. Заварила в белоснежных фарфоровых чашках. Из холодильника в углу достала лимон.

– Или ещё и коньячку?

В её синих, слегка подкрашенных глазах будто мелькнуло детское веселье, хорошее, доброе, так мне показалось. Я, в общем-то, догадывалась, что наша директор – человек с изюминкой, только тщательно прячет свои внутренние тайны. И, кстати, с чего это Марина Ивановна глаза подкрасила, вот чего раньше за ней не замечала... Кажется, мне предстояло узнать что-то сокровенное, и, подумала я, может быть, прозвучит рассказ о том, почему все эти годы Марина Ивановна живёт в полном одиночестве.

Такая красивая, обаятельная дама, и почему-то одна, удивлялись многие, кто знал её. Одни считали, за этим скрывается трагедия, например, гибель любимого. Другие предполагали, на Марину Ивановну навели в молодости порчу. Ещё ходили и совсем несуразные слухи, она – тайная монахиня. Словом, тема одиночества известной в городе госпожи Сумятиной привлекала внимание местных жителей.

А однажды она чуть было не вышла замуж. Счастливым шанс изменить свою жизнь ей выпал, когда приезжала в город комиссия во главе с высокопоставленным работником министерства, пожилым вдовцом. Он был буквально очарован

госпожой Сумятиной, а под конец недельной командировки решительно явился к директору училища с букетом цветов и с предложением выйти за него замуж. Но столичного гостя ждал вежливый отказ. Говорят, огорчённый чиновник пытался продолжить тему бракосочетания в телефонных переговорах, но Марина Ивановна и это пресекла. Ещё какое-то время он, не в силах смириться, присылал из столицы на адрес училища поздравительные телеграммы директору по случаю очередных государственных праздников.

– Это лишь на первый взгляд я благополучный человек, – сказала Марина Ивановна и замолчала.

Она задумчиво помешивала ложечкой чай, подсовывала мне печенюшки. И продолжала молчать.

– Вас что-то тяготит? – осторожно, чтобы случайным словом не нарушить какую-то очевидную тайну, сказала я.

– А вас? – Марина Ивановна посмотрела мне в глаза. – Вот вас лично тяготит в этой жизни что-нибудь?

Мне показалось, она ждала от меня какой-то подсказки, и эта подсказка помогла бы и ей в свою очередь разговориться и снять с души тот невидимый камень, который, по всей видимости, давил на неё многие годы.

– Да, в моей жизни есть моменты, из-за которых приходится переживать. Как без этого. Жизнь не может быть всегда сладкой, – сказала я.

Она словно обрадовалась такому ответу.

– Мне всегда казалось, люди семейные – это самые счастливые люди на земле. Если не секрет, что это за моменты, из-за которых вам приходится страдать?

– Житейские тяготы неизбежны, – сказала я. – Тем более в семейной жизни. И это надо как-то выдерживать, уметь где-то смириться, где-то потерпеть. Но я знаю одно, главное – это не сдаваться.

– Что вы имеете в виду?

– Не прибегать к крайним мерам. Это на войне предателей расстреливают на месте. А в семье должно быть наоборот, без расстрелов и без разводов. Самое тяжёлое в семье – это суметь её сохранить. По большому счёту, семья для каждого, кто её завёл, является огромной степени искушением, и его приходится преодолевать всю жизнь.

– О, Лилия Павловна, да вы философ, – Марина Ивановна улыбнулась. – Но вы продолжайте, продолжайте, вы ужасно заинтересовали меня. Я, впрочем, всегда видела в вас мудрого человека. Мне давно хотелось вот такого откровенного разговора именно с вами. И к тому же у меня сегодня особый день. И я позвала вас сюда не случайно. Но об этом позже. Простите, что перебила.

– Да нет, ничего, мы же с вами на одной волне. Перебивайте на здоровье, – я тоже улыбнулась. – Когда я вышла замуж, то поняла, жизнь до подачи заявления в ЗАГС и жизнь после – два противоположных полюса. И если в девичестве семейные отношения казались медовым пряником, то в замужестве эти представления стали иными. Ведь то, что мнилось пряником, теперь – хлеб. Научиться кушать хлеб вместо пирожных – вот что такое семейная жизнь. Полюбить простоту – это и будет означать найти ту самую гармонию, о которой сегодня почему-то совсем не говорят.

– Гармония – какое интересное, забытое понятие... От этого слова веет старинной, русскими деревнями, колокольными перезвонами...

– И знаете, продолжая свою мысль, скажу больше, тот, кто отречётся от себя ради другого, не побоюсь пафоса, – такой человек научится в конечном итоге не идти на поводу всего того тяжёлого, мрачного, что непременно подсовывает жизнь каждому из нас.

– Хм. А вот сейчас вы напоминаете мне идеалиста.

– Не знаю, может быть, мои слова и звучат чересчур возвышенно, идут в разрез с устоявшимися представлениями нашего русского человека о том, что повседневная жизнь – это что-то непременно серое, тягостное, муторное... Но я в противовес этому скажу так: нельзя воспринимать всерьёз ни одно из тех, по сути, глупых, случайных происшествий, что кажутся нам порою адом, и тогда мы готовы проклипать всё и вся, рыдать, устраивать скандалы, подавать на развод, или месяцами молчать, надувшись. Да, семья – это испытание, а не только счастье... Но чтобы это счастье не разрушить, нужно каждый день заново учиться быть человеком.

– Да-да, человеком, вот оно... – как бы отвечая на какие-то свои мысли, задумчиво повторила Марина Ивановна и внимательно посмотрела на меня. – А ещё мне кажется, ваши утопические в чём-то идеи – это не то, что бы нелепость, нет. А просто утверждая подобные вещи, вы будто сами себя уговариваете поверить в их серьёзность. Так что же вас тяготит? Вы пока об этом ничего и не сказали.

– Тяготит... Моя старшая дочь уже третий год не может поступить в институт. Не набирает баллов... А у младшей – частые ангины...

– Хвори, быт, учёба. Я о другом... Вот вам лично удаётся быть счастливой в семье?

– Какое-то время моя семья была на грани развала. С мужем испортились отношения настолько, что он предложил развестись. Причина – в его ревности. Он был против того, чтобы я ездила, как другие мои коллеги, на курсы повышения квалификации. Месяц свободной жизни в чужом городе, по его мнению, это не для замужней женщины. Впрочем, о тех проблемах внутри моей семьи вам, как директору, было в некоторой степени известно, и спасибо, вы шли навстречу, и всячески ограждали меня от командировок. Но когда уже это стало невозможно, и меня обязали поехать на курсы, тут и случился кризис в моей семейной жизни. Что пришлось пережить мне по возвращении домой, не передать словами. Муж смотрел сквозь меня. Я перестала для него существовать. И лишь когда со мной приключилась та страшная травма после падения на обледенелой дороге, он стал отгаивать. Но надо же было такому случиться: именно в тот час, когда Ваня сидел возле моей больничной койки, пришёл Забавин. Явился он как глава профсоюзного комитета, принёс от имени коллектива училища пакет гостинцев и букет цветов. Мой муж сидел, как туча. И тут, к несчастью, ничего не подозревавший Забавин стал расписывать всей палате, как он вместе со мной дисциплинированно посещали лекции на курсах во время нашей общей командировки, и как я помогала Забавину перед отъездом выбирать в магазине подарки для его жены. Взглянув на своего помрачневшего мужа, я похолодела. И вот, новый виток его болезненной ревности. После выписки из больницы меня дома ждал ад. Он не ел моей стряпни, он перебрался из спальни на диван в зал, он только приходил домой ночевать. Не стану скрывать, я унижалась перед ним, стояла на коленях, умоляла не совершать опрометчивых поступков, не оставлять детей без отца. Слова о моей огромной любви к нему, заверения в моей верности (а это есть чистая правда!) не действовали. Более того, он заявил, что вообще никогда и не любил меня, а женился из чувства долга. Чтобы не бросать забеременевшую от него женщину. Тут надо дать пояснение. Да, к сожалению, я согласилась на отношения с ним до оформления брака, он уговорил меня начать совместную жизнь, а уже как-нибудь потом обещал обязательно расписаться. Объяснял, родные прячут от него паспорт, не желая породниться со «слишком умной» (его мать и сёстры считали, жена не должна иметь высшего образования, тем более у мужа его нет). Словом, мне скоро рожать, а мы всё ещё не расписаны. Узнав о такой ситуации, мои возмущённые родители поставили вопрос ребром. Или уезжай от него, или... И я, в слезах, в страданиях сердечных, уехала на родину, к родителям. На третий день Ваня приехал забирать меня.

– А в ЗАГС?

– Теперь и в ЗАГС согласился. Сказал, сёстры вернули ему паспорт, чтобы не разрушать семью. Скрывать не стану, в ЗАГС он шёл будто на похороны.

– Вот уж нет слов, так не слов! Так что же вы не убежали в ту минуту, зачем дошли до этого ЗАГСа, зачем тянуть мужика на аркане? Как можно на такое закрывать глаза?

– Но куда деваться, роды на носу.

– Я поражаюсь, Лилия Павловна, как вы могли пойти на союз с таким человеком? Ведь он с самого начала, выходит, обманывал вас, попирали ваше достоинство?

– Я его любила. И объясняла его поведение воспитанием, какое он получил в семье. Я жалела его.

– Вы слишком великодушны. Но вы жертвовали собой. И ради чего?

– Не знаю, можно ли это назвать жертвой. Это скорее был мой долг перед младенцем, которого носила под сердцем. Но я понимала и другое. Мой Ваня – избалованный капризный ребёнок, а потому мне предстоит пережить много чего. И в этом предчувствии я в целом не ошиблась. А буквально накануне того дня, как нам идти в ЗАГС, я, перебирая приготовленную к стирке одежду, обнаружила в кармане его рубашки тетрадный лист. Озаглавленная моим именем бумажка была разделена вертикальной полосой. В два столбика выписаны мои, с точки зрения Вани, достоинства и недостатки. В графе «плюс»: красивая, добрая, уступчивая, родители в другом городе. В графе «минус» я прочитала о себе: худая, высшее образование, бедная, не имеет своей квартиры, развязная.

– Ой, не смешите, вас назвать развязной...

– Это в связи с тем, что однажды в компании я громко смеялась. И он по возвращении домой мне выговаривал за развязность, как он выразился.

– Послушайте, Лилия Павловна, неужели после обнаружения этой ужасной бумаги, этого цинизма, когда жених хладнокровно взвешивает мнимые недостатки и достоинства избранницы, неужели после этого вы не прозрели? Да вам надо было тут же собрать вещи и забыть его навсегда. Даже не посмотреть на беременность. Ничего, воспитали бы прекрасно и без его помощи, тоже мне, папаша. Да вы бы ещё замуж вышли, и были счастливы, вы обязательно нашли бы человека, который ценил бы вас. А этот вам не пара, Лилия Павловна. Вы лучше, умнее, выше. А он... Обыватель... Он...

– Нет, не надо говорить так... Да, эта бумага произвела на меня ужасное впечатление. Я была потрясена. Что-то сказать в своё оправдание ему было нечего. Однако, в объятиях, под натиском его любви я оттаяла. Что поделать. Я всегда любила его. Люблю и сейчас.

– Что же вы повторяете одно и то же. Да это не любовь, Лилия Павловна! Это рабство. Это безумие. Как можно добровольно зачёркивать своё достоинство – и всё ради прихотей того, кто тебя не ценит, не уважает, а просто вытирает о тебя ноги.

– Марина Ивановна, очень вас прошу, – сказала я мягко и всё же с укоризной.

– Ах, бабы-дуры, – Марина Ивановна махнула рукой, поднялась с кресла.

Она сняла туфли, надела домашние тапочки, прошлась по ковру. Сдвинув тюль, глянула в окно.

Заснеженное стекло холодно поблескивало. Тёмное заполярное небо, укрытое морозным туманом, не пропускало ни малейшего света, ни одной звезды. В глубинах странной ледяной вселенной плыли куда-то и город, и его жители. И эта чернота за окном, и этот блеск заиндевелого стекла навевали какие-то печальные мысли о счастье, которое могло случиться, но не случилось в чьей-то жизни. И загудевший далеко поезд словно подтвердил мои мысли. Куда едет этот поезд, какие люди сидят в вагонах, едут ли они за счастьем, или ещё за чем-то хорошим, но не достигаемым?

Марина Ивановна достала из бара бутылочку коньяка.

– Отказываетесь? А я, пожалуй, налью себе капельку. Вы задели меня за живое вашим рассказом. Теперь я понимаю вас лучше. А вместе с тем понимаю лучше и саму себя, как ни странно. Уж точно знаю, будь я со своим характером в подобной ситуации, то ни минуты терпеть бы не стала, дала бы от такого Ванечки дёру. Уф.

Она сделала глоток коньяка, прижала к губам дольку лимона.

– Всё, умолкаю. А вы говорите дальше. Давайте продолжим с того места, где он заявил вам, что никогда не любил вас. Или нет, сначала расскажите, как изменилась ваша жизнь с рождением первого ребёнка. Надеюсь, это способствовало в какой-то степени смягчению характера вашего мужа?

– Роды были тяжёлые, я мучилась двое суток. Младенца пришлось вытаскивать щипцами. Врачи боролись за мою жизнь. Я находилась между жизнью и смертью. А муж... Он жил своей жизнью. Работа, друзья. А потом, когда узнал, что я родила девочку, то... потерял голову от горя.

– Что-что? Как это понимать?

– Он хотел сына, и только сына. Огорошенный в регистратуре роддома таким неприятным для него известием, как рождение дочери, он вернулся домой темнее тучи, как мне рассказывала спустя время одна из его сестёр. Обрадованные новостью мать и сёстры отругали Ваню, что он ничего не разузнал о состоянии здоровья новорождённой и роженицы. Но тот наотрез отказался заново идти в роддом. Первые дни он ко мне вообще не ходил. Были в роддоме его родственники, друзья, моя сестра с мужем. Но не он. И лишь на четвёртые сутки мне передали от него сухую записку: «Поздравляю».

– Ну и ну. Какой отъявленный эгоист. У меня нет слов. А знаете, я теперь иначе смотрю на его признание, что он никогда не любил вас. Это жестоко, но похоже на правду. Как вы смогли вообще пережить подобное заявление, да ещё после многих лет совместной жизни?

– Я выплакала все глаза, а моя голова стала наполовину седой. Он игнорировал меня чуть ли не полгода.

– Как вы могли терпеть такую тиранию? Он ужасный человек! – снова воскликнула Марина Ивановна. – Как можно так относиться к вам, да вы... вы же истинно святая! Он вас не ценит, он вас не знает! У нас все искренне уважают вас как человека кристальной честности и порядочности!

– Нет, не стоит преувеличивать. Я не святая. О чём вы говорите. Святых на этой земле так мало, к сожалению. Хотя они, я верю, существуют. А в семье – это не в рабочем коллективе. Тут свои законы. Да и мой муж... Не стоит так говорить о нём.

– Я не хотела вас обидеть.

– Нет-нет, какие могут быть обиды. У вас своя точка зрения, а у меня, конечно, своя. Я люблю его с недостатками, ошибками, и даже сами эти его ошибки и недостатки тоже в нём люблю.

– А он вас?

– И он меня любит.

– А заявление, что он никогда не любил вас?

– Это сгоряча. Моё сердце не может поверить, что он сказал всерьёз. Просто слова.

– А ещё говорите, не святая. Только святой человек способен выдерживать такого деспота, как ваш Ваня.

– Ну, что вы. Ваня – замечательный. У нас всё хорошо. Мы всюду – вместе. В кино, в театры, в тундру на лыжах, а летом всей семьёй к морю. Он на все руки мастер. Много в доме – его трудами. А вспомните, как он по воскресеньям ездил в наше училище, чтобы помочь мне с оформлением кабинета, какие прекрасные

фотопортреты известных учёных развесил по стенам. Он ведь всё это делал сам, в своей домашней фотолаборатории – портреты, рамки, подписи. Допоздна корпел... Фотодело, и ещё, конечно, охота – это его два любимых увлечения. О его достоинствах могу говорить много.

– Вижу-вижу. Ну, что же, вам остаётся позавидовать. Вы научились жить не для себя. А я... Могу признать то, чего не хотела всю жизнь признавать. Я совершила ошибку. И эта ошибка сломала мою судьбу. У меня был жених. Я очень его любила. Но всё изменилось в одну минуту за день до свадьбы. Нелепость. Случайность. Подумать только. Как вообще такое могло произойти. Я вышла из института. Мне оставалось пройти два квартала до своего дома. Я повернула за угол студенческого общежития и буквально окаменела. Я увидела Андрея с девушкой! Они стояли на крыльце общежития и целовались. Я не помню, как добралась домой, как объясняла родителям, почему отменяется свадьба. Я была в тяжелейшем потрясении. И оправиться от этого потрясения я не смогла уже никогда.

– А что ваш Андрей?

– Он приходил, клялся, что любит меня.

– А зачем тогда с той девушкой...

– По его словам, это была прощальная встреча с его прежней подругой, к ней он относится уже давно как к сестре. Она умоляла его прийти на то свидание, чтобы расставить точки над і.

– Но целоваться-то зачем, тем более, если как к сестре...

– А она, видите ли, попросила её поцеловать в самый-самый последний раз, и он, понимаешь ли, такой интеллигент, отказать даме не смог. Тьфу. Вот рассказываю, а будто вчера это случилось, закипаю... И что мне его объяснения.

– Андрей пытался с вами наладить отношения?

– Пытался... И, между прочим, я от него ждала ребёнка. Да, я тоже согрешила до свадьбы, как и вы. Но самое ужасное другое. Я находилась в таком бесконечном горе, что ребёнок от Андрея мне стал казаться ненавистным, как и сам Андрей. Я сделала аборт.

– Боже мой... Что вы натворили...

– Это я позже поняла, что натворила...

– А что Андрей?

– Он себя называл убийцей. Говорил, будет каяться всю жизнь и никогда не успокоится.

– Как я его понимаю. Бедный Андрей. Как мне его жалко.

– Вам его жалко?

– Конечно. Вы поступили с ним слишком жестоко. Нельзя же за чужую ошибку казнить всю жизнь. Он не идёт у меня из головы. Несчастный человек... Представляю, как он переживал. Мне кажется, он действительно любил вас...

– И любит до сих пор.

– Как?

– А вот так.

– Почему же вы его не простили?

– Я ничего не могла поделать с собой.

– А как сложилась его жизнь? У него жена, дети? Вы явно что-то знаете о нём?

– В том-то и дело, что знаю. Вот уже двадцать лет он ждёт, что я прощу его. И не женится. Мы оба ждём друг друга... Но каждый раз, когда он звонит мне, а он это делает ежегодно на мой день рождения, я говорю «нет». Он пишет мне письма. Этими письмами, полными любви, я и живу все эти годы добровольного одиночества. Они составляют суть моего тайного горького счастья.

– А вы ему тоже пишете?

– Нет.

– Но почему вы такая, почему?

– Я его ненавижу.

– Он приезжал к вам?

– Один раз. Когда-то я выбрала эту точку на карте, этот край света, чтобы как можно дальше убежать от него, но он выпытал мой адрес у родителей.

– Он приехал к вам сюда, за тридевять земель... Неужели вы его прогнали?

– Увы.

– О...

– Да, меня считают в коллективе прекрасным человеком, вот как вы до сегодняшнего вечера. Я и сама так о себе порою готова думать, пока не вспомню об Андрее. И тогда в моём сердце закипает ненависть, и я уже не думаю, что я прекрасный человек. Я понимаю, что я плохой человек. Как вами руководит в жизни любовь и помогает вам прощать мужа, так мною руководит ненависть и превращает меня в чудовище по отношению к любимому человеку. Тот, которого я люблю всю жизнь, он же и мой враг. И когда он приехал ко мне, я встретила его как врага, не пустила на порог. Он ушёл и стоял на морозе под окнами в моём дворе, со своим рюкзаком, и мял в руках шапку-ушанку. Он близоруко щурился и всё смотрел на окна в надежде заметить моё лицо. А я смотрела на него из-за штор. А он прижимал к груди эту свою чёртову шапку, которую всё никак не мог надеть, и тербил её явно заледеневшими от холода пальцами.

Марина Ивановна откинулась на спинку кресла, закрыла глаза.

Недопитый чай остыл. Мне больше не хотелось ни чая, ни сладостей. Я смотрела на бледное лицо Марины Ивановны, на её закрытые глаза, и мне казалось, она вот-вот умрёт. И было удивительно, почему она вообще до сих пор жива, после всего, что она натворила, что пережила, после всех этих многолетних мук, страданий, и наверняка слёз, слёз, слёз... Почему до сих пор жив её Андрей, после всего, что он пережил, и как вообще возможно – такое обоюдное взаимное страдание длиною чуть ли не в жизнь?

Я много лет знала Марину Ивановну. Знала, что она немногословна, молчалива. Она имела репутацию человека, который не выбалтывает чужих секретов и обладает не только железной волей, но и той внутренней честью, что свойственна людям благородным и высоко порядочным. В нашем коллективе благодаря её установкам не было ни склок, ни разборок, ни завистливых тяжб, как это случается нередко там, где много женщин. Она пресекала попытки коллег сводить с кем-то счёты, ябедничать, наушничать. Она занимала настоящий пьедестал, высокий, крепкий, а не просто пост директора.

И вот теперь моё сердце сжималось от жалости к Марине Ивановне, к её Андрею, мне хотелось помочь им обоим, но я знала: в отношениях двоих помощь со стороны – бесполезное дело. Только любовь, и больше ничто и никто, здесь может быть и судьёй, и советчиком.

Я вспомнила её слова про «особый день» и поспешила спросить об этом.

– Вы упомянули, у вас сегодня особый день. Что-то изменилось? Что теперь?

– А теперь... – она очнулась. – Не знаю.

Она взглянула на меня. Вероятно, заметив в моих глазах сочувствие, она слабо улыбнулась и стала говорить:

– Когда я навсегда покидала милый сердцу город детства, он приехал на вокзал провожать меня. Мы оба молчали, я избегала смотреть ему в лицо. «Я тебя люблю!» – воскликнул он, когда поезд тронулся. В его голосе нельзя было не услышать отчаяния. Он моргал, чтобы избавиться от слёз, потом снял очки и, зажав их беспомощно в руке, плохо видя, трусил рядом с вагоном. Поезд медленно набирал скорость. «Оставляешь ли ты мне надежду?» – доносилось до меня. Я смотрела на него из открытого

тамбура. Проводница, видя эту драматическую сцену, пожалела нас и вместо того, чтобы прогнать меня и закрыть дверь, ушла. «Марина! Сколько мне ждать тебя?!» – он всё бежал рядом с вагоном, умоляюще смотрел в мои глаза и, уже не стесняясь, в открытую плакал... «Жди меня двадцать лет!» – в сердцах крикнула я ему и топнула ногой. Больше не в силах сдерживаться, я в голос зарыдала и захлопнула дверь. «Двадцать лет... буду ждать...» – последнее, что я услышала. Стремительно улетал в прошлое перрон родного города, а вместе с ним тот, кого я ещё недавно считала родным человеком... И вот двадцать лет, они растаяли, их нет, будто и не было. Я ощущаю себя по-прежнему молодой, а письма Андрея дышат, как и в юности, любовью... Моя жизнь напоминает мне плохое кино. Неделю назад, в день рождения, я проснулась в какой-то странной пустоте. Андрей не позвонил! Двадцать лет подряд я просыпалась в свой день рождения ранним утром от телефонного звонка. Это звонил он, чтобы поздравить меня. И вот теперь – не поздравил. Он забыл обо мне! Ах, какая лютая обида поднялась, но потом обида уступила место тревоге. Я подумала, он мог заболеть, или попасть в историю, с ним что-то случилось. А может, он умер... А может, он разлюбил? Я не находила себе места. И впервые за эти двадцать лет я позвонила ему. Он поднял трубку и сказал: «Прости, но я намеренно тебе не звонил. Этот приём придумали до меня, в литературе, или ещё где-то... Я ждал твоего звонка, я загадал – если ты заметишь, что я тебе не позвонил и сама наберёшь меня, это будет означать, ты меня любишь». По обыкновению вскипев, я швырнула трубку, и тут же пожалела об этом, но он перезвонил. Я вновь рассердилась, но уже скорее для вида, и отругала его, а за что отругала, спрашивается. Смешно. И он рассмеялся. «Чего ты смеёшься, не понимаю». – «Я смеюсь от того, что ты сердисься на меня». – «И что тут смешного». – «Смешное в том, что ты сердисься на меня за то, что я не позвонил тебе в твой день рождения. Это означает, ты до сих пор меня любишь».

– А потом?

– Я пообещала никогда ему не звонить.

– А он?

– Смеялся.

– И что дальше?

– Позвал замуж.

– А вы?

– Молчала.

– И?

– Он сказал, приедет ко мне через неделю, и тогда, сказал он, я отвечу ему «да».

– Когда же?

– Что?

– Его приезд, когда это будет?

– Завтра.

– Вы скажете ему... Что вы ему скажете?

– Я скажу ему... Что если бы не Лилия Павловна, я бы снова совершила ошибку. Она засмеялась и, помолчав, добавила:

– Никогда и никому я не открывала того, что сегодня – вам.

– То же самое могу сказать о себе.

... Мои шаги отдавались гулкими щелчками в пустынных коридорах училища. Спустившись по широкой каменной лестнице, я ответила на вопрос вышедшего из подсобки сторожа, что да, директор ещё здесь, а будет ли уходить, этого я не знаю. Сторож достал связку ключей и отворил передо мной дверь.

В свете уличных фонарей заснеженная тропинка, ведущая меня к автобусной остановке, весело искрилась. Шуба, шапка быстро покрывались снежными хлопьями. Я не удержалась и оглянулась, я искала глазами окна директора. В них всё

ещё горел свет. А сама Марина Ивановна с непокрытой головой, в платье, стояла на балконе, подняв лицо навстречу летящему снегу. Это зрелище заставило меня замедлить шаг. Она прижимала, очевидно, окоченевшие, руки к груди, и мне казалось, она вымаливает у кого-то прощения... «А он прижимал к груди эту свою чёртову шапку, которую всё никак не мог надеть, и теребил её явно заледеневшими от холода пальцами», – вспомнилось мне из её повествования об Андрее.

Редкие прохожие спешили домой, надо было спешить и мне. Муж возвращается с работы обычно ещё позже меня, девчонки в этот пятничный вечер на танцах, но я всё равно торопилась. Мысли о Ване, о дочерях поднимали моё настроение. Сейчас приму душ, приведу себя в порядок. Ужин готовить не надо, это уже сделали дочери. Ах, как хорошо жить, когда есть те, кого ты любишь, и кто любит тебя...

ГЕННАДИЙ МАЙОРОВ

НЕ ПРИЕЗЖАЙ, ЛЮБИМЫЙ!

Ах, как она смеялась! Мелодично, негромко, душевно. Даже, я бы сказал, завораживающе. Так сегодня никто не умеет. Да и тогда, в далёком романтическом возрасте, я не встречал ничего подобного...

Мы познакомились на «стометровке», так называли асфальтовую дорожку в городском парке от Дворца культуры до танцплощадки, где по вечерам без устали дефилировали

«женихи» и «невесты». Время от времени наиболее смелые парни подкатывали к разнаряженным девушкам, примитивно знакомились, и если вспыхивала симпатия, отделялись от своей компании, перемещались на танцевальный круг или растворялись в затемнённо-меняющих аллеях.

В юношеских группках всегда выделялись лидеры в одинаково приталенных нейлоновых свитерах-водолазках (других тогда просто не было), с компактными магнитофонами или радиоприёмниками на мускулистых руках, что указывало, по мнению «женихов», на их состоятельность. Музыка, как считалось, должна была привлекать женский пол, располагать к незатейливому общению.

Но далеко не всем удавалось, накрутив несколько километров на «стометровке», с ходу завести романтические отношения. Попытки возобновляли на следующий день или в выходные. К концу лета практически все любители вечернего променада становились если не приятелями, то знакомцами. В ближайших кустах по кругу пускали бутылку дешёвого портвейна, скрепляя парковый союз. Изредка, правда, возникали и лёгкие потасовки, если в супротивной компании находился несдержанный ревнивец. Но в целом летние молодёжные тусовки проходили пристойно. Только вот само лето сторало непростительно быстро. И занудное ненастье загоняло молодёжь под крышу, в танцзал Дворца культуры, где уже не находилось места былой вольности под пристальным надзором строгих контролёров.

Наиболее отчаянные продолжали даже зимой осваивать «стометровку». И я находился в их числе. В этом был свой кайф. Морозный воздух бодрил, держал в тонусе. Нравилось, когда налетевший ветер с размаху бросал в лицо пригоршню снега; от такого массажа аж дух захватывало. И розовощёкие девушки, рискнувшие на прогулку по заснеженной аллее, выглядели особенно жизнерадостными и энергичными. Заряженными здоровьем.

Вот тогда и услышал я этот очаровывающий интеллигентный смех. Наши взгляды буквально озарили друг друга. Девушка в короткой беличьей шубке неловко оступилась и едва не потеряла равновесие, рискуя упасть на раскатанную дорожку.

ку. Сработала моя спортивная реакция. Моментально рванувшись на помощь, я сам не удержался, и мы, крепко сцепившись, по инерции полетели в пушистый сугроб, обрамлявший «стометровку».

Наши тела легко пробили хрупкий хрустальный наст, провалились в белую нирвану. Снежный взрыв накрыл с головой, обжигающими осколками проник за воротник, зарылся в волосах. Чтобы спасти девушку от падения на спину, я резко развернул её в полёте, и мы слились в спасительных объятиях. Незнакомка благодарно улыбнулась и легонько поцеловала меня в губы. И тут же представилась:

– Я – Лада. А как вас зовут, мой таинственный спаситель?

– Кирилл, – у меня закружилась голова от её чистого и обволакивающего дыхания. Я тонул в её бездонных серо-зелёных глазах не в силах разжать руки. До тех пор, пока Лада легонько не потрепала по щеке:

– Встаём, а то замёрзнем.

Она легко, пружинисто вскочила на ноги и опять негромко засмеялась, при этом показывая пальчиком на мой лоб, который побелел от прилипшей полоски снега. Я не понимал всей комичности ситуации, замороженный своей новой знакомой. Лишь когда Лада начала мягко стряхивать с меня снежную пыль, очнулся и поспешил с ответной галантностью.

– Я провожу тебя, – скорее утвердительно произнёс я первое, что пришло в голову, и Лада без всякого кокетства ответила:

– Пожалуйста.

С ней было легко с первого шага: никакой закомплексованности, и в то же время не ощущалось даже намёка на фривольность. У меня так случилось впервые, хотя какой-никакой опыт общения со сверстницами присутствовал. Но то ли прежние подруги страдали жеманностью или распущенностью, то ли не таили в себе какой-либо загадки и мечтательной недосказанности, поэтому быстро надоедали и переходили в разряд отстранённых приятельниц.

Меня подкупала внешняя сдержанность новой знакомой, её умение слушать, не перебивать глупыми вопросами, не навязывать своих суждений, но в то же время по делу откликаться на предложенную тему разговора. Хотя и молчать с ней доставляло истинное удовольствие – это редкое качество, когда двое и без слов понимают друг друга, лишь обмениваясь лучезарными взглядами. Так могут общаться только люди, познавшие известную мудрость смотреть не друг на друга, а в одном направлении.

Оказалось, что мы оба студенты, но учимся в разных вузах. Лада – на третьем курсе экономического факультета торгового института, я – первокурсник педагогического, будущий историк. Встречаться нам приходилось редко, чаще по выходным, так как учёба, а потом и сессии отнимали много времени. К тому же меня, как разностороннего спортсмена, использовали по полной программе на различных спартакиадах и турнирах, часто с выездами в другие города. А летом – стройотряд и ударные вахты на Сахалине, что давало неплохой заработок, а заодно и новые познания об удалённых уголках нашей необъятной страны. Научившись скучать, с особым трепетом ждал каждой новой встречи с девушкой своей мечты.

Мы сознательно избегали писем, полагая, что накопленную за время разлуки нежность лучше выплеснуть всю – разом – при долгожданной встрече. И будет о чём поговорить, выпуская на волю трепетно хранимые и нерастраченные по пустякам чувства. В такие минуты нам не было скучно, мы не уставали друг от друга, как это ранее зачастую случалось у меня в общении с предыдущими подругами. Мы с Ладой не следили за временем, нам его катастрофически не хватало. Но, расставаясь, мы знали, что завтра нам будет ещё интереснее, что мы неисчерпаемы и вдохновенны. На долгую-долгую жизнь...

Довольно скоро мне стала докучать подруга Лады – белокурая и пышногрудая Вика, Викусик, как её окликали знакомые. Располагая тонкой талией и крутыми бёдрами, Викусик считала себя неподражаемой и сознательно напоказ демонстрировала природные прелести, особенно длинные ноги, едва прикрытые сверху полоской юбки. Ей нравилось, когда, как она выражалась, «мужики западают». И наивно надувала губки, если выяснялось, что противоположный пол проявляет к ней исключительно сексуальных интерес.

– Кирилл, почему так выходит, что все стремятся быстрее затащить меня в постель, не предлагая серьёзных отношений? – с ходу спросила Вика, когда мы случайно столкнулись в центре города. Она бесцеремонно взяла меня под руку, увлекла на лавочку и плюхнулась на неё так, что ноги вспорхнули вверх, обнажая скрытые от посторонних глаз интимные части гардероба. Заметив, что на меня это не произвело никакого впечатления, Вика картинно изобразила на лице обиженную гримасу, но тут же продолжила свои размышления: – Вот у вас с Ладкой всё не так, можно позавидовать. Хотя не думаю, что это надолго.

– Ты это о чём? – я не придавал особого значения болтовне пустоголовой девички, но её последняя фраза насторожила.

– Ну ты разве не знаешь, что у них в семье происходит? Ладка ничего не рассказывала? – заметив недоумение на моём лице, Викусик, наконец, сообразила, что сболтнула лишнее и постаралась перевести разговор на другую, волнующую только её тему. – Вот мы бы с тобой составили классную пару, правда же!

– Что ты чушь какую-то несёшь, Вика, самой не противно? – я резко встал, собираясь закончить неприятный разговор. Викусик подхватила тоже, закатила глазки, замахала руками:

– Ой, извини, если тебе это неприятно... Но я же откровенно говорю – ты в моём вкусе, парень что надо. Всякое в жизни бывает, так что, если что, моё сердце всегда для тебя открыто.

Она ещё что-то лепетала вдогонку, но я уже не слушал, удаляясь быстрыми шагами. Благо, надо было спешить в библиотеку готовиться к семинару, поэтому вздор взбалмошной барышни очень быстро выветрился из головы. А вечерняя встреча с Ладой, как продолжение праздника, стёрла все негативные эмоции. Ничто, казалось, не могло омрачить наше счастливое настоящее.

Кому-то покажется удивительным, но с тех пор я перестал, как раньше, радоваться тёплым денькам, возможности позагорать и поплавать на открытой воде, носить лёгкую одежду и многое успевать за длинный световой день. Я стал замечать, что мучительно жду холодного времени года, мечтаю об искрящемся, хрустящем под ногами снеге, смакую незабываемые первые ощущения знакомства с Ладой в пушистом сугробе. Даже встречаясь с ней весной и летом, меня почему-то ностальгически тянуло в зиму. Хотя с ней было упоительно хорошо всегда, в любое время года.

Правда, меня смущало одно обстоятельство: я всегда провожал Ладку только до подъезда, она мягко, но решительно пресекала все мои попытки побывать у неё дома. Ко мне же, особенно в непогоду, приходила охотно, при этом справляясь об отсутствии родителей, под всякими предлогами не спешила с ними знакомиться.

Как-то я не выдержал:

– Почему?

– Ещё не время, – улыбалась Лада. – Ты ведь многого не знаешь...

– Ты это о чём?!

– Не спеши, дорогой. Ничего плохого. Просто... я боюсь, что ты влюбишься, станешь всё близко принимать к сердцу, разочаруешься.

– В чём разочаруюсь? – я уже стал нервничать, но Лада нежно обняла, успокоила ласковым серо-зелёным взглядом:

– Всё хорошо. Не переживай.

Однако загадочная фраза только сильнее разгорячила моё воображение. Так и подмывало незамедлительно добиться подробностей. В голове вихрем пронеслись чёрты какие глупые мысли, сомнения. Но удержался от дальнейших расспросов, тем более Лада чутко уловила перемену моего настроения. Провожая её, я как всегда остановился возле подъезда, приготовившись к традиционному прощальному поцелую, но она вдруг решительно взяла за руку и выдохнула:

– Пошли.

Только теперь я обратил внимание, что их пятиэтажка-«хрущёвка» находится в запущенном состоянии, явно здесь обитали отнюдь не состоятельные жители. Далеко идти не пришлось. Лада быстро наощупь отворила дверь на первом этаже, мы втиснулись в узкий тёмный коридор; из кухни потянуло запахом свежесваренного борща.

Заприметив выключатель, я было потянулся к нему, но Лада шёпотом остановила:

– Не надо.

Из кухни донёсся женский голос:

– Ты, что ли, доченька?

– Да, мама, – и на ухо Кириллу. – Проходи в мою комнату.

Дверь на кухню отсутствовала, оттуда струился приглушённый свет. Проходя мимо, я различил в полумраке две фигуры: мужчина сидел на табурете вполоборота; чересчур напряжённая поза говорила о том, что он не рад неожиданному визитёру; женщина застыла у плиты, глядя куда-то в стену.

– Здравствуйте, – произнёс я, замедлив шаг.

Ответила только женщина:

– И вам не хворать.

Сзади легонько подтолкнули, мол, не задерживайся. Прошли в комнату. После мрачного коридора показалось, что здесь избыток света. Сразу стало понятно, что хозяйка трепетно относится к чистоте и порядку. Отовсюду веяло уютом и теплом. Но приятное расположение духа вмиг улетучилось, когда я обернулся.

Лада испуганно замерла, словно угодила в западню. В её серо-зелёных завораживающих прежде глазах на сей раз отражались беспокойство и страх.

Прикрыв дверь, она тяжело опустилась на диван, жестом приглашая последовать её примеру. Тягостная пауза, впервые за год знакомства, повисла между нами.

– Ну вот, Кирюша, ты, надеюсь, всё понял, – её голос задрожал, предвещая нелёгкий разговор, но Лада, выдержав очередную паузу, неожиданно поднялась и потянула меня на выход.

На тротуаре завертелась снежная позёмка, сумерки стремительно поглощали очертания предметов, скрывая покрасневшие от слёз глаза моей принцессы. Лада прижалась сбоку, не давая мне возможности увидеть её побледневшее растревоженное лицо. Уже удалившись от её дома на почтительное расстояние, я резко остановился.

– Так же нельзя! Расскажи, что всё-таки случилось? На тебе же лица нет!

– Нам надо расстаться, – медленно, стараясь подобрать нужные слова, произнесла Лада.

– Ты чем-то расстроена? – не хотелось верить в искренность её слов; это минутная слабость, женская блажь, навеянная какими-то неприятностями. – Объясни.

– Я думала, что это несерьёзно – наши с тобой отношения – ну, целовались-миловались, хорошо проводили время... А вчера содрогнулась от мысли, что я по-настоящему влюбилась в тебя...

– Я тоже, – попытался поддержать разговор в шуточной форме, но Лада одёрнула:

- Ты не понимаешь всей опасности ситуации. Я же на два года старше тебя...
- Какая ерунда! Нам ещё рано думать о возрасте.
- Дело не в возрасте. Я сама виновата, что втянула тебя в свою историю, а теперь с ужасом думаю, как выпутаться из всего этого.
- Дорогая, не говори загадками.
- Хорошо, только давай договоримся: не перебивай меня до конца.
- Ладно, буду нем, как рыба.
- На улице становится зябко, давай зайдём куда-нибудь согреемся.
- Вот наша студенческая кафешка, там пока народу нет.

В полупустом общепите не докучали полусонные официанты. Заказав кофе и пирожные, мы устроились в углу зала. Лада долго собиралась с духом, я уже понял, что ей не до шуток. Наконец, она начала рассказывать:

- Ты видел моих родителей. Честно говоря, я даже своих подруг старалась не водить домой, чтобы избежать лишних разговоров. Дело в том, что отец мой – глухонемой, а мама – слабовидящая. Но мы с сестрой – Наташа старше меня – родились без отклонений. Наташка даже замуж вышла, живёт в другой области, родила двух мальчишек, у неё всё в шоколаде. Вот и я думала, что впереди никаких проблем...

Лада пригубила кофе, стараясь унять зачастившее дыхание. Сидела с прямой спиной, слегка раскачиваясь и стараясь не смотреть на меня. Я буквально физически ощущал, как душевная боль корёжит всё её тело. Стиснув зубы, она продолжила исповедоваться:

- А вчера мама была у врача, и он констатировал ухудшение её состояния. Скорее всего, она окончательно ослепнет...

- Лада, милая, не надо так сильно переживать. Ведь ты знаешь, какие врачи бывают. И не факт, что его диагноз подтвердится. Надо другим докторам показать.., - хотелось успокоить, обнадежить, приободрить, поэтому я говорил быстро, скороговоркой, на ходу изыскивая оптимистичные аргументы.

- Это ещё не всё, - Лада подняла глаза, в них туманилось отчаяние вперемешку с горечью неотвратимого удара судьбы. - Я не хочу, чтобы ты разделял наши страдания. Пока наши отношения не зашли так далеко...

- Лада, прекрати, - я попытался разозлиться, полагая, что таким образом развенчаю её депрессию. - Я понимаю, что всё это чертовски неприятно. Но это не повод ставить под сомнения наши отношения...

- Я тоже прошла обследование. Обнаружилось, что у меня падает зрение, даже очки выписали, - она порылась в сумочке и в доказательство достала мягкий футляр. - Понимаешь, я могу унаследовать мамину болезнь.

- Всё, хватит истерик, - я легонько стукнул по столу, заставляя ложки подпрыгнуть на блюдах. - Сегодня я тебя никуда не отпущу. Едем ко мне. Спокойно переночуешь, всё равно родителей нет, они в Москву уехали к родственникам. А завтра... Как говорится, утро вечера мудренее.

На улице уже зажглись фонари, завьюжило всерьёз, и морозец, нарастая, залютовал. Но мы не ощущали холода, поглощённые осмыслением неприятных известий. Шли молча, излишне сосредоточенно. В тёплой квартире почувствовали, как продрогли. Я сразу же стал набирать горячую ванну, уступая Ладе право первой согреться, а сам стал заваривать ароматный цейлонский чай.

Поразительно, но тогда я не придавал серьёзного значения происходящему, не ощущал нарастающую тревогу и не верил в надвигающуюся трагедию. Наверное, это свойственно молодости – стремиться к позитиву и особо не заморачиваться мелкими неприятностями. Наверняка, думал я, всё обойдётся. Настанет новый день, новые житейские заботы, и моя Лада станет, как и прежде, весёлой, жизнера-

достной. Сама же будет смеяться над своей минутной слабостью и необдуманном желанием расстаться из-за пустяков.

После релакса в горячей ванне с морской солью Лада выглядела умиротворённой, апатичной. Она даже от чая отказалась и моментально уснула, чуть посапывая в подушку. Когда же я лёг рядом, она уткнулась горячим носиком мне в плечо, обняла за шею. Всё, решил я, кризис миновал. Мы вновь вместе, счастливы безмерно и можно спокойно думать о том, как достойно сдать экзамены и зачёты перед предстоящими каникулами. А мы ведь собирались рвануть в горы покататься на лыжах, я успел разбудить в Ладе любовь к этому экстремальному и тонизирующему виду спорта и отдыха. Вот и порадуемся жизни вдаль от домашних проблем.

Но утром, ещё сами того не ведая, мы проснулись другими людьми. Конечно, внешне ничего не изменилось. Мы были так же нежны и доверительны друг к другу. Но какая-то невидимая, стремительно вырастающая с каждым днём стена отчуждения всё жёстче суживала наше жизненное пространство...

После второго курса института меня призвали в армию. Им, видишь ли, понадобились спортсмены. Дошло дело до генерала, который формировал сборную военного округа по футболу. Меня где-то на каком-то турнире присмотрели. И быстро уговорили, пообещав немислимые перспективы. А потом помчалось-закрутилось...

Лада приехала на сборный пункт, сбежав с лекции. Она выглядела как всегда великолепно, но взгляд сквозь очки уже не казался, как прежде, лучистым и одухотворённым.

С ходу бросилась ко мне на шею и зарыдала в голос, не смущаясь посторонних. Между всхлипываниями до меня доносились обрывки фраз:

– Милый мой, ты даже не представляешь, сколько счастья ты мне доставил своим присутствием... И хорошо, что ты уезжаешь... Мы уже никогда не увидимся, но до конца своих дней я буду помнить... Будь счастлив... Ни о чём не грусти, не переживай... Мы побывали с тобой в сказке, но всякая сказка рано или поздно когда-нибудь заканчивается... Давай оставим в памяти только всё самое хорошее и светлое... Молчи! Ничего не говори... Не приезжай ко мне, любимый! Слышишь, не возвращайся туда, где тебе было хорошо... Потому что лучше уже не будет...

Мне с трудом удалось прервать Ладу, встряхнуть её, чтобы вставить хоть слово.

– Лада, дорогая, ты что это хоронишь наше счастье?! Армия – это же не навсегда. Разлука нам не повредит, – я чеканил каждую фразу, но чувствовал, как сердце начинает набирать обороты и, торкаясь в грудной клетке, пытается вырваться наружу.

Лада мгновенно замерла, словно окаменела, слёзы сиюсекундно запеклись на размазанных тушью щеках. Она протянула руку к моему лицу, прикоснулась, как обожгла, и я с ужасом различил в её глазах пустоту, бездну нарастающего несчастья.

– Всё, Кирюша, прощай, а то я не выдержу больше, – Лада оттолкнулась от меня и подалась назад, в толпу провожающих. Я даже не успел сообразить, что мне делать. Она обернулась и уже из-за спин родственников призывников послала воздушный поцелуй и крикнула отчаянно, осознавая, что другого шанса у неё не будет:

– Не приезжай, любимый!

...В родной город я вернулся лет десять спустя. Боль разлуки с любимым человеком притупилась через несколько месяцев после нашего расставания: мои письма из армии оставались без ответа, Лада не выходила на связь, и в конце концов я понял, что она всерьёз решила разорвать наши отношения. Переживания медленно затухали в череде военно-спортивных занятий. А потом как-то само собой определилась дальнейшая жизнь: познакомился с дочкой начальника штаба Дашей, девушкой с огромными печальными глазами и нежным спокойным характером.

Через год поженились, я окончил институт на Дальнем Востоке, где служил тестем, ставший к тому времени полковником. Он всё сватал меня в офицерское училище, но казённая служба меня не прельщала. Куда интереснее оказалось участвовать в археологических экспедициях, гдегодились и мои исторические познания. Собрал уникальные материалы о временах освоения Сибири незабвенным Ермаком, а мои наставники уговорили заняться кандидатской диссертацией.

Потом родился сын, названный в честь деда – Павлом. В семье царил мир и лад, Даша всецело посвятила себя семье, была неприхотлива и никоим образом не создавала мне никаких проблем. А я, взрослея, порой ловил себя на мысли, что становлюсь увальнем, погрузившимся в обыденность семейного быта, где сытно и хорошо, но всё-таки чего-то не хватает...

Вернуться на родину заставила телеграмма матери – умер отец. Из-за нелётной погоды я опоздал на сутки и прибыл впритык к прощанию на кладбище. Печальная церемония завершилась головной болью, весь последующий день меня отпавляли лекарствами, сбивали подскочившее давление. Мать наотрез отказалась отпустить меня в таком состоянии, хотя я отпросился на работе всего на два дня. Она оформила мне больничный, уговорив побыть с ней хотя бы до Девятин.

Отлежавшись, я решил подышать свежим воздухом. На улице чуть подмороживало, в безветрии редкие снежинки едва долетали до земли. Прохожих почти не было в разгар рабочего дня. Я с интересом осматривал окрестности, находя немало изменений в облике района: повсюду выросли многоэтажки, а первые этажи старых домов, отданные на откуп коммерсантам, пестрели рекламными вывесками. Много изменилось за время моего отсутствия, воистину – жизнь не стоит на месте.

Наш старый добрый парк тоже было не узнать, он преобразился до неузнаваемости, видно, власти позволили проявить свои творческие порывы молодым и стильным архитекторам. Вот только наша юношеская асфальтовая «стометровка», которую когда-то местами корчили непослушные корни разросшихся тополей, осталась в прошлом. Ей на смену пришли дорожки, выложенные ровненькой плиткой. Да и сами тополя приказали долго жить, вместо них теперь красовались невысокие липы и клёны, посаженные «на вырост».

И молодёжь, отметил про себя, другая, более модная что ли, раскованная. Хотя я и сам-то ещё не старик, только приближаюсь к возрасту Христа. И всё же, всё же...

Ностальгически засосало под ложечкой. Испугавшись подкрадывающейся сентиментальности, круто затормозил и повернул обратно. Непроизвольно стал ускорять шаг. Шёл – куда глаза глядят. И не заметил, как оказался возле её дома. Окна квартиры на первом этаже, где довелось побывать лишь однажды, указывали, что здесь теперь адвокатское бюро. Значит, переехали. Куда?

Что-то тормозило, подсказывало: не стоит ворошить прошлое, возможно у Лады своя семья, дети. Зачем возвращаться туда, где было когда-то хорошо? Ведь лучше уже не будет. Её слова. Мудрые.

Но вопреки логике я уже не мог остановиться, воспоминания прожигали память, будоражили кровь адреналином. Непростительно будет уехать, не узнав про любимую. Да, всё-таки любимую, сердце не обманешь. И уже не смущала возможная боль от новых переживаний. Только как узнать, у кого?

Ну конечно же, надо разыскать Викусию, источник всех сплетенных новостей. Она ведь жила где-то рядом, кажется, в том доме из красного кирпича. Я уже не шёл, нёсся через дорогу, пытаюсь вспомнить, в каком подъезде обитает неугомная соблазнительница. И надо же, удача сама вылетела навстречу.

Подъездная дверь распахнулась, будто меня только и ждали. На пороге возникла, казалось бы, совсем не изменившаяся в своих пристрастиях Викуся. Броская ко-

роткая рыжая шубка, из-под которой выстреливали прикрытые лишь колготками ноги. На голове копна нечёсанных волос цвета морской волны. На лице метровый слой косметики.

Она ничуть не удивилась моему присутствию, без предисловий радостно защебетала о приятной встрече, потянула в кафе поболтать о жизни. Я дал ей вволю наговориться, но поток банальностей словно и не собирался иссякнуть. Улучив момент, спросил:

– Как живёшь, Виктория? Замужем?

Она поперхнулась, никак не ожидая, что самым nepозволительным образом её спустят с небес на землю. Но уже через секунду, не привыкшая к долгим переживаниям, Вика быстро вернулась в прежнее беззаботное состояние, извлекла из сумочки пачку сигарет, прикурила, несмотря на запрещающий плакат на стенке. Перехватив мой взгляд, хмыкнула:

– Да плевать я на них хотела, что хочу, то и делаю. А ты не куришь, всё в спорте?

– Да нет, староват уже для спорта.

– Ой ли! Выглядишь отпадно, хоть сейчас под венец. А что, может, схлестнёмся, я ведь свободна, как айсберг в океане.

Она засмеялась, но так грубо и противно, что меня резануло по живому. Перед глазами тут же ожила картина: «стометровка», наше с Ладой падение в сугроб, первый поцелуй. Её очаровательный душевный смех...

– Кирилл, а ты надолго приехал? – донеслось до сознания, Вика теребила за руку в нетерпении.

– Я отца схоронил. Вот побуду немного с матерью – и обратно.

– Окончательно оторвался от родного берега, – бесстрастно констатировала Вика, – ну и правильно, нечего здесь делать. Видишь, как жизнь круто изменилась. Теперь другие люди свои порядки устанавливают. Бизнес, коммерция на обломках империи... – она хлопнула себя по коленке, догадавшись, что меня интересует совсем другое. – А про Ладу знаешь?

– Нет, а что с ней? – глядя на посерьёзневшее лицо Вики, мне стало не по себе: сердце захолонуло от неприятного предчувствия.

– Ты как уехал, она вскоре и родила. Девочку. Не знал?

– Нет, – у меня помутилось в глазах. Подошедший официант с тревогой спросил: «Вам плохо, гражданин?», но я не отреагировал на его вопрос, кивком упрямивая Вику продолжать. Она же, словно не замечая моего состояния, долго раздумывала и сначала заказала две чашки кофе, себе рюмку коньяка, а потом перевела свой невозмутимый, издевательски-бездушный взор на меня:

– И знаешь, как назвала девчушку? Кирой. С греческого переводится вроде как «солнечная», «луч света».

– И где они сейчас?

– Тоже не знаешь?! – Вика захватила инициативу, видя мой неподдельный интерес, стала растягивать паузы, медленно прикуривая и нарочито часто стряхивая пепел. – А я думала, ты в курсе... Беда с Ладкой случилась. Она же отца с матерью похоронила. И тут же резко стала терять зрение. Какое-то наследственное заболевание обнаружили. У неё где-то на Кубани сестра жила, Наташка, полностью здоровая тётка. Вот Ладка и уехала к ней, чтобы девочка под присмотром была...

– Ты адрес знаешь? – вырвалось у меня.

– Нет, Лада категорически всем отказала, чтобы не донимали. Наверное, и тебя имела ввиду. Она ведь уезжала почти слепая, я её прекрасно понимаю: раз случилось такое горе, зачем другим жизнь портить...

– Дура ты, Вика, – я положил на стол деньги и встал. – Всю жизнь порхаешь, как стрекоза, а смысла жизни так и не одолела. Не для себя люди живут, а чтобы

другим было хорошо, понимаешь? И не в радости друзья нужны, а в горе. Эх, ты!.. Приятного аппетита.

Подружка ещё долго сидела с открытым ртом, не понимая, что произошло. А я уже брёл домой на ватных ногах, раздавленный Викиной информацией. Надо было как-то осмыслить, спокойно переварить услышанное. Может, посоветоваться. Хотя, нет, с матерью на эту тему – ни-ни, зачем ей лишние тревобления, ещё не дай Бог...

К вечеру метель раззадорилась не на шутку. Почти всю ночь я простоял возле балкона, прислушиваясь к завыванию ветра, вздрагивая при каждой снежной бомбардировке оконного стекла. В хаосе мыслей то и дело проскакивал приглушённый и почти забытый голос: «Кира... Кирочка... Не приезжай, любимый!..». Молоточки стучали в висках, казалось, бесконечно: не приезжай... прощай... не приезжай...

Утром кто-то вызвал «неотложку». Это я потом узнал о микроинфаркте, оказавшись в больнице, а следом – в загородном санатории. Все удивлялись, потому что моё здоровье до сих пор не вызывало никаких нареканий. Криз отнесли за счёт переживаний по поводу смерти отца. Я и не разубеждал. И сам себе боялся признаться, что вольно или невольно нарушил заповедь не возвращаться туда, где ты познал истинное счастье. Правда, ненадолго. Хотя и не жалел о случившемся. Ведь в жизни за всё надо платить...

С тех пор я не люблю зиму. Слишком тягостные воспоминания. Хотя и на солнце врачи не рекомендуют особо задерживаться. Советуют сменить суровый сибирский климат на более мягкий. Семья не против. Только вот куда переехать, я ещё не решил.

ВАЛЕРИЙ ПРОТАСОВ

«НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ...»

Фрагмент из повести

О. И. П.....ой посвящается

Небольшой провинциальный город отмечал юбилей писателя. Местное телевидение, радио, драматический театр, газеты на все лады повторяли знаменитое имя.

Научная конференция продолжалась второй день. Чтения проходили в большой гостиной литературного музея – просторной комнате с высоким лепным потолком и хрустальными люстрами, среди стен, заставленных шкапами с книгами в золочёных корешках. В окна лился яркий свет «золотого века», отражаясь в лицах участников.

В заключение второго дня заседаний слово дали Владимиру Петровичу Гурову как представителю местной писательской организации. Он прочитал один из своих небольших рассказов, что-то вроде стихотворения в прозе. Речь в нём шла о девушке, воспетой знаменитым златоустом. В нём говорилось, что чистая и светлая барышня той далёкой эпохи могла бы остаться такой и в наши дни, если бы не испепеляющее влияние новых идей. Против ожидания рассказ был принят хорошо.

На следующее утро все участники чтений собрались на экскурсию по литературным местам. Туристический автобус марки «Икарус» ждал пассажиров возле музея. Разгоралось жаркое летнее утро. За час с лишним пути в автобусе сделалось душно. Открытые окна мало помогали. Наконец надоедливый шум мотора, от которого воздух ещё больше нагревался, смолк. Складчатые двери растворились,

и вся компания вывалилась наружу. Обступившая тишина сначала оглушила. Но на крутом берегу оврага, описанного сто пятьдесят лет назад пером знаменитого писателя, зной не так давал себя знать. Поддувал лёгкий ветерок. В гулкой тишине вязли и пропадали голоса птиц, стрёкот насекомых.

Гиду было о чём рассказать. Впрочем, большинство в группе в этом и не нуждалось. Здесь были специалисты, искушённые во всех подробностях писательской биографии. Некоторые знали даже больше, чем следовало, и выражались много-речивее, чем нужно. Говорить о том, что из двадцати человек мужчин было всего двое: писатель Гуров и шофёр, представляется излишним. Женщин теперь большинство во всех гуманитарных областях жизни.

Темы для разговоров, конечно, нашлись. Нельзя сказать, что Владимир Петрович был чужим в этом обществе, но среди биографов, архивистов и теоретиков его фигура оказалась единственной, представлявшей полёт вольной фантазии. Если не пропасть, то тонкая стеночка между нами всегда существовала. Многие годы знакомства, более или менее близкие отношения не разрушили её. Говорят, всё проходит. Но есть вещи, которые устойчивы и неизменны, хотя было бы лучше, если бы они исчезли.

Учёных разговоров, впрочем, было немного. Просушенный зноем, пропитанный хмельным духом трав свежий полевой воздух пьянил и кружил головы. Все резвились, как дети, выпущенные из класса. Вспоминали цитаты из рассказов классика, прикидывали, кто и где из героев сидел, стоял и ходил. Наконец немного усталые, пропаренные теплом природной летней бани, учёные отправились в обратный путь. Мотор опять завёл свою песню большого солнечного шмеля. Сидеть, набрав в рот воды, было выше сил. Бродившее в крови солнце искало выхода. С гостями, прибывшими из разных мест, как ни странно, найти общий язык оказывалось легче, чем с лицами из постоянного окружения. Многолетняя близость создаёт не только чувство родственности, но и отчуждения, особенно, если эти отношения не безоблачны. Поговорив с посланницей Северного Кавказа, Владимир Петрович перебрался к сидевшей почти на самом заднем кресле женщине в розовой футболке. По непринуждённости и простоте обращения, по живости речи в ней можно было признать москвичку. Звали её Елена Васильевна Новицкая. У них нашлись общие знакомые. Оба учились в МГУ, правда, в разное время: он на филфаке, она на факультете журналистики. По окончании курса как диссидентски настроенный студент Гуров был направлен в провинцию «для оздоровления мыслей и сближения с простой жизнью», где и осел. Она, отучившись в аспирантуре, вскоре защитила кандидатскую и несколько лет прожила в одной из стран Латинской Америки. Язык Сервантеса был в молодости страстью и Владимира Петровича. Он учился в московской экспериментальной школе, где преподавали природные испанцы – выпускники Института Дружбы народов из детей республиканцев, вывезенных в СССР в 1936 году. На уроках читали стихи про партизан, Долорес Ибаррури. Рокочущие «рр» приводили Володю Гурова в восторг. В старших классах школы он был просто одержим Южной Америкой. Вместо того чтобы слушать объяснения по скучным предметам на уроках, бродил по карте Нового Света, пропадая в джунглях Амазонки, вдыхая сладкий воздух восточного и Западного побережья, Ла-Платского залива, пропадал в тавернах Буэнос-Айреса, упиваясь мелодиями танго.

В последние годы Владимир Петрович редко бывал в Москве и потому с жадностью слушал рассказы о театральных новинках, художественных выставках и прочих столичных новостях.

Город встретил паломников шумом машин, чадом дорог, суетой улиц. Гуров попросил шофёра остановить автобус на нужном перекрёстке. Выходя, обернулся, и

помахал всем рукой. В разноголосом ответном хоре её голос прозвучал отдельно и с особенным выражением. В голосе слышалась та простота, которая свойственна людям, не держащим камень за пазухой и не таящим задних мыслей. Вероятно, и выражение его лица было таким же. Он понял это, даже не видя себя в зеркало. «Общий менталитет», – вслух, с лёгкой долей то ли досады, то ли иронии, а, скорее всего, того и другого, вполголоса сказала одна из учёных дам, с которой Владимир Петрович был знаком много лет, но «менталитет» от этого общим у них не стал.

Громада автобуса тронулась. Мимо поплыли лица сидящих в салоне женщин. Гуров поймал взглядом её улыбающееся лицо.

На следующее утро новые знакомые обменялись адресами и телефонами.

Прошло месяца два. Как-то утром часов в девять раздался залиvistый звонок домашнего телефона. Кто бы это мог быть? Никто из знакомых в этот час обыкновенно не звонил. Гуров поднял трубку и услышал её голос, бодрый, с мажорными, светлыми интонациями, в тон хорошему солнечному утру ранней погожей осени. Неожиданностью своей звонок был похож на маленький праздник и по-хорошему взволновал его. Чувство благодарности, похожее на испытанное в автобусе, вновь овладело им. Они поговорили о том, о сём.

Завязалась переписка. Она презентовала кое-что из последних изданий новомодных авторов. Он послал ей свои книги. Беседу в письмах его новая знакомая вела так же легко и свободно, как и в живом разговоре. Почерк у неё оказался некрупный, ровный, почти каллиграфически красивый, напоминавший автографы Пушкина (в лучших его чистовых образцах), Тургенева, Бунина. Сказывалась культура письма, по которой можно судить о воспитанности человека.

Переписка была не частой, учитывая расстояние и медлительность почты. В письмах, довольно быстро возникла, с его стороны, личная нота. Владимиру Петровичу всё труднее было сдерживать нараставшее чувство, которое можно назвать влюблённостью. Он так и сказал об этом. Вот уж, точно, не знаешь, «как наше слово отзовется», отозвалась она строчкой из Тютчева. Разве она давала повод для такого поворота событий? Она замужем. Недавно приняла крещение. Муж серьёзно болен. В конце писем настойчиво повторялась приписка: «pen-friend» (друг по переписке). Ей было интереснее обмениваться мнениями о книгах, чем ввязываться в паутину сентиментальных отношений. Он ответил, что уважает её религиозные убеждения, понимает, как нелегко нести бремя забот, и не имеет в виду ничего пошлого вроде лёгкой интрижки. Насколько это было искренне, он и сам не знал. Никогда не угадаешь, как всё обернётся, что таится на самом дне души. В *Post scriptum*, однако, не удержался и прибавил: «Неужели только pen-friend? Нет дня, чтобы я не думал о вас. Я так одинок. Здесь нет никого, с кем я мог бы говорить так, как с вами. В городе в июне проходят Дни Москвы. Я приглашаю вас на эти празднества». Она долго не отвечала. Потом пришло письмо. Между прочими новостями в нём сообщалось о спектакле «Синяя птица» по пьесе Метерлинка в Электротеатре имени Станиславского. Спектакль шёл 3 дня. В конце была такая фраза: «Бог даст, увидимся. И всё-таки «pen-friend». На следующее его письмо пришёл ответ с подписью: *Your pen-friend. Your* («ваш») его взволновало, а pen-friend опять обдало холодком. Синяя птица! Вот и его мечта, как эта птица в небе. В конце концов, какое право имеет он, совершенно чужой ей человек, вторгаться в священное лоно семьи, вносить разлад в личную жизнь? Он должен быть благодарен ей за то, что она подарила ему несколько часов, выкроенных в суматохе московской жизни. На что ещё он может рассчитывать? Возможно, они больше никогда не увидятся. Он забудет, как она выглядит. Странно, но её лица он не видит и теперь. Оно как будто расплылось в его памяти.

Его письма, по-видимому, пробудили в ней сочувствие.

«Не надо отчаиваться, – писала она. – Будем ценить то, что имеем, что сверху нам определено, как самое наше место в этом прекрасном и всё же таком зыбком мире...».

«Всё так, если бы не тоска, которая охватывает меня на тёмных провинциальных улицах во время одиноких прогулок», – ответил он.

Чем старше становишься, тем труднее срывать с места. В долгие месяцы, когда работы выше головы, ему вообще не до поездок. Тихие спокойные, плохо освещённые провинциальные улицы затягивают полусонной дремой, в которой плывут вереницы образов и слов. Неспешный темп жизни позволяет вслушаться в себя... Дни шли.

Миновала зима, за ней весна, к концу катилось лето. Литературная конференция прошла без неё. Кажется, дело ясное.

В начале августа он снова услышал её голос в трубке городского телефона. Он был такой же ровно-доброжелательный, мягкий и в то же время устойчиво-твёрдый.

Поезд за номером таким-то приходит завтра в 15.30, сказал этот голос. Где мы могли бы встретиться? Он не сразу нашёлся с ответом. Путаясь, назвал гостиницу, где она в прошлый раз останавливалась. И тут же подумал: «Какая гостиница? К поезду, конечно, к поезду». И на следующий день, купив три ярко-красных розы, спешил на вокзал. Состав всего из четырёх вагонов, как было когда-то в незапамятные времена, подошёл к платформе. Из переднего выходили и выходили люди, а той, которую он ждал, всё не было. Они виделись до этого всего два раза, и он боялся, что не узнает её. Но, повернув голову направо, в сторону следующего вагона, сразу увидел её. Она, в куртке и песочного цвета джинсах, с дорожной сумкой через плечо шла, немного склонив голову от сквозного ветра на перроне и поглядывая из-под полуопущенных ресниц перед собой. Он бросился ей навстречу.

– Это вам! – сказал он, вручая ей цветы.

Она поблагодарила лёгким наклоном головы.

– Я была в ... – она назвала имя соседнего города, – и решила заехать к вам. В прошлый раз многое не успела посмотреть. Вы мне покажете город?

– Конечно!

Через четверть часа они были возле гостиницы. Владимир Петрович проводил гостью в номер. Она поставила цветы в вазу толстого гранёного стекла. Уговорились встретиться часа через два.

Стрелки часов приближались к восьми вечера, когда он вошёл в холл гостиницы. Её ещё не было. 10 минут девятого он стал беспокоиться и спросил у консьержек, не появлялась ли дама, которая поселилась у них два часа назад. Она выходила три раза, искала вас, ответили женщины. Он набрал номер сотового.

– Я жду вас уже полчаса, – сказала она. В голосе слышалась лёгкая досада. – Подумала, вы на что-то обиделись.

– Что вы! Я не знал, как скоротать время, чтобы скорее увидеть вас. Где вы?

– Я в парке возле памятника... Сажу на лавочке, с удовольствием смотрю на траву и цветы. Наслаждаюсь тишиной.

– Так я иду, бегу к вам, – проговорил Гуров, уже поднявшись с кресла и устремляясь к двери.

Через двадцать минут самого быстрого шага он уже подходил к месту свидания. Она сидела в одиночестве на скамейке. Он поприветствовал её коротким приветственным жестом. Она ответила, плавно помахав рукой. Гуров заметил, что она не оставила без внимания его походку. Может быть, и не такую лёгкую, как у молодого Дон Жуана, но ещё достаточно быструю. О других изменениях, оставленных временем в его лице и фигуре, он предпочёл не думать. Впрочем, и они были незначительными. Морщинами он не обзавёлся, округлостью в области живота и

двойным подбородком – также. Глаза светло-карего тона были ясными. Волосы на голове, чуть тронутые сединой, почти не поредели.

– Сколько вам лет? – спросила она.

Гуров сказал. Она думала, меньше. Так что, на слегка побитого молью мачо он ещё смахивал. Да и его узкие молодёжные джинсы явно не прибавляли возраста.

– Простите, что заставил вас ждать.

– Ничего. Я не скучала. Наблюдала. На соседней скамейке сидели две дамы. Одна, важная, вальяжная, явно хозяйка, другая, похоже, компаньонка. Вот начало рассказа в духе...

Она назвала имя какого-то зарубежного писателя. На эту тему мог бы начаться интересный разговор. Но Гуров ничего не ответил. Во-первых, потому, что о таком писателе впервые слышал. во-вторых, меткость зарисовки слегка царапнула его самолюбие. Оказывается, он мог завидовать. Раньше он за собой этого как-то не замечал. Может быть, молчание на реплику о двух дамах слегка обидело его гостью, но она не подала и вида. В речи её изредка попадались имена и реалии, Гурову не знакомые.

Она, безусловно, имела преимущество в знании иностранных языков и жизни московской интеллигенции, повидала мир, но при этом ни разу не дала почувствовать это. В ней вообще не было признаков столичного снобизма.

Владимиру Петровичу было с ней интересно. Ей – с ним. Вначале, правда, он произвёл на неё впечатление человека, занятого только собой и своим ремеслом.

– Читайте ваши книги, – сказала она. – Прекрасно написано. Вы стремитесь к совершенству, к эталонной красоте. Вы – перфекционист. Но вы эгоист. Мне кое-что рассказывали о вас.

Гуров слышал этот упрёк много раз от разных людей и привык относиться к нему, как к простому напоминанию. Упрёк этот его не задевал. В её устах он вообще звучал скорее как благожелательное сожаление. Каждый – эгоист на свой лад. И он, Гуров, не больше, чем другие. На том стоит жизнь. Что касается его книг, то в них, и, вправду, много личного. И он, действительно, хотел бы видеть мир лучшим, чем он есть.

– Неужели вам никогда не хотелось иметь семью, детей, друзей, наконец? – спросила она.

– В юности очень хотелось. Но среда...

Она внимательно посмотрела на него.

– Нет, среда, и судьба, конечно, много значат. Но всё-таки люди везде находят друзей, любимую, заводят семью. А ваш максимализм, ваше недоверие к жизни зашли слишком далеко. Только не говорите, что браки заключаются на небесах.

– В сущности, мы ищем своё второе я, – помолчав, сказал Владимир Петрович. – А что, если я создан один? Да и две половинки никогда не могут стать одним целым.

Он говорил так уверенно, а на самом деле и сам не знал, почему так сложилась его жизнь. Да, правду сказать, и не искал ответа. Все объяснения родились из необходимости доказать себе и другим, отчего он одинок. Большинство людей запряжены в повозку брака, потому что так принято. Избежавший общей участи вызывает осуждение, смешанное с завистью. Нет, он не был противником брака. Просто семейная лямка была не для его плеч. Наверное, он правильно сделал, что остался холостяком. Совместное жительство против воли ни к чему хорошему не приводит. И разве быть одиноким так уж плохо?

– Вы романтик. И говорите, как герой из книг 19 века, – сказала она.

– Когда возникала необходимость совершить решительный шаг, сделать предложение, мною овладевал панический страх. Наверное, зверь испытывает такое чувство, попадая в капкан, – сказал Гуров.

– Скажите! Вот уж не подумала бы, что вы боитесь жизни. С виду вы не производите впечатление нерешительного человека. И потом, – вполголоса добавила она, словно сообщая некую тайну, – здесь всё зависит от женщины. Вы ищете совершенство, но его нет, и быть не может.

Сказано это было так убедительно, что Гуров мысленно согласился. Никто ему этого не говорил, и для него это прозвучало как откровение, тайна, доверенная ему одному. Для многих мужчин эта тайна так и остаётся нераскрытой.

– Лучше быть одиноким, чем делить ложе, стол, и душу с женщиной не твоего идеала, – ответил Владимир Петрович фразой, от которой отдавало некоторой бравадой. Но и своя правда в ней тоже была.

– Скажите, а сколько времени длились ваши романы? – вдруг спросила она.

Ответ словно был у Гурова на языке.

– Три года.

Продвинутый читатель сразу уловит отсылку к книге Бегбедера. Увы, должно отсеять всякие сомнения на этот счёт. Французский роман с названием «Любовь живёт три года» Гуров тогда не читал. Личный опыт привёл его к такой арифметике.

– Немного, – сказала она.

– Как посмотреть! За три года много можно понять, ко многому привыкнуть, во многом разочароваться.

– Вот вы всё время говорите о Москве. Вы думаете, в Москве легче? – спросила она. – Там очень непросто. Съедят и не подавятся.

– Я знаю. Люди везде люди.

Вечерело. Они шли по заросшим травой пустынным улицам.

– Как тихо, – сказала она. – А ведь в этих покосившихся домиках жили когда-то люди, чего-то хотели, к чему-то стремились. Здесь, конечно, есть какие-нибудь достопримечательности. Расскажите о них.

Гуров рассказывал, что знал, о старинных деревянных особнячках, сохранившихся с конца 19 века. Каждый молчаливо хранил свою историю. Всё вообще вокруг: парадные полуразвалившиеся фасады и задворки, даже маленькая пылинка на заднем дворе, многое могли бы рассказать и рассказывают, но люди не слышат их.

– Спасибо, – сказала она, когда они подошли к зданию гостиницы из розового кирпича. – Вы хорошо говорите. Мне было интересно.

Он проводил её до дверей номера и пожелал спокойной ночи. Гостиница была полупустой, и от пустоты коридоров ему сделалось немного не по себе. Не страшно ли ей будет одной?

– Нет, нет, успокоила она своего провожатого. – Всё в порядке. Не беспокойтесь.

Они уговорились встретиться утром. В десять он ждал её внизу.

– Как вы спали? – спросил Владимир Петрович.

– Очень хорошо.

От звуков её голоса он снова почувствовал себя счастливым и молодым. От неё шло какое-то особое дуновение, какому он не мог найти определение. Может быть, оно было похоже на лёгкий бриз утреннего моря, или на свежее дыхание очищенного грозой воздуха. У него прибавлялось сил, открывались какие-то закупоренные чакры.

День začínался ясный, солнечный. Небо чистое, настроение безоблачное. Они немного побродили по улицам, заглянули в два-три музея, благо они находятся в этом районе рядом. Потом пообедали в гостиничном ресторанчике. Им подали жаркое на обширном блюде, как подают теперь в Европе. На смену экономии пришла расточительность. Не перед большой ли бедой?

– Не заказать ли нам немного коньяку? – спросил Гуров.

Она кивнула.

Им принесли в широких небольших рюмках этого солнечного напитка. У него был очень приличный вкус, о чём Владимир Петрович и сказал.

– Впрочем, – прибавил Гуров, – я не знаток в крепких напитках, как и в некрепких тоже. Думаю, рядом с вами любое вино показалось бы мне приятным.

Мяса в жарком оказалось не так много, как представлялось на вид. Скорее, это была бутафория, заправленная тёмной зеленью. Но всё же больше, чем они могли съесть.

– Возьмите домой, – сказала она. – Нечего стесняться. Теперь все так делают.

И завернула в бумажную салфетку вместе с пластмассовой подложкой половину оставшейся порции. Её заботливость тронула Гурова. И за это, и многое другое: за способность вести лёгкий деликатный разговор, за понимание и такт он испытывал к ней всё нарастающее чувство благодарности. Знать, когда и что сказать и когда промолчать, – разве это не мудрость женщины? И разве это не преддверие любви? Надо ли объяснять, отчего, почему и как вспыхивает это чувство? Любят ни за что, а просто потому, что любят. Хотя, конечно, и за что – тоже. Да и возраст ничего не значит, если чувство начинается с души.

Раза два она откликнулась на какие-то предложения словами «как скажете». Это много значит в устах женщины, волнует и греет сердце её спутника. И радуется, и смущает. Ведь говоря это, женщина отдаёт себя в руки мужчины.

Поезд отходил в четыре. Впереди было больше часа времени, и Гуров был уверен, что они не опоздают. Ехать до вокзала не больше четверти часа. Из ресторана они пошли к музею, потому что ему показалось, что он забыл там зонтик. А возле музея была остановка троллейбусов и маршруток. В музее зонтика не оказалось. Гуров потом обнаружил его на дне своей дорожной сумки. «Рассеянность – признак гения», – сказала она. «Да, – в том же шутливом тоне отозвался он. – Жаль только, что этих признаков становится всё больше».

Кругом сновали маршрутки. Но нужной, как нарочно, не попадалось. Поймать такси на дороге теперь почти не удаётся. Вызвать же мотор из гостиницы ни ему, ни ей почему-то не пришло в голову. Он стал волноваться. Она же была совершенно спокойна. С пересадками они всё же добрались до вокзала с большим запасом времени. Часы на привокзальной пустынной и солнечной площади показывали половину четвёртого. До прибытия поезда оставалось минут сорок. Они провели их, расхаживая по затенённой стороне перрона на лёгком прохладном ветерке в разговорах о том, о сём. Темы находились сами. С ней вообще не надо было напрягаться, что-то придумывать. Каждый из них как будто говорил со своим вторым я. Удивительное чувство лёгкости, которое он редко испытывал в этом городе.

Через две недели, которые Гуров провёл в приятном волнении, тот же поезд отвёз его в столицу. Он сразу же позвонил ей. Они договорились встретиться через день возле театра Романа Виктюка на Стромынке. А в образовавшийся промежуток он посетил Электротheater Станиславского, о котором она рассказывала в одном из писем, и попал на спектакль «Гамлет» по пьесе Шекспира. Странное было зрелище! Несколько актёров, разделив душу бедного принца на ипостаси, неожиданно появлялись и исчезали в разных местах сцены из темноты, то взбираясь по трапедии вверх, то спрыгивая вниз и выкрикивая при этом чеканные строки стихов.

С чувством облегчения Гуров покинул зал и оказался на улице. Шёл девятый час вечера. Было ещё светло. Он прошёлся по Тверской к центру, зашёл во двор бывшего музея Революции, потрогал чугунные ядра возле пушек и ощутил себя в начале прошлого столетия почти в самой гуще революционных событий 17-го года. Именно это чувство искал он, стремясь под своды музеев, к стенам старинных зданий. Дух Москвы был дороже и ближе ему, чем химеры театральных нововведений.

На следующий день он поспешил на Стромынку. Договорённость была на шесть, но он оказался возле нужной станции метро уже в три. В этом районе Гуров

не был с незапамятных времён, если вообще когда-нибудь был. Театр Виктюка размещался в здании бывшего клуба. Гуров зашёл в кассу и взял два льготных билета в амфитеатр, зная по опыту, что одно-два свободных места почти всегда можно найти в боковых рукавах партера.

Они встретились в начале шестого. Он увидел её на другой стороне улицы. Она только что сошла с автобуса и направлялась к переходу. Владимир Петрович пошёл ей навстречу. Красный свет светофора сменился жёлтым.

– Стоп, машины! – в шутливом тоне приказа сказал Гуров и поднял руку. Он ждал улыбки, но её не последовало. Некоторые его выходки, вероятно, казались ей провинциальными.

В фойе театра ещё не пускали, и они погуляли по тихой полусонной, почти провинциальной улочке возле Института Лингвистики.

Стрелки приближались к шести. Наконец входные двери открылись. Народу было ещё немного. Основная масса толпилась снаружи.

– Что эти люди там делают? – спросил Гуров.

Память об очередях возле театральных касс, составлявших неперемный пейзаж всякого успешного театра в советские годы, почти выветрилась из его памяти.

– Стоят за билетами в кассу, – подняв в недоумении брови, ответила она.

Он совсем забыл, как сам в былые годы часами выстаивал возле касс какого-нибудь культового театра или выставочного зала.

Они вошли внутрь храма искусств, о котором Гуров столько слышал.

Коридор вестибюля вёл в буфет.

Гуров заказал два бокала шампанского и собирался заплатить. Но она опередила его.

– Попролам.

– Что вы? Зачем? – удивился он.

Буфетчицы поддержали его:

– За шампанское платит мужчина.

– Мы коллеги, – сказала она. – Вы заплатили за билеты, я за шампанское.

Им подали наполненные ледяным шампанским бокалы. Он попросил подогреть вино. Она сказала, что любит именно охлаждённое. Ему заменили бокал. Они сели за столик из лёгких искусственных материалов под мрамор на такие же лёгкие ненадёжные стулья, издававшие скользкий скрежет при каждом движении.

Разговор зашёл о старом и новом искусстве. Гуров сказал, что не понимает нового театра с его мейерхольдовской механикой и отсутствием живого чувства. Почему-то вспомнил старый аргентинский фильм «Возраст Любви» с Лолитой Торрес.

– Мелодрама, конечно, – сказал он. – Сентиментальная история, но трогает сердце. И потом совершенно гениальная музыка. А Лолита Торрес – просто божество.

Она слышала; ей рассказывал довольно рано ушедший из жизни отец, но фильму не смотрела.

– Расскажите, – попросила она.

Он стал передавать сюжет ленты, расчувствовался, и спазмы несколько раз сдавили ему горло. На глазах, как он ни крепился, выступили слёзы.

– Это ничего, – сказала она. – Даже хорошо.

Гуров продолжал пересказывать сюжет фильма, ввернул две-три фразы на испанском и даже пропел вполголоса музыкальную фразу из песни «Coimbra – cidade divina...», Коимбра – город чудесный.

Прозвенел звонок.

На сцене, представлявшей сплетение металлических конструкций, вздымавшихся под потолок, шла какая-то мешанина под названием «Последняя любовь Дон-Жуана». Главного героя изображали сразу шесть актёров, что должно было

символизировать многоликость человеческой души. Каждый представлял маску, которую человек носил, будучи совсем не тем, кем являлся. Это объявлялось революционным открытием, о котором, по мнению режиссёра, не мог знать автор. В спектакле было собрано всё, что содержала в себе фантазия режиссёра. Такова всеядность постмодернизма, впитывающего всё накопленное культурой до него, смешивающего жанры, соединяющего авторов в одно огромное блюдо наподобие итальянской пиццы или русской окрошки. Владимир Петрович подивился всеядности публики, поглощающей то, что ей преподносят. Где вы, театралы семидесятых, воспитанные на утончённом эстетизме «Современника», «Таганки», «Театра на Малой Бронной», «Ленкома»? Вкусы изменились, погубели, но аппетит, слава богу, остался. И, значит, жизнь продолжается...

Разговор на эту тему продолжался и на улице. Гуров нашёл нужным заметить, что многоликость человеческой души не была секретом ещё в античном театре. Чтобы её раскрыть, уже тогда применялись маски. Вильям же наш Шекспир сказал об этом прямо, объявив весь мир театром, а каждого из нас актёром. Ни он, ни его спутница, кажется, ни разу не пожалел о том, что не узнали, чем кончилось дело и в чём оно вообще заключалось.

Было ещё светло. Шла его спутница быстро и не только потому, чтобы не опоздать на автобус, но больше по привычке. Он с трудом поспевал за ней.

Вот и ротонда перед входом в подземку. Рубиновая буква «М» над входом. Прохладный ветер вестибюля. Движущиеся ленты эскалаторов, выложенные мрамором, цветными плитками полы залов ожидания, украшенные мозаикой, цветными витражами стены, ниши с встроенными в них скульптурами. Жуткие космические скорости поездов. Рёв разгоняющихся и прибывающих из длинного чрева тоннелей ярко светящихся чудовищ. Чистота и уют вагонов. Вежливость пассажиров. Никто не толкается, как было в шестидесятых в переполненных вагонах у входа и выхода. Красота московского метро восхищает. Бесспорно, десятое чудо света, изумляющее роскошью отделки, художественной щедростью мозаик и росписью стен, сияющими ослепительно мягким светом хрустальными люстрами, сказочной красоты плафонами. Подземные дворцы Гарун аль Рашида, в которые попадают замученные уличной суетой пешеходы. Ни в каком восточном царстве прошлого простым людям не снилось такое великолепие. Жаль, что этого никто не замечает. Глазеть по сторонам, восхищаясь мозаиками и витражами, в метро не принято. Здесь всё в движении, в молниеносной смене поездов, налетающих со скоростью урагана. Одно приводило Гурова в смущение: паучье сплетение линий на карте. Но в присутствии такой женщины, как его спутница, и это не страшно. Можно вообще забыть о тайном коде переплетённых розовых, фиолетовых и прочего цвета линий.

Всё вокруг было хорошо, как будто по-другому и быть не могло. Почему как будто? И в самом деле – не могло.

ЗОЯ ТАРАБРИНА

ПЕВЕЦ ОРЛОВЩИНЫ

Памяти Леонарда Михайловича Золотарева

Книги (они всегда были в нашем доме) с раннего детства помогали мне понимать окружающий мир, ярче видеть явления природы, различать добро и зло. Думаю, интерес к ним повлиял и на выбор профессии, и на другие повороты судьбы. Однажды нам предложили поехать из Казахстана в Россию, в самую её, можно сказать, сердцевину, в Орловскую область. В то время руководство страны озабо-

тилось проблемами Нечерноземья и приняло решение о его преобразовании, радикальном экономическом и социальном развитии. Быть в гуще жизни – и привлекательно и ответственно. Но были сомнения: надо ли ломать сложившуюся жизнь. Друзья убеждали: от добра добра не ищут. Но факт, что предполагаемое место жительства – это земля, где жили и творили такие гении, как Тургенев, Бунин, Лесков, Фет, а рядом Толстой, должна быть прекрасной, вдохновляющей средой обитания, определил наше решение. Давно это было. Более сорока лет прошло с тех пор.

Всё это вспомнилось с новой силой, когда, наводя порядок в книжном шкафу, в ряду книг известных орловских писателей я увидела не богато, но со вкусом исполненную книжечку. Достаяю, читаю: Леонард Золотарёв «Орёл – крылатый город» (2015 год.). Книга небольшая, но, как говорят в народе: «Золотник хоть мал, да дорог». Подготовка и выпуск её посвящены 450-летию города. Свою любовь, отношение к нему автор выразил в четверостишии:

*Вот мой причал, мой дом, мой птица-город,
Я здесь живу – стрела на тетиве.
Удар крыла не раз изведаль ворог
На отдалённых подступах к Москве.*

В книгу вошли лирические и эпические стихи и песни, гимны, посвящённые Орлу и Орле, цикл стихов «Моя малая родина».

Здесь же историческая драма «Орёл – птица с дуба, крепость на Оке», где действующие лица: Иван Грозный и его окружение, люди земли орловской – пушкари, стрельцы, орловцы и москвичи мирные и военные. Действие происходит то в Москве, то в Орле во время принятия решения и основания крепости-города. Завершает книгу раздел «Фотоокно». 120 снимков ведут и знакомят читателя с памятными местами города. И всё ничтожное, временное, что портит вид города, забывается. Он предстаёт в своей красе с прекрасными зданиями, золотыми куполами храмов, памятниками, театрами, музеями, библиотеками, реками и мостами, парками и скверами то в золоте осени, то в яркой весенней зелени листвы.

Рядом с ней на полке заняли место другие книги Леонарда Михайловича: «Любящая Мария» (2005 г.) – сборник семи драматических произведений, целый театральный репертуар, «Орловская лавра» (2014 г.) – книга очерков и рассказов разных лет о людях и их делах, «Судьба-судьбинушка» (2016 г.) – автобиографическое повествование. Автор так и охарактеризовал его – история моей жизни. Все книги с автографами, тёплыми и добрыми посвящениями и пожеланиями, все прочитаны. И встаёт перед глазами его образ: могучий человек высокого роста, смеющиеся, брызжащие зеленоватостью глаза, доверительные речи... Трудно верится, что вот уже год нет его, певца Орловщины, с нами, читателями-почитателями. И осязаемо сохраняется уверенность, что мы обязательно встретимся вновь на празднике Пушкина, на презентации новой книги, очередного номера его детища – журнала «Русское поле», принесём цветы к святому месту рождения Тургенева.

Встречи с Леонардом Михайловичем были не часты, но они все сохранились в памяти. Как-то, возвращаясь с праздника Пушкина, мы непринуждённо размышляли, спорили о том, кто настоящий продолжатель Пушкина. До прямого ответа мы не добрались, но он сказал, что после Пушкина больше всего ценит Есенина и, помолчав, добавил:

*Любой из нас хоть чуточку Есенин,
И я Есенин, но совсем иной.*

Так сказал Евтушенко. А вот что он сказал о Пушкине:

*Навсегда он стал мишенью,
Отдан алчущей толпе,*

*Вновь убит он был в Мишеле,
Вновь растерзан в Осипе,
Он проблёскивал во Блоке,
Может быть во мне мерцал,
С нами все его уроки
Юности честных зерцал.*

У нас находились общие точки интересов. Мы почти одногодки, дети одной эпохи, дети войны. Наша юность – это 60-е годы славного раскованного поколения. Мы учили в школах детей русскому языку и литературе и было что вспомнить об этой поре. Но вот какой-то щелчок в судьбе – и мы на другой стезе, в журналистике, открывшей нам новые дороги к правде, справедливости, встречи с интересными людьми.

Наши пути шли параллельно, не пересекаясь. В начале 2000-х судьба впервые свела нас в Москве, на Никитском Бульваре, в Доме журналистов, где впервые в новой истории праздновали 300-летие Российской прессы. Там, на встрече ветеранов журналистики, каждому из нас вручили памятный знак, учреждённый в честь этой даты Союзом журналистов РФ. В 2004-м году в составе группы орловских ветеранов журналистики мы были приглашены и приняли участие в праздновании Дня Победы в Кремлёвском Дворце.

Но это лишь эпизоды в жизни Леонарда Михайловича. Сосредоточие его внимания – это литературный труд. Отправной точкой в литературу стал, можно сказать, очерк «Берестяные песни». Мотаясь по командировкам в поисках интересных тем для очерков и репортажей в «Орловский комсомолец», молодой журналист уловил людскую молву о человеке с необыкновенным даром имитировать пение птиц. И вот он, этот человек – Боян Ипатьевич Павин, засыпан вопросами: что? как? «Я не свищу, не играю, а пою и синицу, и скворца, и перепела, и жаворонка, соловья о шести коленах, – говорит ему Павин. – На двенадцати языках пою. Это мне, как семечко слушать». Очерк, опубликованный в центральной прессе и получивший положительные отзывы, укрепил его в тайном желании – буду писателем. Так и писал последующие годы.

Книги Леонарда Михайловича читаются легко, с большим интересом. Невольно отмечаешь его пристальный взгляд к родной земле, её людям, истории, где шли жаркие схватки с ордами врагов. И предстаёт перед нами серединная полоса России, Ока – Пояс Богородицы. Он описал степь, небо, дожди и ветры, зной и тепло солнца. В его книгах предстаёт картина жизни Орловщины: быт, праздники, душевные переживания людей, их семейные коллизии. Речь его героев насыщена пословицами и поговорками. Вот только в одном рассказе «Липа вековая», где в ожидании попутки, не спеша, беседуют молодой человек, только что окончивший школу, и двое мужчин, достигшие пенсионного возраста. В их речах и мудрость, и печаль, смягчённая юмором: «молодой боится, что постареет, а старый – околеет», «не естся, не пьётся – никак не умрётся», «кто кого смог, тот того с ног», «деньки потянутся – ноги протянутся», «губа толста – душа проста», «пришли иные времена – взошли другие семена», «надо гнуться, а то поломают», «жизнь производит человека восклицательным знаком, а получит в зубы – глядишь, ходит он уже вопросительным знаком»...

Мир Леонарда Михайловича Золотарёва будет жить в его книгах. Они подарят читателям радость познания языка, жизни. Его имя займёт достойное место в ряду орловских писателей.

ВЛАДИМИР САМАРИН

КАК ШОЛОХОВ КОВАЛ ПРОЛЕТАРИЕВ

*Особое мнение**Гвозди б делать из этих людей...**В. Маяковский*

О том, что М.А.Шолохов внедрял в текст донского романа-эпопеи чуждые казначеству персонажи, я сообщал в своей книге «Страсти по «Тихому Дону». Пришельцев выдавал куцый, лишенный природного разноцветья язык, ничем не обусловленные поступки и мысли.

Из дальнейших исследований выяснилось: строительство «паровоза» для превращения народнического романа в «шедевр советской литературы» деформировало конструкцию произведения, породило явные нестыковки во взаимоотношениях героев. Возникло немало загадок, над решением которых много лет бьются и шолоховеды, и те, кто не считает Шолохова автором «Тихого Дона».

Замечательна, например, дискуссия вокруг дневника неизвестного казака, погибшего на поле брани в Восточной Пруссии.

Кто он, этот Тимофей или Александр (даже в научной редакции романа он носит два имени)? В чём заключается художественный смысл обнаружения его записок?

Из дневника мы узнаем о нем совсем немного: уроженец станицы Каменской области Войска Донского, московский студент, в некотором роде бунтарь. Да, ещё Тимофей-Александр влюблен в студентку Лизу Мохову, отец которой купечествует в хуторе Татарском.

Молодого человека заедает серость будней, но не хватает ему крыльев и сил, чтобы приподняться над обыденщиной. Даже походы в оперу, ранее столь желанные, становятся ненавистны ему.

В войне с Германией Тимофей-Александр видит какой-то выход из обрыдлой жизненной ситуации: идет в действующую армию вольноопределяющимся.

Ступеньки жизни убитого казака-студента укладываются в несколько лаконичных страничек, но читатель всё больше и яснее ощущает, что где-то и как-то уже встречался с этим человеком...

Исследователь проблемы авторства «Тихого Дона» Зеев Бар Села(Израиль) заключил: составитель дневника – не кто иной, как сам автор «Тихого Дона». Налицо, мол, явный писательский стиль. Отсюда вывод: прототипом Тимофея-Александра является казак, бывший московский студент, а позже и известный журналист Виктор Севский (настоящая фамилия – Краснушкин).

Столь смелое заявление, ещё ничем серьезным не обоснованное, подтолкнуло меня к поиску автора дневника среди героев романа, чей след пропал на страницах «Тихого Дона» после гибели Тимофея-Александра.

Московского студента долго искать не пришлось. Он появляется в кругу близких знакомых купца Мохова: «По вечерам у Сергея Платоновича собиралась хуторская интеллигенция: Боярышкин – студент Московского технического училища. » (ТД, ч. II, гл. 1-я, Москва, Воениздат, 1995 г.). А чуть раньше дается его немногословный портрет, выделяющийся «обритой фиолетовой головой».

Отрывок из речений Боярышкина в кругу местных учителей и сотника Листницкого четко рисует жизненное кредо и характер студента-казака: «Читаю его и, несмотря на то, что я сын казака-хлебороба и ко всем привилегированным классам питаю вполне естественную злобу, – тут, представьте, я до чертиков жалею это отмирающее сословие. Я сам чуть не становлюсь дворянином и помещиком,

с восторгом всматриваюсь в их идеал женщины, болею за их интересы, — словом, черт знает что! Вот, дорогой, что значит гений! Можно и веру переменить!» (Там же, с. 106).

Имя гения не называется. Но нетрудно догадаться, что разговор ведется о Л.Н.Толстом: о главной героине его романа «Анна Каренина», и о публицистической работе «В чём моя вера», зашифрованной для избежания вмешательства цензуры высказыванием: «Можно и веру переменить».

О творчестве Толстого рассуждает и автор казачьего дневника: «У Толстого в «Войне и мире» есть место, где он говорит о черте между двумя неприятельскими войсками — черте неизвестности, как бы отделяющей живых от мертвых <...>».

Значит, и Боярышкин может быть автором дневника. Вспомним ещё, что Тимофей-Александр и Боярышкин одинаково критически относятся к существующему в России строю, но вместе с тем, сердцем преданы своей малой родине — Донщине.

Создаётся впечатление, что неизвестный казак попал не под немецкую пулю, а под намеренный произвол автора-соавтора «Тихого Дона». Вместо погибшего вольноопределяющегося должен был явиться в его мундире Илья Бунчук. Одежда с чужого плеча не очистила его.

Происходит расслоение персонажа. Студент Боярышкин, не лишенный казачьего звания, имеет явное преимущество перед Бунчуком для несения службы в казачьем полку. Бунчук же — бывший казак, а ныне — «из рабочих». Незаконченное высшее образование позволяет Боярышкину стать вольноопределяющимся, Бунчук же этого права лишен (у него за плечами только ремесленная школа). Пропагандируя в офицерской землянке статью Ленина, Бунчук сам признается в своей малой образованности: «Я прочту выдержку. Я ведь не очень грамотный, толково не свяжу...». (ТД, ч. IV, гл. 1, с. 316)

У Боярышкина есть всё для службы в казачьем строю: и конь, и обмундирование, и выучка в подготовительных лагерях. У Бунчука же по каждому из этих пунктов явились бы проблемы, поскольку и с конем он был знаком разве в далеком детстве.

Так почему же Шолохов решает покончить с Боярышкиным и ввести вместо него в канву романа Илью Бунчука? Вероятно для того, чтобы пополнить состав действующих лиц казаком-большевиком (надо думать, по наставлению редактора).

Вольноопределяющийся Боярышкин постоянно рвался в бой, упрашивал сотника Листницкого взять его в разведку. А у вновь испеченного вольноопределяющегося другие порывы: «хочу просить о переводе меня в пулемётную команду» (ТД, ч. III, с. 272).

О том, как научившийся воевать Илья Бунчук косил из пулемёта немецких солдат-пролетариев, Шолохов умалчивает, но зато посвящает целые страницы «подвигам» Бунчука в расстрельной команде. Влюбленный в «Тихий Дон» американский литературовед Герман Ермолаев называет Бунчука новым типом убийцы: «будучи нацелен марксизмом на революционное насилие и вдохновлен Лениным на развязывание гражданской войны, он не чувствует угрызений совести по поводу уничтожения человеческих жизней». (Михаил Шолохов и его творчество, С.-Петербург, Академический проект, 2000 г., с. 124),

Вообще можно сказать, что немалое число «нужных» персонажей не создавалось Шолоховым, а лепилось из готового художественного материала с добавлением в него (и часто весьма неудачно!) деталей социальных и портретных особенностей — например, густо-волосатых с тыльной стороны ладоней Бунчука или «остренького взгляда узко сведенных глаз» Штокмана.

Там, где на страницах романа появляется Илья Бунчук, отмечается явное снижение художественного уровня «Тихого Дона», встречается масса сюжетных неувязок и вопиющих ошибок. Автора, глубокого знатока казачьей жизни, словно

подменяет повествователь со слабо выраженным литературным мастерством, использующий штампы «пролетарской литературы». Шолохов, наивно рисует деятельность казака-большевика в офицерской среде на передовой; он весьма поверхностно знает правила взаимоотношений нижних чинов и офицеров: заставляет Листницкого титуловать полковника, командира казачьего полка – ваше превосходительством, а начальника дивизии, генерала, называть – высокоблагородием. К есаулам Листницкому и Калмыкову рядовые казаки обращаются на «бунчуковских» страницах, как к младшим офицерам (Там же, стр. 319, 320, 321, 322).

То, что происходит с Бунчуком после его дезертирства, похоже на пробу пера начинающего пролеткультовца в жанре детектива.

Через три дня после бегства с фронта Бунчук попадает в некое торговое местечко, где, оказывается, имеется конспиративная квартира, и где ждет встречи с ним совершенно определенный человек. Вот цитата:

– Борис Иванович у вас на квартире?

– Да. Проходите, пожалуйста. (Там же, стр. 326).

В маленькой комнате за столом сидел человек, и сухо спросил у Бунчука:

– Откуда?

– С фронта.

– Ну?

(Там же, стр. 326).

А вот как Бунчук отчитывается о результате своей длительной «командировки» на фронт. Он и «человек в военном» говорят при этом на каком-то телеграфном наречии:

– Ты совсем?

– Совсем.

– Как там?

– Все готово.

– Надежные ребята?

– О да.

(Там же, стр. 327).

Весь этот загадочный разговор идет при зашторенных окнах и в полной темноте.

Что же секретного кроется за куцыми вопросами-ответами? Да ровным счетом ничего! Ведь агитационная деятельность Бунчука в пулеметной команде закончилась для двух казаков военно-полевым судом, а для других – рассеянием в разные казачьи полки. То есть полным провалом. Однако человек в военном спешит включить Бунчука в новую, но столь же загадочную историю:

– Я получил от Степана записку. Просит прислать парня, знающего в военном деле.

– Какая работа у него? – спросил Бунчук.

– Инструктировать ребят.

(Там же, стр. 327).

Куда и с какими инструкциями добирался до «ребят» Бунчук, мы так и не узнаем. Ведь и в августе 1917-го он будет заниматься делом привычным – казнить без милости и мутить казаков. Вообще удивительно, как это ему удавалось. Вспомним, как Бунчук завоевывает доверие казаков, отправлявшихся по приказу Корнилова в Петроград. Каким-то образом казаку-дезертиру удается попасть именно в эскадрон, где он сам служил. Не упрекают Бунчука за предательство. Наоборот, именуют то по имени-отчеству, а то просто Илюшей. Лишь очень поздно раскусят его. Как и ещё одного пришельца в хутор Татарский...

Посиделки казаков у «ягодки Штокмана» во многом напоминают досужие вечера казаков у слесаря Памфилыча в одной из повестей Ф. Д. Крюкова, а картина обыска у Штокмана – сюжет из крюковского рассказа «Обыск». Среди завсегдатаев громких читок и жарких разговоров на темы казачьей жизни в «Тихом Доне» встречаются лица, весьма похожие на крюковских любителей острых споров. Если в его рассказе «Мечты» мнение иногородних представляет давно увлеченный фантазиями о получении земли портной Ферапонт, то в «Тихом Доне» интересы мастерового люда защищает Филька-чеботарь. Если у Крюкова страждущим по ушедшим в прошлое свободам выступает Егор Рябоконева («Зыбь») – крепкий духом и телом казак, то на вечеринках у Штокмана душой компании показан столь же мощный батареец Христон, а однорукий Грач смотрится прообразом Мартина Шамиля, писарь Мишаткин – Михаила Кошевого.

Несколько слов о любовной линии в романе. Она представлена широко и многообразно. Жаль только, что и здесь Шолохов не обошёлся без «пролетарских включений». На этот раз был позаимствован образ девушки-большевички из «Чапаева» Д. Фурманова. Анка-пулемётчица преобразилась в пулемётчицу Анну Погудко. Обе были подругами молодых бойцов. Обе погибли в бою...

Но летопись героев-двойников «Тихого Дона» ещё не закончена.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВА

НЕЧАЯННОЕ НАПОМИНАНИЕ О ВОЙНЕ

О Великой Отечественной войне 1941-45 годов уже писалось и ещё будет писаться не мало. Особенно в этот юбилейный год. Ведь 75 лет назад наш народ остановил коричневую угрозу и освободил не только наши собственные территории от фашистских захватчиков, а и многие другие страны и народы Европы. Но в войне, длившейся почти 7 лет, если считать её начало с захвата и оккупации гитлеровскими войсками Польши, Финляндии, Франции, Голландии и других стран, а также стоившей миру нескольких десятков миллионов отданных на полях сражений и в тылу человеческих жизней, есть ещё немало эпизодов, которые недостаточно известны и проанализированы.

Об одном таком маленьком эпизоде мне хотелось бы сейчас рассказать.

Летом 2016 года мы с моим австрийским другом Йозефом Волленхофером приехали в Малоархангельск, чтобы попробовать установить дружеские партнёрские связи между ним и таким же маленьким городком в Австрии, в котором мы жили. Мы предполагали познакомиться с известными в городе людьми, чтобы заручиться их поддержкой и участием в нашем проекте. И после тёплого дружеского приёма у мэра Малоархангельска Александра Сергеевича Трунова мы вместе с ним отправились в гости ко второй известной личности города – писателю и общественному деятелю Леонарду Михайловичу Золотарёву. Конечно, как это и принято в любом русском доме – гостей встретили застольем. Очаровательная жена писателя, Людмила Серафимовна, приготовила обильное и изысканное пиршество, и мы с некоторым смущением разместились за большим столом в доме Золотарёвых. Слово за слово, у нас завязался разговор. Естественно с моей помощью в качестве переводчика. Хозяева интересовались жизнью в Австрии, рассказывали о своей жизни. Потом мы перешли к цели нашего визита и начали обсуждать возможности сотрудничества между двумя городами. И поскольку мы приехали в Малоархангельск только накануне, то каждый из принимающей стороны старался дать нам совет, какие достопримечательности их родного города нам следует

посетить. «А у памятника поэту Пушкину вы уже были?» – поинтересовался Леонард Михайлович, который в своё время приложил немало усилий для создания этого памятника. Мэр города Александр Трунов начал с гордостью рассказывать о недавно открытой аллее Героев в центре Малоархангельска. В связи в этом разговор перешёл на воспоминания о военных годах. И вдруг хозяин дома поднялся со своего места и, указывая рукой на иностранного гостя, с присущим ему темпераментом громко произнёс: «А Вы знаете, когда я впервые увидел австрийцев на улицах Малоархангельска? Это было во время немецкой оккупации в 1942 году, и два австрийца в немецких униформах шли по нашей улице!» Вероятно из-за нахлынувших на него драматических воспоминаний о том времени в его голосе прозвучало отчаяние и почти боль. Не владея русским языком гость не мог сразу понять, о чём идёт речь, и почему в тоне говорящего слышится упрёк. Но в чём же он виноват? Он вопросительно посмотрел на меня. Я поспешила с переводом и когда закончила, австриец, родившийся уже после войны и знавший о ней только по рассказам и книгам, встал и с покрасневшим от волнения лицом и слезами на глазах низко поклонился присутствующим, а потом с дрожью в голосе произнёс: «Я прошу прощения за всех моих соотечественников, принявших участие в войне на стороне Германии». Позднее, когда эмоции немного улеглись, он рассказал нам о том, как Адольф Гитлер просто принудительным порядком в 1938 году присоединил Австрию к Германии, считая её своей родиной. И как в результате этого австрийские мужчины в приказном порядке мобилизовались в армию третьего рейха. За отказ надевать немецкую военную форму просто следовал расстрел. Рассказал он и о том, как велико было сопротивление в австрийском тылу и сколько борцов этого сопротивления погибло от рук фашистов. В 1945 году Австрия, наряду с другими европейскими странами, также была освобождена советскими войсками от фашистского гнёта. Страна наконец смогла вздохнуть свободно. В Австрии эти годы считаются тёмной страницей в истории. Ведь её отношение к России на протяжении веков почти всегда было дружеским и союзническим. Тому можно вспомнить немало примеров из истории наших обеих стран. Даже в это непростое время, время холодных войн и бойкота России многими европейскими странами, Австрия почти одна из Европейского Союза протягивает нам руку дружбы и сотрудничества.

МИХАИЛ ТУРБИН

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

(этюд)

Вот и лето прошло, и золотая осень закончилась. Природа щедро израсходовала свою изумительную палитру, и повсюду первенство взяла серая краска. Осень вошла в свою завершающую стадию. Ещё стремительнее начал сокращаться световой день. Беспреданно льют дожди, почва уже пресытилась ими, и загородные прогулки поневоле становятся короче.

Холодный воздух наполнен дыханием зимы. Деревья стоят в жалком, нищенском виде. Листва лежит под стволами сырыми бурными слоями, порыв ветра порой пытается оживить её, и тогда она пускается бежать, испуганная мышами-полёвками, по пути заскакивая в придорожные лужи, где и находит покой. Голые ветки гнутся под напором ветра, качаются из стороны в сторону, словно недовольные таким пренебрежительным отношением к себе. Не слышно птиц: воробьи куда-то подевались, нет синичьего перезвона, да и вороны с галками редко появляются в небе, – затаи-

лись где-то по укромным местам. Не видно и насекомых. Всё живое на долгое время притихло, стало более уязвимым с наступлением ненастья. Разве что кроты всё ещё продолжают запасаться едой на зимовку, что видно по свежим холмикам земли на лугах. Не будь их, местность могла бы показаться полностью безжизненной.

Среди деревьев и кустарников за городской чертой всё чаще видятся груды бытовых отходов и мусора, что угнетающе действует даже на подсознание. В летний период такое неуважительное отношение к природе не бросалось в глаза, поскольку листва скрывала безобразие.

Окинешь взглядом местность, и душа наполняется неизъяснимой грустью или даже кладбищенской печалью о чем-то невосполнимом, невозвратном, словно сам виноват, – мог бы сделать больше, чем вышло, но не получилось. И заморгают глаза, подтверждая: да, да, мог бы расходовать силы более разумно, не отвлекаясь на второстепенные вещи. Ну и вздохнёшь, конечно, – не более того, ведь не всегда есть желание анализировать свои поступки. Смотришь на скупую природу и печалишься. И вовсе не потому, что впереди зима, нет. Близость зимы русского человека не пугает, не расхолаживает, к ней он готовится заранее. Эка невидаль, – зима. Да она ему мать родная! – с рождения греет морозами, воспитывает, ведёт по жизни до полного увядания. Нет, нет, зима не причина для грусти поздней осенью. Здесь что-то другое, нечто сакральное, – хоть в храм иди, ставь свечки и молись разом за все мировые беды. Мелькнёт такая мыслишка и тут же исчезает, а жаль, что ушла от дальнейшего развития. Ведь неспроста зародилась она именно в такое время года, когда даётся возможность поразмыслить о мироустройстве. И может, даже и для того, чтобы найти дорогу к храму, а не только смотреть в небо чисто с практической целью. В таком случае ничего таинственного не откроешь, и грусть не оставит тебя в покое.

Не захотел заглянуть в свою душу, а она подобна небесной бездне, значит, испугался, отпрянул сам от себя. Тогда смотри, как ползут и ползут по небу тяжёлые грязные облака, грядя за грядой. Они клубятся, густеют, расползаются, покрывая все вокруг пеленой, похожей на алюминиевую фольгу. Всё темнее облака, всё плотнее они, и, кажется, попал ты в гигантскую серую кастрюлю и накрыт сверху громадной крышкой. Не скоро она сдвинется в сторону, не скоро солнце с любопытством заглянет к тебе, чтобы задать лукавый вопрос: «Не прокис тут без меня? Ну, ну, бодрись, буду приходить...» И, мечтая о новом приходе солнца, тебе уже становится легче, понимаешь, – небесные дороги развезло, как и земные. Скоро мороз скуёт их и начнётся по ним движение. Потом сыпанёт пороша, округа засеребрится, света прибавится. Надо научиться ждать и уметь терпеть, а уж к терпению русский человек приучен веками. К тому же он – существо совестливое и есть много причин печалиться с наступлением поздней осени. И хочется встряхнуть его словами: «Эй, человек, отбрось свою неприкаянность, она чаще всего появляется от неправильного взгляда на себя, и небо, а бывает и от безделья». В целом же, в этот период человеческий организм перестраивается для существования в новых условиях, возникает обычная сезонная депрессия. Нельзя ей поддаваться. Пришло время для осознания пройденного пути, чтобы довоплотить свои давние мечты делами, временно отложенными в минувший активный период.

А время неумолимо продолжает свой бег. Дыхание зимы всё ближе и ближе, пока однажды утром, подойдя к окну, вдруг поражаешься увиденной картиной природы: деревья, что с вечера стояли голыми, покрылись изумительно сверкающим инеем, словно обрели заново кроны в нежном очертании и полном объёме. Воздух звенит и поёт, а на синем небе нет ни единого облачка. Лучи солнца золотят пушинки инея, делая окрестность сказочной, и невозможно смотреть равнодушно. Иней образовался не только на деревьях, но и кустах, былинках сухих трав, скамейках, и других поверхностях. И грусть поздней осени временно отступает, душа наполняется све-

том. И тебе уже не важно, что явление это – «первая ласточка зимы», – всего лишь водяной пар, что в морозную ночь шёл вверх от земли и сразу перешёл в мелкие кристаллики льда. Они, цепляясь друг за друга, и за любую поверхность, образовали дивные пушистые узоры. Радуешься инею, не всегда понимая, что он бывает разный по форме, например, в виде прямоугольников, пластин, шестиугольников и даже мелких иголок. Эту игольчатую форму принято называть изморозью. Иней и изморозь – не одно и то же, хотя в общепринятом понимании разницы нет. Изморозь получается, например, при температуре минус 15 градусов и больше. Но разве думаешь об этом, когда красота узоров первого инея завораживает тебя? А солнечные лучи, проходя через толщу мельчайших кристалликов льда, создают нежнейшую гамму радужного света, не всегда заметную восторженному взгляду. Успеть бы, любоваться красотой, а тут ещё внезапно видишь, как откуда-то явившаяся синичка садится на пушистую ветку, вертит головкой из стороны в сторону, и с недоумением вопрошает серебром голосочка: «Пинь-пинь, чарвинь? И мысленно отвечаешь ей: «Никакой «червини», голубушка, не видно, всюду «бельнь» лёгкая, пушистая». И она, словно услышав это, как хозяйка зимних садов бойко провозглашает: «Цуци-цуци, пинь-пинь!» Мол, что вижу, тому и быть. Непоседа и любопытница, начинает порхать с ветки на ветку, стряхивая иней. Ей нравится такая забава, она устала от серости минувших дней, и в этот радостный момент не понимает, как удачно вписалась своей красотой в светлую картину природы, оживив её. Через два-три часа солнце превратит иней в пар, а потом он станет водою. И снова будет вокруг сыро и неуютно, а на душе тоскливо. Правда, это состояние продлится недолго. Очень скоро небо накроют другие тяжёлые облака, и посыплется из них белое зерно зимы – пороша, а следом за порошей запляшут, закружатся снежинки. И только тогда можно торжественно сказать: «Здравствуй, матушка, зимушка-зима!»

ДМИТРИЙ БЫКОВ

ВЕРСИЯ

Рифмованный рассказ

...Представим, что не вышло. Питер взят
Корниловым (возможен и Юденич).
История развернута назад.
Хотя разрухи никуда не денешь,
Но на фронтах подъем. Россия-мать
Опомнилась, и немчура в испуге
Принуждена стремительно бежать.
Раскаявшись, рыдающие слуги
Лежат в ногах растроганных господ.
Шульгин ликует. Керенскому ссылка.
Монархия, однако, не пройдет:
Ночами заседает учредилка,
Романовым оставлены дворцы.
Не состоялась русская Гоморра:
Стихию бунта взяли под уздцы
При минимуме белого террора,
Страна больна, но цел хребет спинной,
События вошли в порядок стройный,
И лишь Нева бушует, как больной,

Когда в своей постели беспокойной
Он узнает, что старую кровать
Задумано переименовать.

В салоны возвращается уют,
И либералы каются публично.
За исключением нескольких иуд
Все, кажется, вели себя прилично.
В салоне Мережковского — доклад
Хозяина: «Текущие задачи».
(Как удалось преодолеть распад
И почему все это быть иначе
И не могло). Взаправду не могло!
Чтоб эта власть держалась больше года?
Помилуйте! Восставшее мурло
Не означает русского народа,
Который твердо верует в Христа.
Доклад прекрасно встречен и сугубо
Собранием одобрены места,
В которых автор топчет Сологуба.
«Но Сологуб не столько виноват,
Сколь многие, которых мы взрастили.
Да, я о Блоке. Болен, говорят.
Что он тут нес!»
Но Блока все простили.

Сложнее с Маяковским. Посвистев,
Ватага футуристов поредела.
Он человек общественный — из тех,
Кто вкладывает дар в чужое дело,
В чужое тело, в будуар, а альков,
В борьбу со злом — куда-нибудь да вложит,
Поскольку по масштабу дар таков,
Что сам поэт вместить его не может.
Духовный кризис за год одолев,
Прокляв тиранов всею мощью пасти,
Он ринется, как вышколенный лев,
Внедряя в умы идеи прежней власти,
Давя в душе мучительный вопрос,
Глуша сомненья басовым раскатом —
И, написав поэму «Хорошо-с»,
С отчаянья застрелится в тридцатом.
Лет за пять до него другой поэт,
Не сдерживая хриплого рыданья,
Прокляв слепой гостиничный рассвет,
Напишет кровью «Друг мой, до свиданья...» —
Поскольку мир его идет на слом,
А трактор прет, дороги не жалея,
И поезд — со звездой иль с орлом —
Обгонит жеребенка-дуралея.
Жизнь кончена, бывшее сожжено,

Лес извели, дороги замостили...
Поэту в нашем веке тяжело,
Блок тоже умер.
(Но его простили).

Тут из Европы донесется рев
Железных толп, безумием объятых.
Опять повеет дымом. Гумилев
Погибнет за Испанию в тридцатых.
Цветаева задолго до войны,
Бросая вызов сплетникам досужим,
Во Францию уедет из страны
За жаждущим деятельности мужем —
Ему Россия кажется тюрьмой...
Какой-то рок замешан в их альянсе,
И первой же военной зимой
Она и он погибнут в Резистансе.
В то время вечный мальчик Пастернак,
Дыша железным воздухом предгрозя,
Уединится в четырех стенах
И обратится к вожделенной прозе.
Людей и положений череда,
Дух Рождества, высокая отвага...
И через год упорного труда
Он ставит точку в «Докторе Живаго»
И отдает в российскую печать.
Цензура смотрит пристально и косо,
Поскольку начинает замечать
Присутствие еврейского вопроса,
А также порнографию. (Поэт!)
Случаются сомнительные трели
Насчет большевиков. Кладут запрет,
Но издавать берется Фельтринелли.
Скандал на всю Россию — новый знак
Реакции. Кричат едва не матом:
«Ступайте вон, товарищ Пастернак!».
Но Пастернак останется. Куда там!
Унизили прозванием жида,
Предателем Отчизны окрестили...
Сей век не для поэтов, господ.
Ведь вот и Блок...
(Но Блока все простили).

Добавим: в восемнадцатом году
Большевики под громкие проклятья
Бежали — кто лесами, кто по льду.
Ильич ушел, переодевшись в платье
И не боясь насмешек. Что слова!
«А вы слышали, батенька, что лысый
Оделся бабой?» — «Низость какова!».
Но он любил такие компромиссы.

Потом осел в Швейцарии. Туда ж —
Соратники (туда им и дорога).
Уютный Цюрих взят на абордаж.
В Швейцарии их стало слишком много.
Евреев силой высылают вслед.
Они, гонимы вешними лучами,
Текут в Женеву, что за пару лет
Наводнена портными и врачами,
А также их угрюмыми детьми:
Носатые, худые иудеи,
Которые готовы лечь костями
За воплощенье Марксовой идеи.
Количество, конечно, перейдет
В чудовищное качество, что скверно.
Швейцарии грозит переворот.
И он произойдет. Начнется с Берна.
Поднимутся кантоны, хлынут с Альп
Крестьяне, пастухи, и очень скоро
С землевладельца снимут первый скальп.
Пойдет эпоха красного террора
И все расставит по своим местам.
Никто не миновал подобных стадий.
Одним из первых гибнет Мандельштам,
Который выслан из России с Надей.
Грозит война, но без толку грозить:
Ответят ультиматумом Антанте,
Всю землю раздадут, а в результате
Начнут не вывозить, а завозить
Часы и сыр, которыми славна
В печальном, ненадежном мире этом
Была издревле тихая страна,
Столь гордая своим нейтралитетом.
Тем временем среди родных осин
Бунтарский дух растет неудержимо:
Из сельских математиков один
Напишет книгу о делах режима,
Где все припомнит: лозунг «Бей жидов»,
Погромы, тюрьмы, каторги и ссылки, —
И в результате пристальных трудов
И вследствие своей бунтарской жилки
Такой трехтомник выдаст на-гора,
Что, дабы не погрязнуть в новых бурях,
Его под всенародное ура
Сошлют к единомышленникам в Цюрих.
С архивом, не доставшимся властям,
С романом карандашным полустертым
Он вылетит в Германию, а там
Его уже встречает распростертым
Объятием, не кто иной, как Бёлль.
Свободный Запад только им и бредит:
«Вы богатырь! Вы правда, соль и боль!».

Оттуда он в Швейцарию поедет.
Получит в Альпах землю — акров пять,
Свободным местным воздухом подышит,
Начнет перед народом выступать
И книгу «Ленин в Цюрихе» напишет.

Мир изменять — сомнительная честь.
Не лечат операцией простуду.
Как видим, все останется, как есть.
Законы компенсации повсюду.
Нет, есть одно. Его не обойду —
Поэма получилась однобока б:
Из Крыма в восемнадцатом году
В Россию возвращается Набоков.
Он посмуглел, и первый над губой
Темнеет пух (не обойти законов
Взросления). Но он везет с собой
Не меньше сотни крымских махаонов,
Тетрадь стихов, которые не прочь
Он иногда цитировать в беседе,
И шахматный этюд (составлен в ночь,
Когда им доложили о победе
Законной власти). О, как вырос сад!
Как заросла тропа, как воздух сладок!
Какие капли светлые висят
На листьях! Что за дивный беспорядок
В усадьбе, в парке! О, как пахнет дом!
Как сторож рад! Как всех их жалко, бедных!
И выбоина прежняя — на том
же месте — след колес велосипедных,
И Оредеж, и нежный, влажный май,
И парк с беседкой, и роман с соседкой —
Бесповоротно возвращенный рай,
Где он бродил с ракеткой и рампеткой.
От хлынувшего счастья бестолков,
Он мельком слышит голос в кабинете —
Отцу долдонит желчный Милюков:
«Несчастливая страна! Что те, что эти!».
И что с того, что эту память он
В себе носить не будет, как занозу,
Что будет жить в Отчизне, где рожден,
И сочинять посредственную прозу —
Не более; что чудный дар тоски
Не расцветет в изгнании унылом,
Что он растратит жизнь на пустяки
И не найдет занятия по силам...
В сравнении с кровавою рекой,
С лавиной казней и тюремных сроков, —
Что значит он, хотя бы и такой!
Что значит он! Подумаешь, Набоков.

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЕВ

УРОКИ ЛИТЕРАТУРЫ

В настоящее время проблемы преподавания литературы в школе стали, как никогда, актуальными. Об этом спорят, это обсуждают на всех уровнях, так как литература – это не просто предмет, а выход на состояние нравственности в обществе, на связь с культурой, цивилизацией, от нее зависит здоровье общества, его духовность, его благосостояние тоже.

Теперь перейдем к предмету нашего разговора, к книге Дмитрия Быкова «Мужской вагон». (М.: Прозаик, 2012). В сборнике шестнадцать рассказов, из них четыре написаны в рифму. С них и начинается сборник. Остановимся на двух из них «Ночные электрички» и «Версия». Начав читать рассказ «Ночные электрички», сразу понимаешь, что рифма не мешает, а как бы организует и забавляет, хотя сам рассказ не о веселом. В рассказе «Версия» речь идет о судьбе поэтов в России. Сологуб, Блок, Маяковский, Есенин, Пастернак, Цветаева, Мандельштам, Набоков – целый букет русских талантов, у всех трагическая судьба. Прочитируем рифмованный текст: «Но Сологуб не столько виноват, сколь многие, которых мы взрастили. Да, я о Блоке. Болен, говорят. Что он тут нес! Но Блока все простили». С Блоком в рассказе идет повторение как поэтическое рондо в поэзии. «Жизнь кончена, бывшее сожжено, лес извели, дороги замостили... Поэту в нашем веке тяжело. Блок тоже умер (но его простили).» И еще цитата: «Но Пастернак останется. Куда там! Унизили прозванием жида, предателем Отчизны окрестили... Сей век не для поэтов, господ. Ведь вот и Блок... (Но Блока все простили)».

В этих фразах главный смысл рассказа, в котором автор в такой необычной форме сумел представить весь серебряный век нашей поэзии. И как интересно можно работать с таким материалом в школе, приобщая учащихся к литературе. И не обязательно для этого включать автора в какой-то список. Посоветовав прочитать писателя, можно давать упражнения, например, написать абзац на любую тему в рифмованной форме. Молодые часто берутся за стихи, и работа с ними на таких примерах может быть очень продуктивной. Можно сравнить с тем, как много детей проходят через музыкальную школу, не собираясь стать музыкантом. Так и здесь, не всякий станет писателем, но полюбит литературу. А это главное, что нужно в обучении этому предмету.

Перейдем к рассказам без рифмы. Посмотрим на заголовки. Многие сразу привлекают внимание: «Мужской вагон», «Битки «Толстовец»», «Убийство в Восточном экспрессе», «Миледи», «Киллер», «Работа над ошибками», «Синдром Черныша», в такой последовательности я и читал эти рассказы. Хорошее название – половина дела, придумать, найти хорошее название очень не просто, и это тоже замечательная тренировка для занятий литературой. Такие творческие задания – залог успеха в работе.

Надо сказать, что все рассказы Дм.Быкова читаются легко, с интересом. Сюжеты оригинальны, динамичны, захватывают читателя и ведут за собой. Писатель устанавливает диалог с читателем, втягивает его в игру; читая, хочется догадаться, чем закончится рассказ, но это, скорее, не удастся, развязка неожиданна. В рассказе «Битки «Толстовец»» диалог – игра, в которую включаешься, но, увы, проигрываешь писателю. Финал, конечно, не такой сильный, но приятный. Вот последние реплики этого диалога – игры:

«– Грустно.

– Да чего грустного... А ничего я вам подыграл, да? В рассказ в какой-нибудь вставьте! А теперь нормального попьем. – Он нажал кнопку и вызвал халдея, –

Слышь, молодой человек! Принеси нам еще этих...толстовских». А чего у вас там из холодных закусок?

– Салат «Семейное счастье», – осклабился халдей.

– Ну, тащи, – разрешил Сережа. – Хоть в виде салата на него посмотреть...»

И вообще в основном рассказы в этом сборнике не о радости, не о счастье. В рассказе «Битки «Толстовец»», пожалуй, не сама жизнь, а игра, но это тоже интересно. Ведь розыгрыши, подставы стали почти нормой современной жизни.

Следующий рассказ «Миледи». Название отсылает нас к «Трем мушкетерам» Дюма, но мы не будем сравнивать эти персонажи. Обратим внимание на то, как начинается рассказ: «Независимая, состоятельная, молодая, красивая, пышноволосяя, худощавая, длинноногая, изысканная, изящная, профессионально успешная женщина Татьяна...» Десять определений, кладезь для упражнений по литературе, для обогащения своего словаря. Тут же вспомнилась новогодняя открытка одной знакомой, русской дамы – литератора, живущей в Голландии и приславшей мне к Новому году открытку с таким же количеством определений. То ли это совпадение, то ли тенденция, в любом случае эта игра в слова похвальна, и это надо развивать на уроках литературы. Но при характеристике этой миледи из рассказа в голове остается не более трех прилагательных: молодая, красивая, успешная.

Сюжет не банален. Татьяна возвращается из Петербурга в Москву в купе поезда, дома ее ждет встреча своего тридцатилетия «в полном шоколаде». Она думает о предстоящем событии, которое встретит со своим молодым любовником. И тут начинаются сюрпризы. В купе заявляются один за другим ее бывший муж, а затем с некоторыми интервалами ее любовники, и все начинают говорить ей, что они о ней думают, припоминая ей все ее грехи. Миледи была потрясена, они собрали на нее досье. Она испугалась, но решила бороться до конца. Однако, когда бывший муж обратился к другим со словами: «Давайте кончать. Скоро Москва», Таня зажмурилась от страха, думая, что это конец.

Но ничего не происходило. Когда она открыла глаза, увидела перед своим носом бриллиантовый кулон – подарок от ее бывшего мужа, любовники подарили ей тоже дорогие подарки. На столе перед нею лежало целое состояние. Они заявили ей, что она их разбудила, благодаря ей они все стали успешными людьми. Затем они вышли и исчезли в купе проводника. «Некоторое время Таня сидела в оцепенении. Затем вышла на яркий солнечный свет и подумала, что все в жизни она делала правильно. И, тряхнув головой, веселая, счастливая, красивая, умная, состоявшаяся и состоятельная, с чувством собственного достоинства отправилась навстречу своему тридцатилетию». В этом рассказе финал возвращает нас к началу, все хорошо, а вся интрига между началом и финалом – хорошо построенная игра и читатель ее активный участник, а весь рассказ – готовая мизансцена.

Рассказы «Убийство в Восточном экспрессе», «Киллер» построены по законам детективного жанра. Здесь не нужно ставить филологический вопрос, какая в них правда: правда жизни или художественная правда, виртуальный или магический реализм. Рассказы отличаются динамизмом и богатой фантазией автора. Для филологов это великолепный рабочий материал с текстами, столько готовых приемов, чтобы развивать творческую личность. И не столь важно, был ли реальный прототип у персонажа Володи Коктельо Перверте или это чистый вымысел писателя, но какой сочный язык «а ла Бальзак или а ла Золя» при описании того, что ел этот персонаж, с этого начинается рассказ. «Сначала подали заливное из лося, потом розового, тающего во рту копченого тайменя, лиловый и пряный паштет из дичи, сыр «Охотничий» с зеленью, потом красно-бурую, волокнистую вяленую медвежатину, блюдо очищенных кедровых орехов, ко всему этому «Таежную» на калгане, потом

крепкий бульон с круглыми, толстыми, ручной лепки пельменями – опять-таки из лосятины, – потом жареный кабаний бок

с капустой, соленой черемшой и моченой брусникой...» Можно сказать современным языком, что здесь и Рабле отдыхает. А какая шикарная реклама Сибири, прочитай это французы, так в Восточном экспрессе от них отбоя не будет. А сам рассказ? Он заканчивается фразой – информацией для размышления: «Измени жизнь, где можешь, и не сомневайся в своем праве».

А теперь рассказ «Обходчик», не привлекающий ни своим названием, ни сюжетом. Рассказ с фантастическим элементом, в нем описывается всенародная спячка, люди беспробудно спят, все закрыто, все стоит, и это вроде всем выгодно. Понятно, что это о нас: сонных, бездеятельных, не динамичных. Но хорошо в рассказе обходчик с заброшенной железнодорожной станции, где и поезда-то редко ходят, он один не спит. К нему чудесным образом попадает девушка Женя, которая ищет поезд, чтобы ехать неизвестно куда. И вот разговор обходчика с Женей.

– А мы тут с тобой дежурить будем. Чаю у меня хватит, книжки есть. Будем сочинять, чего тут было, пока все спали. Когда тепло, то не страшно. Печку будем топить. Знаешь, как интересно обходить пути? Идешь совсем один, небо бархатное, звезды. Вокруг ни человека, ни огонька, ни дымка отдаленного. У меня большой фонарь, красный с белым. «И в желтом колыбельном свете, у мироздания на краю, я по единственной примете родную землю узнаю...»

Сразу вспоминаешь «Маленького принца» Экзюпери, его фонарщика, который настолько предан чувству долга, что не может поговорить с Маленьким принцем даже минуту, его зовет долг; его маленькая планета так быстро вращается, что он зажигает и гасит фонарь каждую минуту и совсем не отдыхает. Финал рассказа Дм.Быкова таков: «Крупные звезды смотрели на обледенелую насыпь, да летел между ними спутник, посылая в никуда никому не нужный сигнал». Мы дадим свою интерпретацию финала. Обходчик понимает, что он кому-то нужен, и это главное. Как у Сент-Экзюпери.

Три последних рассказа сборника «Можарово», «Экзорцист», «Синдром Черныша» показывают экстремальные вещи, которым тоже есть место в нашей жизни. И как сказал Лев Николаевич Толстой: «Можно выдумывать обстоятельства, но нельзя выдумывать психологию». Надо сказать, что психологически рассказы Дм.Быкова выверены, убедительны. Читая, идешь за писателем по его сюжету до финала, не испытывая разочарования.

В заключение скажем, что сборник рассказов Дм. Быкова может служить замечательным пособием для посвящения молодых в литературу, для творческих филологов – это кладезь приемов в методе виртуального реализма, а еще это литература современного писателя, который знает современную жизнь, использует современный язык и признан современным читателем.

А закончим наш разговор фразой из одного рассказа: «Дружелюбный троллейбус, наполненный светом, проплыл мимо и разделил его радость. Двое совершенно счастливых влюбленных, не сводя друг с друга глаз и поминутно спотыкаясь из-за этого, шли по Бульварному кольцу, сиявшему витринами».

ПОЭЗИЯ

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

УЧИТЕЛЬ

*Отрывок из поэмы об Иисусе Христе.
Продолжение*

Под горой народ уже толпился.
Шли к Нему, приветствовать спеша.
А один с бедою обратился:
«Болен сын – болит моя душа.
Говорил уже с учениками –
Ничего поделатъ не могли.
Прикоснись волшебными руками,
Дорогого сына исцели».
«О, неверный люд и развращенный!
Вас учить – нести громадный груз!» –
Крикнул, горькой думойотягченный,
На своих друзей Иисус.

Пожалел несчастного, как брата.
«Сына приведи!» – велел Господь.
Пал на землю бедный бесноватый:
Дух томился, буйствовала плоть.
«Вылечи! – молил в слезах родитель. –
Мук таких не пожелать врагу».
«Веруешь? – спросил его Спасатель.
«Верую!!! – вскричал, – Ей-ей, не лгу!»
«Выйди, дух!, – сказал Учитель гневно. –
Выйди вон и больше не входи!»
Вылечил! Был рад отец душевно,
Прижимая отрока к груди.

«Почему мы беса не изгнали?» –
Стали вопрошать ученики.
«Вы в капкан неверия попали,
Потому и руки коротки. –
Отвечал и убеждал примером. –
Даже гору сдвинуть суждено,
Если вера
Малого размера.
Ну, хотя б с горчичное зерно.
Вера совершенная – отрада,
Сил родник и свет,
Великий свет.
Грош цена торжественным обрядам,
Если в них глубокой веры нет».

МАЛОАРХАНГЕЛЬСК

*В когорте малых городов,
Возможно, и не самый малый,-
Он весь из парков и садов,
На стелах павшим звёзды алы.
Мы тут живём, на видном месте,
Как раз меж Курском и Орлом,
Где ключ Оки, родные песни
И синий-синий окоём.
Моё высокое раздолье,
Плесни из кружки и течёт
Одна река – на Черноморье,
Другая – до каспийских вод.
Как назвала Екатерина,
Так и стоим мы на своём,
Малоархангельск – слово длинно,
Но кратко – на сердце моём.
Он крепко сшит и ладно скроен,
Георгиевский кавалер.
Как у Москвы, святой Егорий
Венчает наш духовный герб.
Мы у архангелов в чести.
Как Феникс, встаём из пепла...
Любимый город мой, расти!
Да будет мне с тобою светло!*

РОДИНА

*И океан над нею вспенится,
Комета ухнет в тишине,
Но никуда она не денется,
А потому что вся во мне.*

МОЯ СЕРЕДИННАЯ

*С детства помню горькой и победной.
Чем оберегала, чем своя?
Вроде испокон считалась бедной,
Нищей серединная моя.
Но сама с осколками под сердцем,
Из руин, окопной глубины,
Вытянула нас, давая хлеба,
Христа ради, сиротам войны.
Вот живу – и, нет, не наглядеться.
В удивленьи жизнь моя прошла,
Как в такое маленькое сердце
Ты вместиться, Родина, смогла?*

ГОЛУБОЕ И ЗЕЛЁНОЕ

Я хватаю с небес убегающий миг
И сажаю на дерево слёту.
Я люблю мой зелёный берёзовый стих
И мою голубую работу.
Высоко-высоко надо мной небеса,
Голубое хмельно и бездонно.
Я зелёные слышу в себе голоса
Из меня выпирают иконно.
Голубое до неба – моя вертикаль,
А зелёное – по горизонту.
Сквозь меня этот крест, через сердце эмаль.
Фаберже, что ли, по Геллеспонту.
Моё сердце возьмёт голубой океан
И вернёт его мне золотое.
Под берёзой сижу я, задумчивый Пан,
И люблюсь и ей, и собою.

ЛЕТО

Ах, лето красное!
А.С.Пушкин

Как грустен мне август, с чего бы?
Откуда вселенская грусть?
Но очень уж хочется, чтобы
Спокойней жила наша Русь.
Подольше бы видеть зелёной,
Чтоб лету всё быть впереди,
Чтоб груше прозрачно-ядрёной
Не чмякнуться где-то в груди.
Чтоб всё перед нами светило,
Божественный длился глагол.
Чтоб солнышко утром всходило,
Чтоб детство вернулось, как было,
Чтоб сердце народы любило,
Чтоб Пушкин домой к нам зашёл.

ГЛАЗАСТАЯ МАДОННА

Они стояли перед ней в музее –
два мужика – два брата- крепыша.
Всё обежали, всё переглазели,
А тут застыли, смотрят не дыша.
«Вот это да! Желанная! Вот эта!»
И вдруг, как бы из прожитых веков,
Она сошла к ним с тусклого багета,
Идёт, тревожит, мучит мужиков.
Летит душа, плывёт под облаками.
Когда б узнал, что есть она, жива?
«Всё, как волы, телегу тащим сами,

*Везём свой воз, судьба уж такова»...
И вдруг один, оторопев от дива,
Шагнул, чтоб не слепил мадонну свет:
– Послушай, ведь она же не красива!
– Всё может быть, – другой ответил живо. –
Зато прекрасна! И прекрасней – нет!!*

ВАЛЕНТИНА КОРНЕВА

Я ЗДЕСЬ ОСЯЗАЮ ПОЭТА...
Бунинская строка

*Коснулась дивной бунинской строки –
Лугов ромашковых пахнуло ароматом,
Прохладой в серебре струящейся Оки,
Орловских деревень сложившимся укладом.*

*В чудесных образах краса родных дубрав
И взору милое в просторах мелколесье,
Мужицкая изба и русский добрый нрав,
И жаворонка песнь в лазури поднебесья.*

*Поэта пряных трав и полевой тиши
Истоки русские постичь звала душа,
На улицах Орла и под Ельцом в глуши
Воспеть строкою Русь: «Как хороша!»*

* * *

*На открытие памятника
Ивану Бунину в г.Орле*

*Вернулся в бронзе, величавым изваяньем,
На берег юности, к излучине Оки.
Исполнилось заветное желанье –
Уйти из плена ностальгической тоски.
Земля родная, нужно ль покаяться
Души истерзанной, в тебя влюблённой, Русь?
В серебряном созвездье мирозданья
Воспел Он трепетно твою красу и грусть.
Прими, Орел, его сыновью нежность
И исповедь средь окаянных дней,
И скорбный звук, и музы свежесть,
И тайны тёмных бунинских аллей.*

ГОСТОМЛЬ

*Места лесковские. Гостомля перелески.
Простор полей и тихий шум дубрав.
Как будто храмов обветшалых фрески,*

*Разбросаны селенья тут и там.
Здесь дух особый. Грезится немало.
И столько благодати для души.
Мелькнут глаза живые Селивана,
В толпе – улыбка кроткая Левши.
И всюду жизнь – ребячья вьется поросль.
Брожу в полях по золотой стерне...
Живу надеждой – не иссякла совесть
Лесковских странников на праведной земле.*

ТРИПТИХ

* * *

На могиле А.Фета...

*Я здесь осязаю поэта
До боли, до дрожи в душе,
Шаги и дыхание Фета
Средь астр на кленовой меже.*

*Мерцает в церквушке лампада,
Над куполом голубь парит,
И яблонька вновь над оградой
Антоновкой спелой дарит.*

*Берёзы ласкают ладони,
Бескрайние дали зовут,
И кони, любимые кони,
Его за околицей ждут.*

* * *

*Здесь усыпальница поэта,
Здесь Русь жива, и воздух чист,
И бродят кони до рассвета,
И падает кленовый лист.*

*Простой верстою не измерить,
Красу земную не объять,
И в душу русскую здесь верить...
И как здесь можно не писать?*

* * *

*Как прежде вечерней порою
Глядит он с молитвой окрест,
Как прежде над темной плитою
Стоит с позолотою крест.*

БАБОЧКА

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила,
весь бархат мой с его живым миганьем
лишь два крыла.
А. Фет.

На церковных воротах распустилась,
Бархат крыльев цветком разложив:
«Мой поэт, твоё сердце забилося,
Как когда-то? Ты весел и жив?
Не к лицу и печаль, и смиренность,
Погаси над собою свечу,
Выйди к солнцу, я жду лишь мгновенье,
Поскорее, а то улечу...»

ЧИТАЯ А.ФЕТА...

Из всех прошедших по земле
Едва ли встретишь даровитей,
Строка, что сладостный елей,
В ней свет небесного наитья.

В ней звёзды молятся, не спит
Прохладный храм волшебной ночи,
Потусклый лес едва шумит,
И робко месяц смотрит в очи.

Такая зоркость к красоте
Его на крыльях поднимала
К виденьям чудным и мечте
И строчкой дивной наделяла...

ПОЭТ

Как вечный мир,
он непонятен –
Чудны поступки,
странен лик.
Душой он –
юноша-мечтатель,
А в мыслях, разумом –
старик.

«Слёзы людские, о слёзы людские,
Льётся вы ранней и поздней порой...»
Ф.Тютчев

Время, ушедшее в дальние дали,
Грустной строкой возвратились ко мне.
Слёзы вы слёзы, людские печали,

Как вам сегодня в моей стороне?
 Так ли небесные своды дождливы,
 Что изменилось в мой горестный век?
 Дерзкие мысли вдруг стали пугливы...
 Падают в пору дождливую снег.

В СПАССКОМ

«Нет счастья вне родины,
 каждый пускает корни
 в родную землю»
 И.С.Тургенев

На Родине пишется сладко,
 Творец посещает творца...
 Простой образок и лампадка
 Во флигеле лучше... дворца.
 Всё в мыслях... Скрипят половицы,
 И в парк приоткрыто окно.
 А там запах лип, травы, птицы,
 Пруд в дымке и звёзд серебро.
 А утром тенисты аллеи,
 Тропинки... Сквозит светотень.
 Лужайка...Здесь девушки пели,
 Им вторила птичья свирель.
 Зброшен сюртук европейца,
 Как сон Буживаль, Куртавнель,
 Салоны, изыск лицедейства.
 Назойлива светская лень...
 Для спасских крестьян – добрый барин,
 Свой, русский до мозга костей,
 Расспросит, мужик коль в печали,
 Одарит – вдруг станет светлей.
 Сходить бы с ним вновь на охоту,
 Собака клубком у дверей,
 Во Льгов, через Вытебеть, бродом...
 Да пишет он несколько дней...

НАВАЖДЕНЬЕ

Шелка шуришащие
 и скрипы
 Ботфорттов,
 люстры,
 зеркала,
 Львы,
 паранеты,
 в скверах липы,
 Кареты,
 шубы,
 веера.

Исаакий,
Невка,
мостовые...

Веков минувших
перезвон
В душе – картинами
живыми,
Пространств смещеньем
и времён.

НАТАЛИ

Жемчуга вокруг шеи,
божественный лик,
Взгляд лучистый...
Не Вы ль, Натали,
Поворотом головки,
улыбкой смогли б
Осчастливить?
Не Вы ли цвели,
Как цветок луговой,
Вы, Пальмира любви,
Затмевая
вельможный салон?
Ножкой стройной, походкой
не Вы ли свели
Всех с ума?
Не Ваш фаэтон
Муз крылатых собрал
всех пространств и времён?
И не к Вам ли
Ваш Гений писал,
И соперник его,
Солнца бог – Аполлон,
Над строкою безумной
вздыхал?

Но с этим берегом простись,
Мы на краю времён.
- Дедусь, как звать речушку?
- Стикс, -
Ответил мне Харон.

В. Переверзев

ПАМЯТИ В.ПЕРЕВЕРЗЕВА

Вот и всё... Берег дальний достигли...
Как всегда был усерден Харон.
С колоколенок звоны утихли.

Воцарился вселенский закон.
Путь последний... Нет больше возврата...
Лишь душе не заказан предел.
Слышишь? Вновь за церковной оградой
Соловей удивительно пел...

ВИКТОР САДОВСКИЙ

БАСНИ

1. Кот в мешке

Привезли кота в мешке.
Собралась толпа народу.
У толпы на языке:
«Что за кот? Какой породы?
Родословная. Окрас.
Нет ли видимых изъянов?
Словом, выставь напоказ,
Может это обезьяна?»

«Кот – что надо.
Всем – гроза.
Воронью, мышам и крысам
Выцарапывал глаза
И в подвалах, и на крышах.
Родословная чиста,
Принародно врать не стану.
Нет у нашего кота
Чёрных пятен и туману».

«Что-то смирно он лежит.
Нас, ребята, точно, дурят.
Ты, мешок-то, развяжи,
Покажи кота в натуре.
Чем напрасно песни петь,
Изводить на воду брагу,
Дай хоть глазом посмотреть
На заморского варяга».

«Не проблема развязать,
Пустяковая задача.
Так ведь может убежать,
И лови потом удачу.
Нет уж. Лучше пусть в мешке.
Так спокойней и надёжней:
И рыбёшка на песке,
И крючок на месте тоже».

Но толпа, — она ж глупа:
Хлеба нет, так дай хоть зрелищ.

И хозяин сделал «па»:
«На, кота, Фома неверящий!»
У речного бережка,
Где гоняют мяч мальчишки,
Сиганула из мешка
Рыжемордая мартышка.

Потешается народ.
Посмотреть – так лезет в драку.
Даром деньги отдаёт
За заморскую кривляку.
Все забыли про обман.
А торгош, почуяв волю,
Сунул денежки в карман,
И растаял в чистом поле.

Так с реформами у нас:
Царь указ подпишет спьяну,
А в мешок чиновник рьяный,
Не читая тот указ,
Запакует обезьяну.
А в глубинке, за кота,
Чёрт сойдёт, под речи красны.
Но об этом вы уже
Прочитали в нашей басне.

2. Заяц и черепаха

Завидев черепаху у реки,
Косой не упустил удобный случай,
Послать своё ехидное «хи-хи»
К реке «тортиле», медленно ползущей.

«Уже ракеты космос бороздят.
Уже по Марсу скачут зайцы наши.
И только вы, как триста лет назад,
Довольствуетесь темпом черепашиным.
С такою скоростишкою, мадам,
Лишь впору за улитками гоняться.
Позор – и только!
Сущий стыд и срам!
Берите хоть пример с простого зайца».

Морщинистую шею изогнув,
Сощурившись от солнечного света,
Нырнула черепаха под волну,
Не удостоив шутника ответом.

Так продолжалось день и два, и пять...
Но панцирь затрещал к концу недели.
Старуха вдруг решила не молчать
И начала готовиться к дуэли.

Что ж, честь и черепахе дорога!
Косой поднял с издёвкой перчатку:
«Не знал, мадам, я, что для вас бега –
Обычная для возраста зарядка».

В назначенное время у реки,
Где стёжка пролегла в траве вдоль кручи,
Собрались звери. Даже мотыльки –
И те не упустили редкий случай.

Лиса – публично избранный судья –
Назначила дистанцию в полмили.
На тех бегах, сам лично, не был я,
Но тех, кто был, водой живой кропили.

Когда лиса дала хвостом «На старт!»,
У зайца нервы были на пределе.
Он так вошёл в предстартовый азарт,
Что даже уши густо запотели.

И упредив на миг команду – «Марш!»,
Как из винтовки бешеная пуля,
Рванул вперёд – прогресса верный страж.
Зверьё гудело, как пчелиный улей.

А черепаха, взяв привычный темп,
Проверенный ушедшими веками,
Спокойным видом показала всем:
Победу добывают не ногами.

Дистанции две трети пролетев,
Завзятый хвастунишка, полный силы,
Сам лично убедиться захотел,
Как далеко ушёл он от тортилы.
В мгновение ока повернув назад,
Он оказался там, где был сначала.
Лиса ж, отвесив недовольный взгляд,
Очки ему за старт не засчитала.

А черепаха, посидев в тени,
Пошла спокойно к финишной отметке.
Под возгласы «Ушастый, догони!»,
Косой бежал, ломая сучья-ветки.

Но словно кто-то на уши шептал:
«Вернись назад!». И заяц возвращался.
И снова за тортилою бежал,
Пока, в конце концов, не измотался.

За три прыжка до финишной черты,
Он изнемог, хоть выжимай рубаху.

Упал. И долгожданные цветы
 Покрыли панцирь мудрой черепахи.

.....
 Каким бы ни был прогрессивным век,
 Но, с высоты взглянув на день вчерашний,
 Не будь похож на зайца, человек:
 Не отрекайся, ускоряя бег,
 От мудрости и темпов черепаших.

3. Волк, коза и праздничный сонет

Коза – мать дюжины козлят,
 В лесу орущих без умолку,
 Давно косою бросала взгляд
 На шефа всей округи – волка.
 Вопрос не в том, конечно, был,
 Чтоб объясниться в нежных чувствах,
 А в том, что «серый» перекрыл
 Проход к общественной капусте.
 Была капуста дармовой –
 «Голодных» много оказалось.
 И волк, хозяин деловой,
 Поток к кормушке срезал малость.
 Коза попала в этот срез,
 На ней поток остановился.
 Ну не кричать же на весь лес,
 Чтоб волк вконец не разошлся!
 И пораскинувши умом,
 В заботе нежной о козлятах,
 Она решила «бить челом»
 Искусным ходом дипломата.
 Надёрвав строчек из стихов,
 Зверью известных всем поэтов,
 Своих добавив пару слов,
 Она сплела венок сонета.
 Удобный выбрала момент.
 Автограф ёмкий сочинила.
 И поздравительный сонет
 В лесной газете поместила.
 Волк ту газету не читал,
 Чтоб лишний раз глаза не мучить,
 Но, «как сказали», пожелал:
 «Пусть автор сам сонет озвучит».
 Причём, в присутствии других,
 Уже приславших раньше оды,
 Поскольку чувствует, что в них,
 Живым ключом бьёт «глас народа».
 Народу трудно приказать,
 Мол, не пиши о «том», об «этом».
 Талант, важнее, поддержать,
 А не придерживать запретом.

Но так как она коза
 Творила в жанре плагиата,
 Что было пороком чревато,
 Явиться волку на глаза
 Она доверила козлятам.
 Смекнула: ей в капустный ряд
 Дорога наглухо закрыта.
 А что до глупеньких козлят, –
 Им обстоятельства велят
 Самим показывать копыта.
 Рога отращивать пора,
 Искать без мамы корм подножный.
 А что касается пера,
 Быть надо очень осторожным.

.....
 Коли не дал тебе Господь
 Писать торжественные оды,
 Не залезай в чужую плоть,
 Как в дармовые огороды.
 Не раздувай в лесу пожар,
 Сгоришь, иль задохнёшься в дыме.
 Плати поэту гонорар,
 Когда озвучиваешь имя.

4. Заяц и Медведь

Медведь сломал ключицу зайцу,
 Когда Косой, в порыве лести,
 Решил прилюдно с ним обняться,
 Чтоб сообщить дурные вести.

Предпочитая Правду-Матку
 Вестям сомнительного свойства,
 Медведь призвал льстеца к порядку,
 Таким вот всплеском недовольства.

Косой, смекнув, что крыть-то нечем,
 Улыбкой сгладив приступ боли,
 Решил использовать увечье,
 Как аргумент на поле боя.

Отпрыгнув в круг лесных зверушек,
 Он начал с первого этапа:
 «Пусть знают все, кто носит уши:
 Медведь – зарвавшийся чинуша,
 Я не подам Топтыге лапу!

Я прогоню его с порога,
 Когда он принесёт подачку.
 Я подожду его берлогу,
 Когда зимой впадёт он в спячку.

*Давайте выберем сегодня
Царём зверей родной округи,
Того, кто трижды благородней,
От мёда вспухшего, ворюги!»*

*С опаской глядя на медведя,
Зверьё поддакивало вяло.
И зайц, рвавшийся к победе,
Смекнул, что аргументов – мало.*

*Тут впору бросить на пол шляпу,
За злую шутку извиниться...
Но как подашь медведю лапу,
Когда поломана ключица?!*

5. Мартышка, лупа и орёл (Подражание И. А. Крылову)

*Мартышка к старости слаба глазами стала.
Сова, глазник, ей лупу прописала,
Поскольку знала,
что стекло мартышке
Необходимо для картинок в книжке.
Геральдика была её пристрастьем:
«Разглядывать орлов – какое счастье!
Бросает в трепет зоркий глаз орлиный.
Красив, как полумесяц, нос с горбиной.
А когти!*

*В них самца лихая хватка.
Вот, кто бы смог призвать зверьё к порядку.
Жаль, в наших тропиках таких не сыщешь птиц.
А толку нет от соек и синиц.
Львы одряхтели. Тигры разленились.
Сородичи бесстыдно в блуд пустились...
Нет, что ни говори, с горбинкой нос
Порядок в лес наш точно бы принёс».
И, мысленно, нырнув под два крыла,
Мартышка страстно обняла орла.*

*Упав на камни, раскололась лупа.
Мартышкин взгляд блуждал по книжке тупо.
А полумесяц ухмыльнулся с неба:
«Очки нормальные Вам, мамо, трэба».*

6. Удав и кролики

*Удав под старость одряхлел
И жирных кроликов не ел.
А те, безудержно плодясь,
К нему утратили боязнь:
Пускали пыль в глаза удаву,
Топтали в грязь былую славу,
И не жалея жёлчной злости,*

Родне перемывали кости.
Обидеть те сильней старались,
Что со стола его питались,
Кому он жизни даровал,
Кого с любовью обнимал,
Кого в сердцах хвостом не бил,
Но, как отец, заботлив был.
Старик их выходки терпел,
Он глупых кроликов жалел:
Авось, натешатся, поймут,
Что есть на свете Вышний суд.
Что осквернять плевком криницу,
Где влагу пил в полдневный зной,
Никто не вправе – зверь ли, птица,
А вдруг придётся вновь напиться,
А там плевков – тот самый, твой.
Но вечен спор детей с отцами –
Поймут, когда согнутся сами.
И жирных кроликов орава
Тащила к пропасти удава,
Чтоб сбросить, разорвав на части,
С обрыва символ старой власти.
Перед торжественным «закланием»,
(Гуманно, что там говорить!)
Его последнее желание
Решили удовлетворить.
«Хочу, ребята, пообедать, –
Сказал удав, разинув пасть. –
Уважьте напоследок деда,
А там уж ваша воля-власть».
Но, так как кролики забыли,
Чьим мясом дедушку кормили
В его весёлые года
(А это их уже беда),
То смысл последнего желания
Дошёл к беднякам с опозданием.
Удав был дряхлым, но возрос,
В момент критический, гипноз.
Параличом зверьё сковав,
Любимцев мясушка отведав,
Уснул на солнышке удав.
Никто не смел тревожить деда.

Мораль сей басенки проста:
Удавов сила – не в хвостах.
Не хочешь быть «почившим в бозе»,
Не забывай об их гипнозе.

ЕЛЕНА ПИМКИНА

ПОЭТУ

Снег за окном – то обычная миру картина.
Не превзойти её кисти движеньем незримым,
Не разорвать этих зимних небес паутины,
Не разбудить этой вечности необозримой.
Друг мой усталый, ты только смотри веселее,
Не опускай своих длинных черничных ресниц.
Видишь, как снежной канвою метель застилает аллеи,
Как загоняет под крыши беспомощных птиц?
Но мы заодно на отрезке туманных путей.
Светит нам в небе большая, как солнце, звезда.
И сквозь туман, и сквозь снег пробираемся к ней,
И вдохновляем на новую жизнь города.

УЧИТЕЛЮ

Я посягаю на твою любовь
И постигаю совершенство лиры.
Но только вот ютятся вновь и вновь
Грачиных гнёзд замшелые кумиры.
Они повсюду: в окна бьют крылами,
Без спроса залезают в души
И бряцают стальными голосами,
Опилками закладывая уши.
А я иду по жизни, как герой,
Хоть время не щадит моих походов,
И только взгляд над горизонтом твой
Дает мне силы над смурной погодой.
...А тальник бережно спускается к воде,
Испив всю мудрость малыми глотками.
И я бегу по берегу к тебе,
Своей сакральности развесив ткани.
Зелёный светлый кобальт с голубым
Там нежатся на травах одичалых.
И с именем твоим фантомный дым
Отвязывает лодки от причалов.
Сажусь в одну из них, за вёсла и – плыву
Непостижимо сказочными далями,
В которых я во сне и наяву
Живу глазами Пастернака карими.

СЕКРЕТ МИМА

Секрет Полишинеля в том, что он Полишинель –
Двусмысленный и дерзкий персонаж,
Который прячет горб в душевный свой туннель
И вводит в заблужденье антураж...
Загадка Рима на лице его смешливым,
И скорбь комедии дель Арте.
Недаром корни итальянские игриво

Француза кровь впитала столь азартно.
Он все стереотипы опроверг,
Ни жив, ни мёртв игрушкой между делом.
И в изумленье мир подлунный вверх
Кристалльно честными душой и телом.

ТОПОЛИНЫЙ БАЛ

Сто тополей сбежались на плотину.
Что это было? Тополиный бал.
Глаз солнечный смеялся сквозь рутину
И медленно лучом входил во храм.
Паломники из тополиных куц,
Стволами прорастая в небо,
Пытались доказать, что мир могуч,
Каким бы каверзным он не был.
Творили бал свершений тополя
И пухом устилали реку.
И думала вся в розовом заря,
Как предложить всё это человеку.
Как показать могущество земли,
Как подсказать шаги по белу свету,
Чтобы желаний наших корабли
В тот тёплый пух укутали планету.

ПО ДВОРЯНКЕ

Вечереет розой Дворянка,
И в беседке тургеневской тихо-тихо.
Завтра Лиза пойдёт спозаранку
В садик летний, росой вышитый...
Только я разметалась мыслями,
Не собрать их в единое целое.
Моё русское грезит высями
И волнуется чувствами первыми.
Не бросай в меня камень, сирое.
Не склоняй головы, убогое.
Всё равно я по жизни сильная,
Ведь живу на груди у Бога я...
Лиза вздрогнет головкой льняною,
К сердцу розы прижмёт садовые.
Что же делать тебе со мною,
Моя повесть о Родине новая?

САШЕНЬКА

Всё в этих голубых глазах смешалось:
Оттенки и зелёного, и золотого,
И каряя печаль, и цвет лазури с крыши,
В которые душой те краски окунулись.
Мы проходили мимо, оглянулись:

*И обомлели враз – там столько солнца было,
И всплесков гроз, и дерзкий изумруд воды,
И облако великой тенью плыло...
Да, Пушкин, это точно ты!
Ни с кем другим тот океан цветов не спутать.
Ах, Сашенька, нежнейший друг планет
И мирозданий новоявленный потомок,
В тебе одном сполна живут закат, рассвет,
И каждому доступен этот свет,
И всякого выводит из потёмок.
Как отражением душа в глазах твоих
Притягивает миллионы огоньков других.
И фейерверками они так согревают крыши
Унылых и больших домов, где даже шорох слышен,
Но всякий звук живой глубоко спит,
Нисколько не касаясь тем любви и мира.
Давно над современной музой парит
Действительность убогой лиры.
Ах, Сашенька, упрячь её в гранит –
Так верно лучше будет просвещать толпу...
И спой открыто где-то на ветру.
Быть может, кто-то тоже не смолчит,
Прорвав печальной суеты кольцо немое.
Да не судимы, но судьёю
Народ объявится среди потока строф
Во избежание новых катастроф
Восстанет гордо над своей страной.*

**В МЕМОРИАЛЬНОЙ МАСТЕРСКОЙ
ХУДОЖНИКА Г.В. ДЫШЛЕНКО**

*Часы пробили гулко в той старой мастерской,
Где каждый закоулок художнику родной:
Нетронутые кисти, пейзажей купола,
Разбросанные листья – осенняя молва.
Всё дышит постоянством династий и небес,
Но только постоялец я в том краю чудес,
Но только пришлый странник, перешагнувший час
Богемных откровений и осени анфас.
И плачут акварели, ложась на стол резной,
И светятся пастели на скатерти цветной.
И в зеркалах, как в далях, ловлю незримый свет
Тех блоковских вуалей, которых в жизни нет.
Поля энергий тонких, как пальцы женских рук.
К известию по стенке вверх сеть плетёт паук.
И силуэт художника – как тенью по холсту –
Спешит он в мастерскую по вечному мосту.
Незримое присутствие, как памяти пролог.
Мэтр шляпу приподнимет, перешагнув порог.*

МНЕ НРАВИТСЯ БУНИН

*Мне нравится Ваш лоск, товарищ Бунин.
Мне нравятся Ваш профиль и анфас,
И весь эстетский облик Ваш
Вне нашенских российских «загогулин».
И остаётся только подивиться,
Как внешность европейскую заполучив,
Вы сохранили русские ресницы,
Любовью бережно Россию всю укрыв.
Хранили сон её, с душицей и мелиссой
Чай гоняли за столом в саду,
И изгоняли темноту на лицах
В том городе, где тоже я живу.
Не дали ни единой строчке здесь замёрзнуть
И ни единой мысли замереть,
И нежно надышали на берёзы,
И не позволили полям заиндеветь.
Кому-то господин, товарищ милый мой...
Один юродивый, иной смеётся.
Когда-нибудь поймёт ли шар земной:
Дар сочинительства как Божий дар даётся.*

* * *

*...Впитали все краски, все летние запахи роз
И сиреневых далей безбрежную нежность.
Но однажды в морозную ночь нас умчит паровоз,
Высадит на полустанке заснеженном.
Поднимем мы головы, всмотримся в тот небосвод,
Где тысячи звёзд проживают веками,
И под которым кривит кто-то красный свой рот,
И под которым поэты уходят, прощаясь стихами.
Все мы похожи на этом безбрежном пути:
Сколько героев, столько и масок.
Но со станции той никому не уйти,
Не изменить предначертанных временем красок.*

АНДРЕЙ ВОРОНОВ

РОССИЯ. КРЕСТ И СУДЬБА

*Наденьте крест, судьбы своей не зная,
Кто понимает, что он есть не только плоть,
Кому близка, как Мать родная, Русь Святая –
И Да поможет устоять ей Сам Господь !*

*...Десятый век. Владимир, Князь Великий
Послал волхвов во все концы, чтоб разузнать
Законы и заветы всех религий,
И для Руси из них единую избрать.*

*И принесли они ему вестей немало, –
Про Магомета рассказав и про Христа;
И нам не знать, что больше повлияло,
Но выбор свой он, видно, сделал неспроста.*

*Объединение Руси считая главной
Из всех задач, он о Крещенье возвестил,
И верой Христианской Православной
Языческую Русь крестить решил.*

*И кто в покорность князю сам крестился,
А кто за Рода и Перуна смерть принял,
Но через жертву новой Веры свет пролился,
Когда Владимир Крест над Русью водружал*

*Народ безропотный, с душой простой и чистой,
Живя, как прежде, не в аду и не в раю,
Поклон отдал Марии – Матери Пречистой
И боль Иисуса принял как свою.*

*А солнце шло по кругу, как и прежде –
Народ в полях скотину пас и жал хлеба,
И, строя жизнь на новой Вере и Надежде,
Хотел спокойствия и мира. Да судьба*

*Ему была уж уготована иная,
Где от одной беды оправившись едва,
В дома к нему врывалась вихрем, все сметая
Беда другая. То монгольская орда,*

*Топча копытами и Веру, и Свободу,
Мешая кровь, калеча душу и язык
На триста лет на шею русскому народу
Ярмом надела позолоченный ярлык.*

*Но хоть в раба славянский род и превратился –
Святую Веру не оставил, и когда
За новой данью за ярлык монгол явился –
Собрался с духом, поднялся, перекрестился,
Сомкнул кулак, рванул и скинул навсегда.*

*Но как недуг тяжелый, так дух Рабства
Засел в умах на долгие века –
Лечить его могло лишь время, как лекарство,
Да не хотела ровно течь судьбы река.*

*Всего количества нашествий и набегов
Теперь по пальцам уж не перечесть,
Но в большинстве из них был познан вкус Победы,
И понял мир, что Дух свободы в русских есть...*

*А за народ ответчиком пред Богом
Монарх и Царь единовластием стоял –
Казнил и миловал, ссылал людей в остроги,
Казну налогом регулярно наполнял,*

*На битвы с ворогом неправым отправлял;
И хоть и были у народа босы ноги –
За Батюшку – Царя народ стоял
Как за оплот Отечества и Веры*

*И Господа хранить его просил,
Хоть и бесчинства тот порой творил без меры –
Умел прощать, чему Иисус людей учил.*

*И среди прочих государств, больших и малых
Последней Русь в помине не слыла –
Кого талантами своими удивляла,
Кому отпор на посягательство дала.*

*И швед был бит, и славный Питер был отстроен;
Земных богатств сибирских черпался запас;
Валился лес на сплав, и хлеб копейку стоил,
И Божьих Храмов купола слепили глаз;*

*И колоколен сладкий звон на душу лился,
Волишебным светом пав – всю хворь лечил;
И хоть, как прежде, люд простой в нужде томился
И стада грязного немногим лучше жил –*

*Но всяк – боярин ли, купец, простой крестьянин –
Свой крест исправно на груди своей носил,
С поклоном в Храм входил и Царя – Бога славил,
И сам крестился, и детей своих крестил,*

*А в праздники, к широкому застолью,
Встречая всех земным поклоном с хлебом-солью,
Сзывал гостей, и мёды пил,
И пир любил
Великий, как бескрайнее раздолье,
Каким Господь Россию щедро одарил.*

*И в бой - перекрестясь, забыв о страхе,
Не чуя красных липких пятен на рубахе,
И что от раны рваной не тверда нога –
Шагал вперед через бушующее пламя,
Неся победное Андреевское знамя,
И водружал над станом падшего врага,
И Честь была, как Вера, дорога...*

*А боли ран теплом лечила мысль одна –
Что вновь Свобода для потомков спасена,*

*И, чтоб не канула в летах Героев Слава
На Храм Святой несла копейку вся страна...*

*Но родилась уже и шла чума иная,
Что не боялась силы Церкви и Креста –
Судьба Руси, воистину лихая
Затишья ей всегда давала неспроста.*

*И грянул век. Такого Русь еще не знала.
Рекою кровь. Нарывом боль и воплем плач.
Двумя руками взяв топор, закрыв забрало
За дело принялся невидимый палач...*

*Мятеж, расстрел, война, переворот,
Расстрел Царя, война опять, разруха, голод...
И “нерушимый” всем “обиженным” оплот –
Багровый стяг и “символ веры” – серп и молот*

*Вопрос о равенстве для всех ребром поставив,
Определяя им в умах любой изъян,
Христа Ученье “жуткой теменью” ославив –
Свой суд вершила “власть рабочих и крестьян”.*

*Сплотив узбеков и эстонцев воедино,
Повесив в юртах лик единого вождя
Для стройки будущего вновь согнула спину,
“Надежду светлую” по-новой “возродя”.*

*И выше куполов золотых воздвигнув
Кумач, цвет крови, ясно дав понять,
Какой ценою будет этот “...изм” достигнут,
Где все равны... (все – баре? все – челядь?)*

*Всю землю – матушку у пахаря отняв,
Полив ее для пуцких дел его же кровью,
Винтовкой снова в крепостничество загнав,
Создав стада немых двуногих поголовьев;*

*Заводы – фабрики рабочим все отдав,
Да так, что за прогул в тюрьму сажали;
Светил науки за кордон светить послав,
Тех, кто остался, под ружьем корпеть заставив;*

*Архипелаг Гулаг, Сибирь и Колыму
Великой школой демократии назначив,
И ставя к стенке, вместе иль по одному
Всех тех, кто мог понять ее иначе;
А если что-то мог сказать ещё – тем паче,
Измен подобных не прощали.*

*А чтобы разум не взывал к иным мирам
Стереть долой с лица земли не позабыли*

Построенный народом Светлый Храм –
Чтоб звёзды красные Кремля повыше были
Крестов на куполах церквей, а там –
Какой же стыд! – купальню смрадную открыли,
Чтоб туда граждане купаться приходили
С детьми и без, по выходным и будним дням
И чресла, гулко гогоча, мочалкой мыли,
Медяк платя за осквернение святыни,
Не помня подвига дедов – позор и срам!

И грянул гром – опять на Русь пришла война,
Какой Земля с времён Творения не знала;
И для победы в ней, грома врага, она
Четыре года землю кровью поливала

И миллионы сыновей, отцов, мужей
В полях тех страшных, смертных битв героически пали,
И дети их росли под слезы матерей,
Но Честь свою в который раз поправить не дали,

И вновь Свободу для потомков отстаивали
Прогнав с земли своей непрошенных гостей;
А уцелевшие несли домой медали
За то, что бились, не щадя крови своей
И жизни, Мир вернув планете всей.

И те, кто выжил, увидав, какие беды
Успел обидчик побежденный натворить,
Не отдохнув, лишь выпив чарку за Победу
Из пепла вновь державу начал возводить...

Закон – закон для всех остался тот же –
Инакомыслие – как самый тяжкий грех;
И вождь менялся за вождём на царском ложе,
Свободу с правом гарантируя для всех.

Свободу быть всегда рабом и право нищим,
Бесплатно Маркса в каждом ВУЗе изучать;
Вкушать труды былых вождей духовной пищей,
И в первый майский день "Ура!" кричать,

Но, несмотря на странный сей порядок дел,
Земля талантами ничуть не оскудела, –
И только каждый ум, хотел иль не хотел,
Того же идола вершить был призван дело

И в космос первый спутник НАШ пошёл,
Сразив полётом тем учёных всего мира,
И земли все во всех изданиях обошёл
Портрет Гагарина – всемирного кумира,

*Но в Будапеште, Праге, Северной Корее,
В Афганистане и Вьетнаме – где ещё?
Погибли парни за “великие идеи”,
И грех вождей народом смыт, забыт, прощён...*

*А в церкви редко заходил уже народ,
А в них по-прежнему огнем горели свечи
Для тех, кто может быть туда придёт
Поняв, что душу чем-то страшным искалечил,
И что-то светлое откроет и поймёт,
Что суд вершить над ним лишь будет Тот, кто Вечен;
И на колени перед Распятьем упадёт,
Молитвой слёзно о прощеньи воззовет,
И силой Духа от греха себя излечит,*

*И чистым в Царство Божие войдёт,
И в нём Самим Всевышним будет встречен...*

*Но о Христе почти никто не вспоминал –
Старушки разве что у паперти стояли;
Ребенок каждый с детства твёрдо знал
Что “космонавты Бога в небе не видали”
И лик “Великого Вождя” на грудь цеплял;
За крестный ход из институтов выгоняли,
И партбилета краснокожего лишали
Того, кто крест себе на шею надевал,
И пост диетам всем предпочитал,
И на усмешки лишь терпеньем отвечал,
Каким вожди порой не обладали;
Тем, кто о Божьем Царствии мечтал
На всей Земле, и свечи в церкви зажигал...
А выраженьё «Слава Богу!» – каждый знал,
Подчас его с улыбкой восклицая,
Когда иначе радость выразить не мог;
И благодарности обычной слово зная
С младенчества – «Спасибо», С П А С И – Б О Г...*

*И пела партия свой гимн, и песню эту
Народ подхватывал, пахал и ликовал...
Но, как и прежде, обо всем, что под запретом
На кухне, щип жуя, вполголоса шептал,*

*И «Власть народную» исправно выбирал,
Надев костюм, обув парадные штиблеты,
Хотя избранников своих совсем не знал;
И добровольно в члены партии вступал
Лишь для карьеры, вслух боясь сказать об этом;
И «Труд» читал, и план авралом выполнял,
И, может быть, о Светлом Будущем мечтал,
Гордясь, что счастливо живёт в Стране Советов,
Какой другой на свете нет...*

А боль души,
Когда хандрою вдруг ее саднили раны,
Собрав в кулак порой последние гроши
Лечил «микстурой из гранёного стакана» –

Чтобы запас душевных сил восстановить,
И груз обид несправедливых как-то смыть,
А что просилось на язык – суметь забыть;
И, шкалик «чистой» вечерком опустошив,
Простить, послать и «помаленьку» дальше жить –

Служить отечеству, отбросив все сомненья,
(А лишь они всегда для Веры - главный враг)
Но отчего – то уж давно бытует мненье,
Что тот, кто верит хоть во что – то, тот – простак,
Лишь образованность – залог страны цветенья,
В ней только будущий успех...

А может быть,
«Невежество» щитом душе служило
Тому, кто не умел себя щадить,
Но мог за Родину головушку сложить,
А с ним (иль с Ней?) вопросов разных меньше было,

Ведь для житейских разговоров – много тем;
Да и здоровью не особенно вредило
Незнание главных политических проблем, –
Ведь «меньше знаешь – лучше спишь», известно всем...

И тут указ – про ускоренье и про гласность,
И кто про что – кто про астрал, кто про закон;
Газеты новые с лотков, и с виду ясно,
Где правда, где обман, где просто звон.

И оттого, что можно рот всюю открыть
Вдруг радость хмелем по мозгам, хотя с чего бы?
В него сначала лучше б что-то положить,
Ведь звонко песню не споёт босяк голодный...

Но, опьянев, забыли быстро о плохом,
Боясь его. Да так опять и вышло.
И снова слышится в России нищий стон...
У казнокрадов вновь столы накрыты пышно...

За двадцать лет – переворот, раскол державы,
Рекламный бум на теле-радиоволне;
Реформа цен и вновь мятеж, теперь кровавый,
И помощь нищей демократии извне;

Наплыв товара, вместе с ним и всякой грязи,
Свободный рынок плюс инфляции волчок;
Еще война – на Северном Кавказе,
Спад экономики, преступности скачок;

“Вполне законные” отборы средств у граждан
С крушением властью разрешённых пирамид;
Цена Российского товара на день каждый
По результатам торга зеленью бумажной
(С которой Джордж нерусский щёголем глядит,
В России став персоной самой важной);
А метр площади в жилье многоэтажном
Ценой своей надежды не щадит

Салоны магов, звездогляды, хироманты,
Труды психологов, которых не поймёшь;
То Харе-Харе, то японские сектанты, –
И кому верить, кому нет, – не разберёшь...

Цветёт и плачет Древнерусская равнина...
“Как сам?” “Да где-то, что-то, кое-как...”
Течёт река себе – то омут, то стремнина,
Да сверлит мысль, что как-то всё не так...

Как будто кто-то исподволь, подобно вору,
Свершив тайком предательский подлог,
Какую-то незримую опору
Бесстыже дерзко выбил из-под ног...

Встряхнитесь те, в ком спит душа живая!
Чтоб Предков Честь, Державы Дух – не потерять,
Чтоб с силой новой возродилась Русь Святая –
Объединиться нам пришла пора опять,
Ведь всем давно известна истина простая –
Что, когда вместе мы, тогда нас - не сломать!
И, раз уж выпала нам доля - честь такая –
Руси величье будем вместе поднимать!

Наденьте крест – в нем нет ни лжи, ни зла, ни фальши –
Он нужен, чтобы свет душе нести,
Господь лишь ведает, куда идти нам дальше...
Иисус прощения пред Господом просил
За всех людей, рожденных Тем из вечной пыли,
За все грехи, что мы, не ведая, творили
И без вины прибит к кресту гвоздями был,
За то, что Заповеди Новой всех учил –
Чтоб без порока, в мире с Богом люди жили
И ближних всех, как самого себя, любили,

И за грехи свою мукой заплатил
Сполна, за всех людей, что есть и были;

*И кровью ран своих болезни исцелил,
И Воскрешеньем о Победе возвестил
Над смертью на весь мир... А мы – забыли...*

Прости же, Милостивый Боже нас, ПРОСТИ...

* * *

*Каким нам исцелиться эликсиром,
Какой указ правительствам издать
Чтоб правила любовь навеки миром?
И тишь да гладь...
Да Божья благодать...*

ВАЛЕНТИНА ПОРСЕДДА,
г. Сан-Вито, Италия.

«О СТИХОТВОРЕНИИ А. ЛОШКАРЁВА»

10/01/21. Сегодня, гуляя по берегу моря, снова вспомнила это стихотворение А. Лошкарёва... Море, кажется, ожидало меня : его волны в радостно-взволнованном шумном беге спешили к берегу, освещённые золотисто-розовыми лучами заходящего январского, ласково-тёплого солнца. Подошла поближе к морю, так что его бело-пенная кипень подкатывала к самым моим ногам, и прочла ему это стихотворение:

* * *

*Запиши мне аккорды трамвайные.
Научи подбирать их наслух.
Чтоб мелодия, будто случайная,
Возникала из воздуха вдруг.*

*Чтобы мог я вовсю чародействовать,
Удивляя горластых ворон
Не дворовыми хрипылыми песнями
И не плачем чужих похорон,*

*А стихами, чья светлая искренность
(Им кривляться и лгать - не к лицу)
Опровергнет банальную истину :
Всё на свете приходит к концу.*

*«Всё на свете когда-то закончится!» –
Бьёт в мозгу, как полуночный бред.
Только будет трамвайная звонница,
Будет небо и будет рассвет.*

*И другой кто-то, встав очарованно,
Суету городскую кляня,*

*Дробь колёс будет слушать взволнованно.
Будет кто-то такой же, как я.*

...Что же такое в этом стихотворении, что заставляет меня вновь и вновь вспоминать его, повторять и жить с ним в душе? Это – то, чего ищет, интуитивно предчувствует и желает всякое духовное существо – своего собственного бессмертия и бессмертия своих деяний...В чём оно, это бессмертие или неуничтожимость? ....

К кому обращается поэт с просьбой или мольбой:

*«Запиши мне аккорды трамвайные.
Научи подбирать их наслух.
Чтоб мелодия, будто случайная,
Возникла из воздуха вдруг...»?*

К тому, кто даёт вдохновение, потому что только тогда обретает поэт лёгкость и свободу творчества (как-будто «сами собой» возникают стихи), удивляя публику и критику значительностью, правдивостью и красотой образов, которые именно тогда, наполненные «светлой искренностью», обретают могущество разрушать заскорузлость материальных представлений о конечности всего сущего....Сердце поэта восстаёт и борется с этой «истиной», как с навязчивым бредом и ...побеждает, озарённое новым сознанием - то, что его любящее сердце сохранило в себе (трамвайная звонница на фоне рассветного неба), не исчезнет во времени, но оживёт в другом человеке, в его читателе с таким же любящим сердцем и озарённом, как и он (поэт) творческим вдохновением. Это – вера поэта в то, что

*«другой кто-то, встав очарованно,
Суету городскую кляня,
Дробь колёс будет слушать взволнованно.
Будет кто-то такой же, как я.»*

И не просто вера в то, что это когда-то случится в будущем. Это уже произошло там, где нет ни прошедшего, ни будущего, а только – «всегда».

...Размышление об этом стихотворении пробудило во мне одно моё детское воспоминание. Мне было тогда лет шесть, и я только начинала изучать буквы по «Азбуке». На передней обложке её была изображена девочка, которая держит в руках «Азбуку» и обучает по ней свои игрушки : мишку и куклу. А на задней обложке была изображена её кукла, которая уже читает эту самую «Азбуку». На «Азбуке» в руках куклы, на её задней обложке изображена эта же самая кукла с этой же самой «Азбукой» и т.д. Глядя на эту обложку, я попыталась представить, сколько же кукол будет изображено на всех «Азбуках» во всё уменьшающемся ряду, и не могла сосчитать. Моя мысль потонула в пугающей глубине открывшейся мне бесконечности...Тогда я не имела ни малейшего представления о бесконечно малых величинах, а когда стала школьницей, то узнала ещё, что этот бесконечно-уменьшающийся ряд никогда не становится нулём... Так и связь поэта и читателя продлится в бесконечной соединённости вдохновенно-озарённых человеческих сердец. Эта соединённость, всё уменьшаясь в безмерной дали времён, никогда не исчезнет и не растворится...

P.S.1. Море – спокойное, такое родное. Только у берега ветер, который дул с суши, причесал его по-своему длинными гребнями, играя с бело-серебристыми кудрями волн.

В этот предвечерний час на небо взошла почти полная луна – бледная, прозрачная, как оторвавшийся кусочек стоящих над ней белых облаков. Луна над морем и заходящее солнце над горами смотрели друг на друга удивлённо-высокомерно-отстранённо, встретившись в такой час на небосклоне.

В одном месте берег выступал в море треугольным мысом, и мне захотелось пойти туда, где море «обнимает» почти со всех сторон. Прочитала дважды стихотворение. И вдруг Море лизнуло меня...

P.S.2. Море – демонстративно-недовольное, едва слушая стихотворение. Оно ведёт себя, как соавтор. Море и не знает, как мне помочь, и не хочет, чтобы я ушла...

P.S.3. А сегодня после моего очередного прочтения стихотворения на берегу моря, оно аплодировало мне. Значит...finita la commedia.

ОЛЬГА СОКОВА

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

*Свой чудный и легкий интим.
У кого-то зачесется нос на прощанье,
Что такое любовь? –
То блужданье, мечтанье по душам,
Словно солнечный зайчик по лицам,
Так свет-пилигрим,
Улыбается всем,
И, покой никому не нарушив,
скромно прячет за шторкой
А кто-то
вдруг чихнет, заморгает,
в блаженстве нежданном замрет...
Этот зайчик... Он в комнате детства
незримою нотой,
Всё играет со взрослыми – нами
часы напролёт.
Пусть квадратные будни
косятся пластмассовым оком,
Им за скоростью света
Никак не угнаться, смотри,
Как деревья вокруг
Наливаются жизненным соком,
И цветут, и поют позаброшенные пустыри.
Ты страдаешь, ища одиноко
высокого смысла
Над событий пустой мишурой,
что скрывает свой клад...
А рождение и смерть –
Два ведра на одном коромысле
Тянут плечи, худые от страха
в прижизненный ад.
Посмотри на себя!
Уж не ты ли – та яблоня рядом,
Что примерила свадебный, майский
счастливый наряд?
Ты – везде, ты – вокруг...*

Только глянь: вокруг тебя, звездопадом,
хороводом танцуют миллионы друзей и подруг.
Чьи-то души и сущности,
Что проникают друг в друга,
И родятся и вновь исчезают, под небом блестя,
Разве солнечный зайчик грустит, коли зеркалу туго?
Только скачет по лицам, щекочет кого-то, шутя...

НА МИНИАТЮРУ ПРОТАСОВА
«ОШИБКА МИРОПОРЯДКА»
<https://proza.ru/2020/06/01/649>

Однажды философ взглянул на часы,
Подумал: со стрелками что-то не так –
Две стрелки свисали, как будто усы,
Как будто в часах изначально был брак.

Потом он по комнате взглядом провёл:
Картонные стены, ошибка судьбы,
А в них бытие – буриданов осёл,
То плачет навзрыд, то встаёт на дыбы.

Мороженое – вот что радость даёт! –
Но только коснёшься его языком –
Иллюзия – холод, иллюзия – лёд...
Да был ли растаявшей радости ком?

*А люди, мигая огнями, текут,
И вдруг, словно падают в тёмный обраг,
Ошибки, ошибки мерещатся тут,
И здесь пессимизм – это вовсе не враг.*

*О, как же часы починить и весь дом,
Вселенную, души. Потерянный рай? –
Ошибки списать...Очень хитрый приём –
Бухгалтер хитрющий, приди в этот край!*

*Ах, там, в промежутке ошибок, где жуть
Приравнена к равнодушию пустот,
Остатки чудес в ожиданье живут,
Творятся, плодятся, ведут хоровод.*

*Как бабочка крылья, глаза распахни –
Почуешь ты счастье сквозь серые дни!
Событий, деталей движенье, поток,
Улыбок и слов удивительный ток!*

ВЕРЬ!

*В мою захлопнутую дверь,
В закупоренный мой сосуд
Ветвями машут ели: «Верь
В распахнутую мира суть!»*

*И томной влагою полны
Качаются во тьме листа,
Где я над плоскостью стены
Геометрически проста.*

*Где я прилипла, как магнит,
Средь градинок моих обид,
Что в небо улететь хотят –
Воздушных шариков отряд.
Но стоит лишь бумажный фон
Не принимать за небосклон,
И край листа перешагнуть –
У воздуха счастливый путь!
И, поцелуями в лицо,
Чудесный дух, чудесный снег
Сметёт унылое кольцо
Что вокруг меня вершит свой бег.
В мою разомкнутую дверь,
В откупоренный мой сосуд
Ветвями машут ели: «Верь
В таинственную мира суть!»*

КАМЕНЬ

«И всё же «быть»! Хотя бы камнем»
В.Протасов «Быть или не быть»

*Всё в мире живо. Камень у плетня
Косится одиноко на меня,
На жизнь мою, что для меня скучна,
Где я одна, одна, одна, одна...*

*Где мне дана движений благодать,
Где я могу и прыгать и страдать.*

*Но, камень в шкуре жёсткой и немой,
Не хочешь ли ты стать на время мной?*

* * *

*Мир – это музыка, послушай:
Внутри тебя, вокруг... Смелей!
И за окном, в подвале душином,
Лучится шёрсткою своей*

*Котёнок... Нежные аккорды
Любви на весь вселенский двор,
И улыбаются сугробы,
Искрятся счастьем до сих пор,*

*Поглядывая на лопаты
Унылых дворников... И что ж? –
Их шорох, ритм, как «Аты-баты»,
Послушай только и поймёшь!*

*А на дороге – шёпот шинный,
Фортепианный переход
Дал волю пальчикам машинным
И ждёт от них высоких нот,*

*Но не дождётся... В эту зиму
Хохочет людям гололёд:
Кто ковыляет в магазины
До них, возможно, не дойдёт.*

*И всё пройдёт под хохот странный –
Минуты, месяцы, года...
Но мир в движенье, полный тайны,
Творится сам в себе всегда.*

*И в музыкальном бесконечье
Играют рядом чудеса...
И скука в платье подвенечном-
Не скука – русская краса.*

**АРТИСТУ
ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО ТЕАТРА Д.С.**

*Ты мне явился гордым князем,
Прошёл, не замедляя шаг
По сцене, облечённый властью,
И произнёс: «Да будет так!»*

*Затем, не выходя из роли,
Ты мне звонил и на руках
Великолепным своевольем
Принёс мне ревность, словно флаг.
А ревность – странное творенье,
Как кошка дикая за дверью,
Как книга в полстихотворения,
Как памятка к самосожжению –
Приводит всё вокруг в движенье,
Как брошенной перчатки взмах...*

*Я закружусь в твоём раздолье,
Артисткой с твоего двора,
Пока не кончатся гастроли,
Пока не кончится игра.*

*Тогда в костюме безупречном,
В лекальном, светлом парике,
Со мной простишься ты беспечно
На непонятном языке.*

*И я походкой мотыльковой,
Асфальтом крылья износив,
Внесу домой свой образ новый,
Как рембрандтовский блудный сын...*

ЛУЖИ

*Лужи открывают свои очи
Миру, что в движении парит,
Радуетя, светит что есть мочи,
Злится, сам с собою говорит.
В глади водной – тишь и созерцанье,
Сплав застывших споров и ветвей,
Но откуда зависть в ней к дерзанию
Мира, что спешит: скорей, скорей?
В бесконечной тротуарной дрёме,
Всё вокруг перевернув вверх дном,
Лужи, словно сонные мадонны
Пред мирским являются судом...
Я лёгкий ветерка астрал
И беговой игры искристость,
Зову вас всех – мой час настал,
Дивитесь, радуйтесь, смотрите!*

Как солнцем дышит надо мной
Моя невольная свобода,
Уж не бессмертья ль за спиной
Мне крылья воздала природа?
Но как обманчив силы всплеск.
Как горек опыт поколений
Блеснувших... И, неся свой крест,
Померкнувших через мгновенье...
Не шейте на последний бал
Мне платье траурного ситца,
А шейте из живых зеркал,
Чтоб отразить и отразиться!

КАРТИНА «ДЕВЯТЫЙ ВАЛ»

А вдруг на миг окажешься в картине,
Привыкший жить в спокойствия рутине?
И оплеуха вод на миг хлестнёт! –
Так и душа в бездомного котёнка,
Которому погибнуть суждено,
Войдёт на миг – и вновь к себе в окно...
Но ты уже другой, мерцает тонко
И плещется эмоции волна,
И смыта безразличия стена...

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

ЗИМНЯЯ РЫБАЛКА

Тень от удочки кривая,
чёрной лунки мутный глаз...
Дробь зубами отбивая,
я рыбачу третий час.

В двух шагах приятель
Колька вмёрз по щиколотки
в лёд – напряжён, подобран...
Только и у Кольки не клюёт.

Мимо нас, почти недвижных
и слепых от белизны,
пролетает бравый лыжник –
пар клубится от спины.

Резко вскидывая палки,
метки ставит на снегу...
Мне уже не до рыбалки,
я за лыжником бегу.

ДЕРЕВО

Ветер разметал по парку тени.
Взвыло, закружило, замело...
Даже в бесприютности метели
излучает дерево тепло.

Подойдёшь, захочешь отогреться
И, руками трогая кору, слышишь,
как гудит большое сердце,
чуть сбиваясь с ритма на ветру.

И не важно, дуб или осина,
лишь приблизишь стылую ладонь, –
И под рукой дымится древесина,
И в тебя вливает свой огонь.

ЗА ХЛЕБОМ

Хрустит под лыжами снежок,
как пересохшая бумага, –
я совершаю марш-бросок
до поселкового сельмага.

Всего-то восемь вёрст пути –
лыжня не даст с дороги сбиться,
а ты попробуй их пройти,
когда мороз уже за тридцать.

Дубы промёрзли добела,
берёзы судорожно-звонки.
А тень моя вперёд ушла,
как явный лидер этой гонки.

Лечу в сугроб на вираже,
за воротник вползает холод...
Видна околица уже,
и я смеюсь, поскольку – молод!

ГЕННАДИЙ ВЕРКЕЕНКО

И ЛЬЮТСЯ ВОДОПАДОМ МИГИ...

(лирика)

Короткий миг начала утра
Раскроет путь в бескрайность дня,
Подлунный мир устроен мудро, –
В нём свет таинственный огня.

В нём прелесть радужной лампы,
Мерцанье утренней зари

*И ширь полей, лесов громады,
Церквей кресты, монастыри.*

*Красавы русские в нарядах
Стоят за витязями в ряд,
Смех детский – русичам награда, –
Звучит он лучше серенад.*

*И льются водопадом миги,
А жизнь ликует день за днём,
Пекутся пусть в печах ковриги
Под благостным святым огнём!*
14 ноября 2019 г.

* * *

*Хочу я поместить в набросок
Простой зареченский пейзаж.
Сюжет картины пусть небросок,
В нём правда жизни и мираж.*

*По центру вида – деревушка
Тихонько дремлет у пруда,
Вдоль улицы ряды избушек,
Берёзок юных череда.*

*Чуть-чуть подальше, за опушкой,
Дебрянский нарисую лес,
Дубов могучие верхушки
Взметнутся мощно до небес.*

*А в бледно-голубом высóке,
Под горсткой сизых облаков,
Парит пусть ястреб одинокий,
Не оставляя там следов.*

*Вблизи посёлка – поле жита,
Колосья полнятся зерном,
Тропинка викой перевита,
Коза по ней пройдёт тайком.*

*Я размещу на первом плане
Цветущий клевер на бугре,
Мальчишку с босыми ногами
В руках со змеем на шнурке.*

*Картину напишу я краской,
Возьму от радуги цвета.
Природа в ней из русской сказки, –
Она достойна для холста.*

12 января 2020 г.

* * *

Скамья на пляже
на жёлтом песке, –
Туча с луной
плывёт вдалеке.
Медленный танец
качает прибой,
Грустно девчонке
на пляже одной.
Туфли и платье,
кулёк монпансье,
Растрёпанный бант
в плетёной косе.
Следы у воды
нечётко видны,
Словно боятся
прилива волны.
Стремясь сохранить
виденье шагов,
Ветер сгоняет
её с берегов.
И замок песчаный
ещё не размыт,
Он зыбкой стеной
от бури сокрыт.
Ослабив порыв,
затих ветерок, –
Вернулась волна
в положенный срок,
От бури устав
и тихо дыша,
Прошла по песку,
скатилась шуриша.
Скамейка давно
не слышит шагов...
И замок-мираж.
И нет там следов...
13 января 2020 г.

* * *

Темень ночью – посланье свыше,
В ней томленье вечерней зари,
Голос робкий душою слышу,
Будто где-то зажгли фонари.

Утра чудного тут начало,
Небосвод в вышине молчалив,
Ночь укроет любовь опахалом,
Нас в покои свои заманив.

*Чтобы ранней вишнёвой зарёю
Пробудиться в объятьях твоих
И в лучах предрассветных с тобою
Радость счастья делить на двоих!
9 февраля 2019 г.*

* * *

*Навечно возьму я с собой
Следы рассветов и закатов
И пробуждение весной
Средь шумных грозовых раскатов.*

*Дыханье леса в тишине
И шорохи в тенистых кущах, –
Они знакомы с детства мне,
Идти по свету с ними лучше.*

*От пенья птичьего в садах
Возьму мелодий нежных эхо
И вечность дали в небесах,
Под небом – отголоски смеха.*

*Всю росность дивную полей,
Дорог российских протяжённость,
Да грусть тягучую ночей,
В природу русскую влюблённость.*

*Волненье душ, так важно мне,
Сердечный стук, сердцебиенье,
Любовь, что плавилась в огне,
И пальцев рук переплетенье.*

*Всё остальное – отдаю,
Не надо мне богатства, злата,
Я признавал и признаю:
Без них – душа моя крылата.*

* * *

*Всё было в этой жизни, было:
Один вагон, одно купе.
Судьба не проходила мимо,
Внимала трепетно мольбе!*

*Уютно было ехать вместе,
Часы летели наискось,
А вывод стал теперь известен, –
Подвёл тот самый наш авось.*

*Билет не взяли до конечной,
Ошибся, может быть, кассир,*

*Иль стрелочник виновен вечно,
Быть может, даже бригадир.*

*Стоим опять на полустанке
Не пряча, не скрывая слёз,
А поезд, отыграв «Славянку», –
Мечты и грёзы вдаль увёз.*

Март 2019 г.

* * *

*Поезд набирает скорость...
Мчится всё вперёд.
Сквозь завесы, через морось
К цели нас везёт.*

*Стук колёс, как ритм сердечный,
Учащённый бой,
Жизнь-дорога бесконечна
Рядом с колеёй.*

*Без преград и семафоров.
Только перестук, –
Хорошо бы без заторов
И сердечных мук.*

3 марта 2020 г.

* * *

*Вернуть таинственность мгновений,
Всех слов, звенящих серебро
И даже юных откровений
Нам права свыше не дано.*

*Не перескажешь слово в слово,
Как в передаче той – «Точь-в-точь»,
Мгновенья счастья – лишь основа
Того, что осветляет ночь!*

*Я верю в чудо без сомненья,
Оно придёт без перифраз,
Любви чудесные мгновенья
Нагрянут в звёздно-лунный час.*

24 августа 2019 г.

* * *

*Оставляю прошлое в прошлом,
Сомневаясь – иду вперёд,
А судьба моя как нарочно
Земной жизни кружит хоровод!*

*Туго сжата роком пружина,
Возвратиться нельзя назад.
Времена тягучей резиной
Не встречают в пути преград.*

*Все года считаю витками,
Поднимаюсь по ним кружа.
Уже стал почти могиканин
У Вселенского рубежа.*

АНТОНИНА СЫТНИКОВА

ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ

* * *

*Память, память, вновь подружкой
Забегает ты ко мне.
Детство. Счастье. Сказки Пушкина.
Я в загадочной стране
Лукоморье. Наша яблоня
Ржавой цепью обвита.
Служит дубом. Вся обмякая
Кошка Мурка за кота
Напевает сонно песенки
О неведомых краях.
Вдруг рванула вверх по лесенке,
Заприметив воробья.
Сорвалась. Ну что с виновника
В этом случае взыскать.
Под большим кустом шиповника
Стала жизнь свою искать.
Я зову её, кис-кискаю –
Рвётся сказочная нить.
Бесполезно. Даже мискою
С молоком не соблазнить.
Захватив сачок по случаю,
К речке Сасенке бегу.
Сказка новая под кручею
Ждёт меня на берегу.
Золотая рыбка плавает
Там в воде наверняка.
И мерцает свет опаловый
У неё на плавниках.
А вдоль берега заросшего
Ходит Дядька Черномор.
Быт врывается непрошено –
Это ж наш сосед Егор
Гонит в вершу рыбу разную –
Карасей да пескарей,
(То-то будет кошка праздновать!)
Я бегу к нему скорей,
Набираю мелочь рыбную,*

*Запахавшись, мчусь домой...
Кошка сытая мурлыкает –
Притомилась кутерьмой.
День счастливый, летний, сказочный
Не иссякнет никогда,
Оживать картинкой красочной
Будет в памяти всегда.*

* * *

*Какой широкой в детстве мне казалась речка,
Каким высоким был над ней откос,
Где устремлялись в небо сосны-свечки,
И дуб могучий на вершине рос.*

*Мне так хотелось навсегда запомнить
В его листве запутавшийся свет,
И отраженье сосен в речке полной,
На отмели застывший детский след.*

*Но память, под моим печальным взглядом,
Боится пристальности, как огня
Бумага, брошенная с печкой рядом.
И не подводит ли она меня?*

* * *

*Прикоснулась к корням,
Вновь припала к истокам,
Напоили меня
Здесь живительным соком
Эти лес и река,
Что достались в наследство
На года, на века
От далекого детства,
Где за рыжей горой
Притаилось болото,
Там ночами порой
Плакал жалобно кто-то.
Мне печаль иногда
В сердце снова стучится,
И неясно тогда,
Плачу я или птица.*

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО
По мотивам зарисовки Ивана Ильина
«Горное озеро»

*Светозарным и благостным утром,
Отрешившись от временных бед,
Принимая глубинную мудрость,
Я стою и внимаю тебе.*

Тишина и покой пеленают
Теплой лаской родительских рук.
Твои воды от века не знают
Маяты человеческих мук.

И храня неизменно молчанье,
Как отшельник, молитву творят.
Осязаемо и величаво
Совершают священный обряд.

И невольною радостью душу
Гимн Творцу наполняет мою.
Слышишь, озеро, я не нарушу
Твой покой. Я тихонько спюю.

О видениях, созданных светом,
Что застыли в твоей глубине
И явились желанным ответом
В нужный час – неустроенной мне.

Унесу я с собой утешенье,
Радость жизни с собой унесу
И в глубинах покоев душевных
Несказанную спрячу красу.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ОРЁЛ

Встретимся на улице Лескова,
Вспомним Голована и Левшу.
И уйти от шума городского
Я без промедленья соглашусь.
Незаметно, в дружеской беседе,
Чуть ли не полгорода пройдем.
Здесь литературное наследье
Благодатным вылилось дождём.
Может быть, столкнёмся мы случайно
С кем-то из лесковских чудаков.
Странник очарованно-печальный
Промелькнёт в толпе – и был таков.
К Орлику извилистой дорожкой
Выйдет «несмертельный Голован».
Ты возможно скажешь: «Это в прошлом.
Время наше мелет в жерновах,
Меж камней неверия и страха,
Высшее призвание души.
И отдать последнюю рубаху
Ближнему никто уж не спешит».
Ты и прав, но и не прав, конечно.
В неизбывно-нестрой суете
Современник к милости сердечной

*Не развил системных антител.
Верю, «несмертельных Голованов»
Всё ж рождает русская земля,
Кажется порой, немножко странных,
Но как раз они определяют
Путь дальнейший – чище и прямее.
И скажу тебе, как на духу:
Новые Левши ещё сумеют
Подковать английскую блоху.*

ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ

*Над Зушей безмятежные туманы
Надёжно прячут прошлого следы.
И только выпи крик густой и странный
Таит переживание беды.*

*И заставляет гулко биться сердце
И вспоминать минувшие дела.
В былое время здесь и по соседству
Жизнь не одна загублена была.*

*Не приведи Господь кому под вечер
От дома оказаться вдалеке,
Где, ужас наводя, свистит не ветер,
А Соловей-разбойник в глушняке.*

*И леди Макбет Мценского уезда,
Не отыскав разумного пути,
От края разверзающейся бездны
Не хочет и не может отойти.*

*Всё потому, что верить, иль не верить,
Но магией окутаны места,
Где сонмище языческих поверий,
И Кукишу где убили неспроста.*

*А выть кричит взволнованно в тумане
О канувших в безвременье давно.
И безмятежность Зуши не обманет –
Здесь утонуть совсем немудрено*

*Во времени-реке, что неустанно
Стремится вдаль и остаётся тут.
И возле Зуши в мареве туманном
Все дни былые явственно живут.*

О ТОЙ, ГРАЖДАНСКОЙ...

*Прошлое в облаке пыли,
Если память – чёрный провал...
Нас лихие тачанки косили,
Озверев от крови, наповал!*

*Косы долго свистели, и лихо,
Как чужое, родное круша.
Эхо свиста ещё не утихло -
У потомков стоит в ушах.*

*И я вижу за буднями серыми,
Позабыв на комфорт запрос,
Беспогонников с офицерами,
Что в обнимку лежат и вразброс.*

*Им мерещились светлые дали,
Вёл в атаки их яростный пыл,
И, на небо когда улетали,
Свет иной на земле восходил.*

*И уже не вопрос, а вопросище
Поневоле встаёт в тишине:
Человек, что ты носишься,
Как потерянный, по Земле?*

*Дух рассыпан, без лада,
Как горох, что о пол...
Что ты в память откладывал,
Что ты в ней приобрёл?*

*А в ответ он молчит, удивлённый,
В Интернете, мол, всё найдёшь...
И ему, что Шкуро, что Будённый,
Он не знает, где правда, где ложь.*

*Не его был тот век ошалелый,
Не ответчик сегодня за всех.
Он не видел смертельно-белым
Окровавленный боем снег.*

*И не знает, как возле кручи,
Над озябшей русской рекой,
Долго бился юный поручик
Под кобылой своей гнедой.
Кровь ползла яркой змейкой,
Снег дымился у ног и копыт,
И внезапно из трёхлинейки
Он будёновцем был добит.*

*Ни минуты не зная затишья,
Продолжался сабельный звон,
И будёновец тот, добивший...
Будет шашкой казачьей сражён.*

*Только миг, но и он ужасный...
Осознать бы, что было давно.
Нет уже ни белых, ни красных,
«Разноцветных» везде – полно.
Есть и поросль хорошая,
Пусть вращается в наш быт.
Пусть останется в прошлом
Грозный топот копыт.*

* * *

*Идеи вечной жизни нелегко понять,
Ещё не научились мы не умирать.
Заманчиво стоять в полшага от беды,
Безумный век, как безыдеен ты!*

*О, запах сладости, о, ветер всех дорог,
Могилы в тишине, вороний крик эпох.
Такая грусть, хоть в ужасе кричи,
Уходят конницы на пики и мечи...*

*И кровь фонтаном от воинственных идей,
Коней не пожалели, таких коней!..
Свобода – страсть, как женский поцелуй,
Вновь в тупике её и барин, и холуй...*

*Во лбы машин на трассах бьют свинцом,
В крови предатели – кобыл и жеребцов.
Век новый плачет очистительной слезой,
А семена бессмертия засыпал он лузгой.*

РАЗМЫШЛЕНИЕ О РОССИИ

*Не знаю я, зачем она дана?
Ответов много. Если откровенно:
Всё – суета, одна любовь нетленна,
И в ней Россия вся растворена.*

*Мы лишь её несбыточные сны,
Слова она не слушает упрямо,
Ни православных, ни людей ислама:
«Богатства нет, где все разделены».*

*И потому мы каждый раз в крови,
Или впадаем неизменно в крайность,
Но говорим: Россия не случайность
В безбрежном море божеской любви.*

*Россия – тайна – образ Купины.
Душа её на части не распалась,
Как никому ещё не удавалось
Познать себя до самой глубины.*

*И мысль жужжит, как майская пчела:
«Она светла огнем Неопалимым,
И будет миру отовсюду зрима
В Победный день 9-го числа».*

* * *

*И вновь весна! И вновь стихи и песни.
От Кром к Орлу идёт туман густой,
А ты такая женищина, хоть тресни, –
С рассудком, опытом и красотой.
Без озорства, привычной грусти лени,
Но так приветлива, загадочно проста,
Совсем, как лебедь на бурлящей пене,
На Орлике у лёгкого моста.
Текут ручьи в оврагах и овражках,
Спешат они в большое буйство вод.
Ока бежит в серебряной упряжке,
Вперёд весна! Долой туман и лёд.
Долой стихи! Горланить будем песни,
Давай затеем, что ли, пир горой?
Но ты такая женищина, хоть тресни, –
С рассудком, опытом и красотой.*

* * *

*Вспомнил я свою яркую страсть,
Что зарёй окрыляла мне юность.
Зря подумал, что жизнь пронеслась,
Она вдруг об твою – спотыкнулась.*

*Вот и смотрим друг другу в глаза,
Будто оба стоим перед бездной.
Бесполезны теперь тормоза,
Всё случилось по воле небесной.*

*Моё время вернулось назад,
А твоё – разомлело в уюте...
Рад я этому или не рад,
Ничего не меняет по сути.*

*Потому так спокойно глядим
Друг на друга без чувственной дрожи.
Всё твоё остаётся твоим,
А моё – забирай, сколько сможешь.*

ПО ГРИБЫ*Давыдовой*

*По грибы еду в лес, по грибы!
Ночью снились мне боровики.
Кабанам часто сняться дубы,
А пустыне – разливы реки.*

*Снятся русским лесам топоры,
А китайцам – кедровые брёвна.
Ждёт Сахара дождливой поры,
Где вода дорога баснословно.*

*Ей приснилось: ручьями – полна,
И леса зеленеют, как чудо...
Видит желудь во сне кабана,
А вода – пасть сухую верблюда.*

*Я же вижу, в лесной тишине
И тебя, и такую картину:
Белый гриб, улыбавшийся мне,
Ты в свою положила корзину.*

*Били чувства мои через край:
Увела боровик из-под носа!
Я себя успокоил вопросом:
«Прозевал? На себя и пеняй».*

*И проснулся, а мир стал иным:
Золотился рассвет в тишине.
Еду, еду за счастьем грибным!
И корзина, и ножик при мне.*

ИЗ ВЕКА В ВЕК

*Живет понятие в народе
И переходит в каждый век,
Что миру больше не угоден,
Живущий Богом человек.*

*И человек бежит от мира,
Его любя, он зрит – иной...
А, видя рубище, порфира
От гнева топает ногой.*

*У человека есть свобода,
Как выбор дела или слов...
Почуяв божий дух народа,
Он за него страдать готов.*

*А некто хуже сумасброда,
Считает рабским свой народ,
Питаясь соками народа,
Его хулить не устаёт.*

*Но, не хочу его пинать я, –
Живёт вне Бога человек,
И он не знает то понятие,
Что переходит в каждый век.*

ДЛЯ ДЕТЕЙ

ВАЛЕНТИНА КОРНЕВА

Стихи из книги «Папина шляпа»

ПОТЕШКИ

ВАСЬКА И МЫШИ

*Как у нашего кота
День-деньской всё суета.
Одолели Ваську мыши,
Еле спасся он на крыше.
Мыши сгрызли все ботинки,
Даже Васькину подстилку.
И к нему залезли в миску.
Колбасу всю съели, «Вискас»,
Ваську кинулись искать...
Надо котика спасать!*

ДВОРОВЫЕ СПЛЕТНИ

*«У козлика выросли рожки», –
кричали соседские кошки.
«А кот колбасу всю унёс», –
сказал по секрету нам пёс.
На ухо шепнул и индюк:
«Сломал бык и двери, и крюк»
«Ах, ужас,- гогочет гусак. –
Забор подкопал жирный хряк»
Вздыхнул озадаченно бык:
«Я сплетни «сплетать» не привык,
но всё-таки всем расскажу:
как съела морковку Жужу,
коза, что зашла в огород.
Как стыдно! Утаил это кот!»*

КОТ ПРОШКА

Любит рыжих кошек Прошка:
хор решил из них собрать.
На скамейке у окошка
стали песни распевать.
Ноту «до» октавы третьей
брал Василий – рыжий хвост.
Пел в миноре кот Клементий,
а в мажоре – кот Атос.
Серенаду спел и Прошка
рыжей кошке Мотылёк...
Дребезжали все окошки.
В доме спать никто не мог.
В окнах мамы, папы, дети.
Дворник мечется с метлой:
«Участковый долго едет...
С Прошкой бой – неравный бой...»

СБОРЫ В ПОХОД

Собирала Петеньку вся семья в поход:
Положили в рюкзачок лом, коловорот,
Жбанчик кислых огурцов, три ведра картошки
И консервов банок пять, кузовок морошки,
Палок десять колбасы в боковой карманчик,
Для удобства и красы вынесли диванчик.
Всё с собой, не как попало, сотню мисок, кружек,
Под бочок три одеяла, дюжину подушек.
Закатали в пуховик валенки, галошки,
Кошку Мурку... Не привык жить сынок без кошки.
Пудель с Петенькою едет и крольчиха Зина.
Папа, мама, дед Федот понесут корзины.
Подогнали грузовик, дед – свою «Победу»...
Только Петя как-то сник: «Печки нет. Не еду...»

ДВА БОТИНКА

Два ботинка, но не дружат...
Правый любит погулять,
левый так боится лужи,
что всё хочет постоять...
Правый – мяч ударил смело,
покатался на катке...
Левый падал то и дело,
вдруг споткнувшись на шнурке...
Правому покой лишь снится,
прохудился он давно...
Левый красотой гордится,
ищет подиум, кино...

ИГРЫ В «ПРЯТКИ»

Все со мной играют в «прятки»:
шапка, шарф и башмаки,
ручка, книжки, две закладки...
Стереги, не стереги...
Шарфик спрятался за дверцу.
Башмаки – под стул, под стол.
Шапка. Та – «поближе к сердцу» –
за подкладкою нашёл.
Всех смешней ключи от дома:
разбежались кто куда,
так некстати, бестолково.
Не найдёшь их никогда.
Кто – под коврик, под подушку,
кто-то – в ванной спит в тазу.
Их зову – все непослушны,
заблудились (как в лесу)...
Лишь смартфон со мною дружен,
он всегда меня найдёт.
Я ему, бесспорно, нужен:
завенит – «с ума сведёт».

У МОЕЙ СЕСТРИЦЫ

У моей сестрицы сто одна косица,
Расплетает с вечера, больше делать нечего.
Расплетает до утра. Утром ей: «Плести пора!»
Вновь бедняжечка плетёт, пока вечер ни придёт.
Так проходит год, другой... Стала бабушкой седой.

СЧИТАЛКИ**ЖУРАВЛЯТА**

Встали все, подняли ручки,
Разогнали в небе тучки:
И налево, и направо,
И назад, и просто прямо.
В журавлят все превратились,
В небо к солнцу устремились,
Крылья держим мы легко
И взлетаем высоко.
Полетали, покружились
И на землю опустились,
А потом затанцевали
И друг с другом поиграли.

КАК МЕНЯ УЧИЛИ

Раз, и два, и три, четыре,
Меня многому учили:
И читать, и писать,
Через палочку скакать,

*В небо, к солнышку, хотеть,
Как журавлики, лететь,
Как медведь, ходить вразвалку,
Никого не трогать палкой,
Как котёнок поиграть,
А потом клубочком спать.
И зверушек всех любить,
А тебе теперь – водить.*

УТРЕННЯЯ СЧИТАЛКА

*Раз, два, три,
вставать пора.
Занят пёс уже с утра:
он гонялся за хвостом,
язык высунув потом.
А котёнок – за клубком,
в доме вещи кувырком.
Раз, два, три,
бегу и я,
а со мною вся семья.
Папа – в ванну умываться,
а потом и заниматься:
гири, быстрая дорожка...
Мама с миской, поварёшкой
шустро бегаёт по кухне,
чтоб комфортки не потухли.
Раз и два,
бегу стрелюю,
все рекорды перекрою.
Три, четыре,
на зарядку,
упражненья по порядку...
Говорю себе я: «Пять...
Надо в школу убежать!..»*

КУРЫ НА ПРОГУЛКЕ...

*Рыжих – пять, пеструшек – пять.
Вышли куры погулять,
С ними петушок Петро.
Поклевали всё зерно.
Рыжка – здесь, а там – Пеструшка,
Ряба на тропе с Несушкой,
Вот и Снежка у корытца
Подошла воды напиться.
Зинка – просто забияка,
Подралась с чужой собакой,
Раскричалась: «Куд-куда!..», -
И осталась без хвоста.
Мы спасали с мамой грядки:*

Наводили там порядки
Квохча и проныра Ньюша –
Червячков искали дружно...
Растревожился Петро:
«Кто пропал, скажите – кто?
Я считал, кур было (десять),
А теперь их нет на месте.
Курочек осталось (восемь),
И с меня хозяйка спросит...
Ко-ко-ко, пропали (две),
Нет у дома, нет в гнезде».
«Где?» – кричит. И боль в вопросе.
Глядь – они все на навозе.

СКАЗКИ

Вы послушайте, детишки,
сказки бабушки Аришки:

КОЗА

Сказка о животных
Шла лисица у водицы,
Захотелось её напиться,
Наклонилась и упала:
«Ах, тону! Ох, я пропала!»
К счастью, шла к реке коза,
Не поверила глазам,
Опустила в воду рожки –
Прыг лисица. На дорожке
Засмеялась, убежала.
А коза не удержалась –
Камушком пошла ко дну,
Бабе Мане на беду.
А в реке той непростой
Жил весёлый водяной,
Подхватил он ту козу
И на луг пустил, в росу.

СКАЗКИ-НЕБЫЛИЦЫ

Не печальте, дети, лица
Посмеёмся небылицам:

ПРО КАБАНА И ЛИСИЦУ

«Шла кошёлка, в ней – лисица,
видит дуб, на нём – кабан.
Дуб чихает и сердится:
из гнезда кабан упал.
Там остались кабанята:

крылья серые, рога,
полетели, как котята,
в дали дальние, в стога.
Дуб в кошёлку взгромоздился
и лису оттуда «толк».
Тут кабан наш возмутился
и по лбу лисицу «щёлк».
А лисица, всем сестрица,
не глупа всегда была.
Кабану дала напиток,
а потом и запрягла.
Мчится по лесу кошёлка,
дуб торчит в ней и лиса,
правит лисонька так ловко
кабаном... Гляди: краса!»

ПРО МУЖИКА И КАРАСЕЙ

«На печи мужик с метёлкой
ловит в сито карасей,
так удачливо, так ловко –
хватит для деревни всей.
А когда он изловчился
осетра в трубе поймать,
осетру пришлось лечиться...
Мужик начал горевать»

ПРО ЗАБОР И СВИНЬЮ

«На трубе сидел забор,
лузгал семечки, жевал...
Пёс решил, что это вор,
лавку из дому позвал.
Лавка лаяла, визжала,
на свинью в сенях упала.
Замяукала свинья,
закричала: «Я – не я...»
Задрожал забор с испуга
и слетел к свинье как к другу.
А свинья забор ждала –
и со страха померла»

ПРО МЕДВЕДЯ И ПЕСКАРЯ

«Медведь по небу летел
и хвостом своим вертел.
Увидал в навозе муху,
облетел над ней с полкруга,
а потом её поймал,
с мухи шкурку всю содрал,
шил мушиные сапожки,

*пескарю дарил на ножки.
Тот в сапожках щеголял,
оскользнулся и упал.
С той поры пескарь не скачет,
охромел...Ты слышишь? Плачет...».*

СКАЗКИ-КОРОТУШКИ

*Навострите, дети, ушки,
вот вам сказки-коротушки:*

ПРО ДЕДА И ПОРОСЯ

*«Сказка началась моя:
Купил дедка поросю.
Поросёнок – как картинка.
Вот и сказке половинка.
Съели с бабкой поросю.
Вот и сказка моя вся».*

ПРО «СКАЗКИ В ПОЛ-УХА...»

*«Жили-были дед, старуха,
сказку слушали в пол-уха.
Не могли её понять,
вновь просили рассказать...»
«Жили-были дед, старуха... и т.д.»*

РЕЦЕНЗИИ, МНЕНИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

ВАЛЕНТИНА ГУСАКОВА,
бильд-редактор

«КОГДА В ДУШЕ ПОКОЯ НЕТ...»

Пожалуй, нет ничего прекрасней, чем видеть человека, читающего книгу. Надеюсь, что каждому, кто хоть раз держал в руках журнал «Русское поле», довелось познакомиться с творчеством Геннадия Веркеенко. Его произведения, изданные в других издательствах, рецензировали такие поэты и писатели как Леонард Золотарёв, Ярослав Ваграменко, Валерий Борисов, Александр Владимиров, Алексей Кондратенко. Наш современник – член Союза писателей России Василий Михайлович Катанов, листая рукопись очередного поэтического сборника, отмечал в рецензии что Геннадий Петрович «очарован красотой бытия», а название одной из книг «Ритмы жизни» позволяет автору продолжать уже ранее начатый разговор с читателями, ярче раскрывать и представлять многообразные сюжеты и образы в едином стиле, которые дают возможность проявить свою жизненную позицию

по отношению к той реальности, в которой живет и творит он сам. Через призму любви писателю удаётся показать красоту человеческих отношений, преподнести читателям словно на ладони и свою душу:

*Душа – букет из лепестков:
Надежды, веры и любви,
В нём ярких множество цветов
И их без времени – не рви!*

Под впечатлением и влиянием прочитанного, подчеркнул В. Катанов, является осознание собственной ответственности за происходящее, а радость от жизни, умноженная на любовь, делает стихи добрым другом, который позволяет задуматься также над собой. Рецензенты подмечают, что в поэзии Г. Веркеенко постоянно переплетается тема любви к женщине, дарованная свыше, с любовью ко всей окружающей повседневности и в ней не всякий может разглядеть что-то необычное. В одном стихотворении поэт говорит о любви к женщине, в другом – от её имени выражает неудовлетворённость женской судьбой, в третьем – просит прощения от имени мужчин за отсутствие мудрости в общении с ними, задаёт вопросы и порой сам отвечает на них.

Много откровений и душевной теплоты выплёскивается в стихотворениях «Я хочу, чтобы было лето...», «Вам и тебе», «Свою судьбу благодарю», «Любовь ведь тоже – не свобода», «Когда я, утоляя жажду, пью воды глоток», «Всё раздал, растерял, разбросал, раздарил» и даже в таком с необычным названием стихотворении, как «Смерть сама однажды полюбила...» и во многих-многих других. В них делается попытка продлить каждому отдельному мигу его жизнь, наполнить прожитые мгновения смыслом, поэтическими строфами запечатлеть душевное состояние, выразить своё личное переживание и отношение к разрушению нашего духовного и материального наследия. Звонящей болью наполнено стихотворение «Липе... одной из многих», а лирико-философское – «Лиса-осень людьми, как листвою, играет» отличается наличием сравнительных эпитетов, в нём осень выступает не в общепринятом понимании, а в новом необычном качестве.

*Лиса-осень людьми, как листвою, играет,
То летом поманит к себе, теплотой,
То с лукавством лисицы к себе зазывает
Холода, что приходят только зимой!*

Осень отражает нравственное состояние человека на том этапе жизненного пути, когда его весна и лето сменяются осенними ритмами. Подмечено, что писателя внутренне волнует красота таких близких ему родных «брянских раздолий», где он провел годы детства, и эти искренние строчки с оттенками горечи выплёскиваются стихотворением:

*Корабли-печали стоят на причале,
Грустью заполнив заросший затон,
Они уж давно никого не встречали –
Не видели тех, кто сейчас влюблен!*

*Каюты-качели давно не скрипели
От рока судьбы и пыла страстей.
А ветры на палубе больше не пели
В ячейках-струнах рыбацких сетей!*

Достоинно торить свой жизненный путь – главное кредо писателя, которое Веркеенко не скрывает в своем творчестве. Словно разговаривая душой с читателями, он романтично-реально, иногда напряжённо-драматично, испытывая эмоциональные и нравственные нагрузки, рассуждает о сути человеческих отноше-

ний. Каждое его произведение имеет в основе глубокие корни, которые позволяют вскрывать проблемы того или иного периода времени, отношение современников между собой и к полученному наследству. Мы часто смотримся в свои отражения, но редко вглядываемся в них и удивляемся тому, что сами вдруг не узнаем себя, когда совсем недавно такие знакомые черты вдруг становятся нам чужими. В стихотворениях поэта делаются удачные попытки увидеть в каждой личности индивидуальность, её уникальность и неповторимость:

*Книгу жизни своей не спешите читать,
Пусть вам радость несёт и её прочтенье.
В ней нельзя ничего самому изменять,
Находите всегда в ней смысл и значение!*

*Среди строк научитесь и суть находить,
Книга пишется сразу, только вживую, –
Не спешите и автора строго судить
Он живёт, как и все мы, тоже вслепую.*

Во всём, что написал писатель, чётко прослеживается зрелая позиция, уверенность в завтрашнем дне, но вместе с тем, возможность быстрого восстановления, утраченного вызывает у него большие сомнения. Его выразительные строки словно бьют в сердце наблюдениями уже о безвозвратности многих духовных и моральных ценностей, об их окончательной утрате. Это хорошо угадывается в стихотворениях «Разбился колокол души моей со звоном», «На месте бывших дач», «А вдруг не узнаю, всё то, чем гордился», «Разобщили народ – разобщили» ...

«Конечно, проникнуть в суть вещей нам сложно», – утверждает автор, – восстановить историю во много раз сложнее, но здесь же предупреждает, что «подходить к ней нам надо осторожно, она касается судьбы страны и всех её людей!»

Предметность поэтического пространства, наличие скрытых тематических событий, происходивших в разные годы и отражённых в том или ином стихотворении, дополняют друг друга, хотя по смысловому содержанию и расположены в разных книгах. Изменение природы в зависимости от времени года, поведение птиц, журчание родников выступают самостоятельными носителями чувств и переживаний, раскрывающих глубокое значение самого существования любого человека, его духовных исканий, хотя их вектор понятен писателю: «Все дороги ведут нас к храму, все тропинки ведут к родникам, – присоединяется он к известной мысли и ссылается на непререкаемый авторитет, –

«Это в детстве сказала мне мама, – и их должен найти я сам!»

Этот поиск – взаимообогащающийся процесс, как родниковые ключи возрождают человека к жизни, так и сам родник «не может один струиться, пусть у рек, пусть в лесной тиши – в нём не сможет никто напиться, он зачахнет один в глуши...». Можно привести и строчки стихотворения «Палитру красок каждый получает свыше...», где автор сравнивает жизненный путь человека с чистым холстом, на котором пишет картину жизни каждый самостоятельно...

*Палитру красок каждый получает свыше
И чистый холст, чтобы творить на нём,
Чтоб на закате жизни – суд людской, всевышний
Итог бы оценил ваш день за днем!*

Действительно, какой будет картина жизни?

И вывод-пожелание по-житейски прост: если нельзя написать достойную мирового признания картину, утверждает автор, «то каждый может свой шедевр создать, – для этого должны, не разгибая спину, у своего мольберта каждый день стоять!»

По-разному можно относиться к творчеству Веркеенко, но критики предполагают, что читатели, ознакомившись с его произведениями, ощутят прикосновение к нашей действительности, возможно, у многих из них оживёт надежда на встречу с прекрасным, на изменение к лучшему, всего что нас окружает, появится желание остаться наедине с собой, поразмышлять и почувствовать свои ритмы жизни.

Ведь, действительно, некоторые стихи, рассказы, заставляют задуматься, помечтать, потому как в них чётко проявляются жизненные сюжеты, которые автор сопровождает эпиграфами, например, в книге «С любовью по жизни», о чём заметила в своем отзыве о творчестве Веркеенко член Союза журналистов Белевитина. Её поразила правдивостью один из разделов книги «Разбился колокол души моей со звоном...», в котором в соответствии со своим пониманием жизни писатель выплёскивает эмоции по многим проблемам, расставляет акценты и освещает их с «болью» в душе... Он призывает посмотреть на мир с изнанки, не с фасада, а со двора, бросить свой на задворки взгляд!

В этих строках сквозит глубокая печаль за отношение людей друг к другу, а сегодняшнего поколения к накопленным ранее традициям, к природе, тревога за непонимание и лицемерие многих, которые «Нынче крестятся, да не молятся», за кричащее несоответствие житейских ценностей с реальной действительностью, а также поверхностное отношение к своей жизни, которую при рождении, каждый получил в награду. Угадывается, как в ряде стихотворений предельно «обнажены» чувства автора: «Изражена жизнью, как загнанный зверь, бьётся в дверь-сейф птичка-свирель...».

Скованную человеческую душу поэт сравнивает с птицей в клетке, потому что ей невозможно разорвать оковы, чтобы почувствовать свободу полёта. Если в ранее изданных книгах стихи выражают надежду на грядущие перемены в постперестроечное время, то в более поздних изданиях звучит сожаление о незначительных изменениях, произошедших в последние годы, о несбывшихся мечтах, хотя, надеясь на лучшее, писатель призывает: «Мы выжить только вместе сможем, и выстоять, и недуг победить, когда друг другу мы поможем, – тогда мы будем и достойно жить!»

В отзыве Белевитиной читаем, что Геннадий Веркеенко своими стихотворениями раскрывает проблемы во всей их полноте, как своеобразную летопись сегодняшних дней, что он интересный собеседник, в произведениях он тактично ведет от одной мысли к другой, не раня читателя острыми углами освещаемых проблем, а просто в унисон с ними, пишет:

*Осмысленье придёт, но потом, –
Это знает, наверно, каждый
Мы же только напомним о том,
Что оно всё ж придёт однажды...!*

Трудно представить сборники Веркеенко без стихов о своём крае. Заречье, родной посёлок, когда-то привольно раскинувшийся у Брянского леса, наполнил сердце автора неугасимой любовью к малой родине, к священной земле, на которой он вырос, а теперь откровенно сожалеет об исчезновении этого посёлка, с болью в сердце пишет о разбитых дорогах, о заброшенных домах, о погибших деревнях и сёлах в мирное время, призывает потомков помнить об этом: название деревни пока не забылось, но помнят лишь те, кто живёт... и кладбище в памяти сохранилось, оно без деревни не первый год..., и, как всегда, с оптимизмом в будущее:

*Я всё же надежду питаю,
Что кто-то меня позовёт,
Хотя уже точно знаю:
Никто в том краю не живёт!..*

Кажется, Геннадию Веркеенко свыше подарен талант неподдельного восхищения красотой жизни: без этого невозможно было бы разбудить душу читателя и вызвать прилив эмоций, которыми захлёстывает при прочтении стихотворений из ещё одного раздела книги с ярким названием «...Душа – букет из лепестков...». Поэт смотрит на связь человека с окружающим миром не только глазами прошлого и настоящего, но и заглядывает далеко в будущее, давая напутствия за нами идущим. Выражая своё настроение, он сближает читателя с природой, влюбляется сам и влюбляет других в неё... Наверняка, многие узнают себя в его строках и может по-иному посмотрят на окружающих людей... «Хочу я на тебя восторженно глядеть и восхищаться снова – снова...».

Хотя эти слова скорее отражают отношение мужчины к женщине, но нежные чувства сокровенных уголков сердца писателя постоянно присутствуют и когда он мечтает о первозданной тишине, желая слиться с нею воедино, рассуждает о лёгкости тумана на лугу. Со страниц книг теплом разливается бабье лето с паутиной и журавлиной песней. Феерическое настроение стихотворений передаётся читателю, который, несомненно, получает в подарок незабываемые ощущения полёта в мир прекрасного, погружения в мгновения и миги истории. Чтение лирических строчек наполняет сердце гордостью за своё прошлое, нежной грустью за настоящее, становится умиротворённое и человечнее, потому что автор смотрит на мир глазами человека мудрого, но не утратившего с годами юношеской очарованности...

Не остался равнодушным к творчеству писателя Геннадия Веркеенко в своих оценках Леонард Золотарёв, член Союза писателей России, когда ознакомился не только с поэзией, но и с прозой автора в очередной книге «Свет сквозь годы», посвященной памяти родителей. Она основана на реальных событиях, прошедших красной нитью по сердцам и судьбам главных героев, где достоверно поведано об их непростой жизни с ошибками и трудностями, а главное, о совместном преодолении и умении пронести свет любви через даль и годы.

В этой повести, как пишет Л. Золотарев, воссоздана невероятная путаница человеческих отношений, хотя история любви героев разворачивается на фоне обыденной жизни земляков, в многоголосии природы, в окружении уютных хат небольших деревушек, среди шелеста трав и прощальных криков птиц, улетающих в тёплые страны, где по-особому слышатся деревенские звуки и скрипы оголённых кустов, где видится Брянский край, гармонично сливающийся с героями и их переживаниями. В повести, которая дала название изданию, автор поведал читателям о том, что происходило в жизни людей накануне и во время Великой Отечественной войны, в послевоенное время, рассказал о вдохновенной любви двух молодых людей, прошедшей ярким светом сквозь скоротечные годы.

Их судьба, казалось бы, обычна, и, на первый взгляд, ничем непримечательна, но она богата внутренними событиями, где происходили невидимые бури, таились сокровенные побуждения. Л. Золотарев отмечает, что писателю и поэту по духу необычайно близка деревня, где «вьюги хороводят свои кудели», а пурга, завывая, возводит «сугробы вровень с крышами хат, злобно свистя в печных, простуженных сквозняками трубах», приветствует бережное отношение писателя к необычному говору жителей села, за бережно сохранённый его колорит. Потрясает и человечность отношений главного героя – Петра, вернувшегося из горнила войны, к отцу, в родительский дом, где он не нашёл поддержки и понимания, к девушке, не дождавшейся его возвращения, к тётце, не желавшей видеть его своим зятем... Геннадий Веркеенко воссоздаёт необычную атмосферу развязки событий, которые, возможно, помогут многим почувствовать непростое время предвоенных и военных лет, период оккупации, ощутить движение человеческих душ, побуждающее к оценке и своего бытия в этом мире.

Не обошел вниманием Золотарев и поэтические разделы книги, органически дополняющие прозу писателя. Почти в каждом стихотворении отражается свет любви, очарование и обнажённость чувств. «В весенней мгле затихли соловьи, мы наслаждались тишиной, покоем»; сокровенные мысли и тайнства влечений: «С нами ночь улеглась тихонько, заплуталась в твоих волосах»; томление сердец и желание всё отдать любимой: «Всё, что видел на белом свете, я тебе от души подарю: и рождение дня на рассвете, и вечернюю сказку-зарю». В любовной лирике всплывают смутные предчувствия и сомнения, страх потерять всё сразу: «Не уходи ежесекундно, от наших встреч всё дальше, вдаль».

В откровенных строфах наваждение от прекрасных чувств дивно сливается с радостью возрождения природы. Дань красоте, окружающей нас в этом мире великолепия, до краёв наполняет чашу любви, которую осторожно носит в себе, на верное, каждый человек. Её свет помогает счастливо прожить жизнь, полную прекрасных чудес и мгновений.

В лирике Геннадия Веркеенко, пишет Леонард Михайлович, всегда есть место и для патриотических чувств. Преодолевая в своём характере всё чуждое, наносное, автор стихами «Опять в строю Бессмертный полк», «Вместил я в сердце всю Россию» поднимается на ту духовную высоту, с которой открывается суть человеческого бытия, вечности и бессмертия. Рецензенты подметили, что каких бы глубинных вопросов современной жизни, нашей действительности писатель ни коснулся, тревожно вглядываясь в будущее, он сохраняет светлую надежду и веру в надёжность России, в её корни, в новизну с детства знакомых впечатлений родного дома. «Снится мне палисадник у дома, рядом дедов роскошный плетень, как царит на подворье истома, а в лесу благодатная тень», помогает увидеть в современной России «и звон весеннего дождя, и бархатистый русский иней среди зари в лучах огня, лугов бескрайних в ней дыханье и птичий гомон, перезвон, искристых родников журчанье, соединивших ткань времён...».

Наверное, неслучайно на форзац одной из книг вынесена строфа:

*Струится свет сквозь даль и годы,
Любовь пронзает времена,
Она даёт благие всходы,
В ней зреют жизни семена.*

Те, кто близко знает Геннадия Веркеенко, не раз видели его перед листом бумаги с карандашом в руке, укрывшимся от посторонних взглядов и записывающим мелким размашистым почерком своё очередное наблюдение. И в этот момент, пока идёт рождение строк нового стихотворения, ничто его не может отвлечь, так повествует о писателе и прозаике его коллега, Владимир Изотов – доктор филологических наук, профессор, и продолжает, – увлеченный музыкой и одарённый музыкальностью, Геннадий Петрович на свои стихи сочиняет мелодии. К удовольствию его читателей некоторые из произведений вошли в издания: «Поздний вальс», «Праздничный вальс», «Сиреневый вальс», «С надеждой, любовью и верой» и другие тексты опубликованы вместе с нотами, что позволяет желающим исполнить их и с музыкальным сопровождением.

Геннадию Петровичу присуща способность соотносить субъективные переживания и ощущения с опытом, накопленным другими, увлекать своим творчеством людей не только старшего поколения, но и молодёжь. Это очень ярко и наглядно проявляется в творческих вечерах, посвященных выходу в свет его книг с участием студентов – будущих режиссёров Орловского государственного института искусств и культуры, в проведении лекций и семинарских занятий со студентами Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, где он преподаёт на кафедре «История России».

*«...Наполняйте смыслом каждое мгновение,
Секунды и минуты жизни, каждый час!
Для всех землян не будет откровением, –
Что жизнь проходит, но идет, бежит сейчас!»*

Возможно, некоторые места в книгах Г.Веркеенко вызовут у читателей, которые занимаются творчеством профессионально, снисходительную улыбку, потому что им может показаться, что они знают больше, чем автор. Не торопитесь с выводами, отмечает В. Изотов, удержитесь от высокомерия. Используйте свое преимущество на другое – на сравнение и осмысление прочитанного, и тогда вы сможете увидеть в этой книге больше, чем написано...

Геннадий Веркеенко постоянно встречается с читателями, почувствует в различных писательских конкурсах. Только в 2020 году – сразу в трёх. В марте, в год 150-летия нашего земляка Ивана Алексеевича Бунина он получил диплом Московской писательской организации «За верность отечественной литературе» с вручением ему медали «И.А. Бунин (1870-1953)». Как прозаик и член «Союза военных литераторов» стал дипломантом Большого дистанционного литературно-общественного конкурса «Преодоление», проведённого Московской городской организацией Союза писателей России совместно с Союзом писателей-переводчиков. За творческие достижения Геннадий Веркеенко в номинации «Родина-мать зовёт!» награждён дипломом литературно-общественной премии с вручением медали «Родина-мать зовёт!» в честь 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. На конкурсе был номинирован его рассказ «Один день из многих», опубликованный ранее в журнале «Военный вестник». Это интервью-исповедь добровольца Цокова Николая Егоровича, с которым автор был знаком не понаслышке. На страницах рассказа читателям представлена неприкрытая правда о тяжелых буднях рядовых солдат, сражавшихся с немецкими захватчиками на поле брани в годы Великой Отечественной войны.

Геннадий Веркеенко, как поэт, в октябре 2020 г. стал лауреатом поэтического конкурса «Преодоление» в номинации «Покой нам только снится». Он награждён дипломом литературной премии имени великого русского поэта Александра Александровича Блока с вручением медали «А.А. Блок (1880-1921)» за подборку стихов гражданской поэзии и любовной лирики.

8 июня 2021 года Г.П. Веркеенко – член Союза писателей России отмечает свой 75-летний юбилей со дня рождения. Пожелаем ему ещё больших творческих успехов в юбилейном году. Надеемся на встречи с новыми произведениями Геннадия Петровича, которые будут востребованы и найдут своих читателей.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВА

ЧЕМ ПОХОЖИ АННА КАРЕНИНА И ЭММА БОВАРИ

Две женщины, две судьбы. Они живут в разных странах, в разных мирах. Но удивительно, как они похожи! Как впрочем похожи на них судьбы многих других женщин, не являющихся литературными героинями, а таких, как вы или я...

Для этого даже не обязательно представлять себя на месте этих женщин. Стоит только оглянуться на себя и посмотреть на свою собственную жизнь, на свою собственную историю, на свои проблемы и разочарования в любви, в браке, в жизни.

Мы все в юности мечтаем о необыкновенной «вечной» любви, о романтических отношениях, ждём своих сказочных принцев, которые найдут нас и увезут в волшебную страну, где мы никогда больше не узнаем ни слёз, ни печали. Наши прин-

цы будут (в наших мечтах) всю жизнь носить нас на руках, восхищаться нами, одаривать нас своим вниманием, осыпать подарками, исполнять все наши желания. Нам кажется, что найдя свою настоящую и единственную любовь, мы будем вечно жить, как в сказке, купаться в счастье, слышать нежные слова и комплименты – и всему этому никогда не будет конца.

Ну а что мы получаем в действительности? Многие ли из нас встречают этих своих сказочных принцев из мечты? Или тех, кто кажется таким принцем? И даже если мы верим, что встретили именно такого, то как долго длится эта наша сказка, наполненная романтикой, волшебством, нежными словами, цветами, восхищением, благоговением и всем тем, что наполняет счастьем каждое мгновение нашей жизни?

Вспомните, сколько мудрых слов написано о счастье. Особенно о том, как оно недолговечно, мимолётно, преходяще... И вот это волшебное ощущение, это чудо любви растаяло, ушло, покинуло нас! Но мы были к этому не готовы, поэтому чувствуем себя обманутыми, преданными, разочарованными. Отчаяние поднимает всё выше голову, нас охватывает безысходность, беспомощность перед неизбежной реальностью, которая отныне доминирует в наших буднях, в нашем существовании, в нашей жизни после сказки, после романтики, после несбывшихся желаний...

Позвольте, но здесь же где-то рядом был мой сказочный принц, который носил меня на руках, осыпал меня ласковыми словами и комплиментами. Он готов был исполнить все мои желания, все звёзды с неба бросить к моим ногам... Куда же исчезли все цветы, свечи, обещания, ожидания!? Ничего из этого не осталось. Он больше не смотрит на меня восхищёнными глазами, не делает усилий над собой, следя за своей речью или внешним видом. Он давно уже превратился в неопрятного увальня, часто раздражённого, недовольного ворчуна – что теперь постоянно должно быть перед моими глазами. И что же, отныне так будет всегда? До конца моей жизни? И ничего другого уже не будет? Но ведь в это трудно поверить! Да нет же, ведь это моя единственная драгоценная жизнь и другой у меня не будет. Сейчас я ещё молода, красива, в моих жилах течёт горячая кровь, будя во мне мечты и желания. И мне ещё так многого хочется получить от жизни! Ведь красота и молодость не вечны. И женский век тоже ох как короток – когда ещё сильны все чувства, когда в волнении перехватывает дыхание от желаний и ожиданий, когда тело ещё жаждет страстных объятий, а губы – жарких поцелуев... Ведь всё это пройдёт, и со временем увянет красота, и сморщится лицо, и потускнеют глаза, и уже не будет никаких желаний. Так не хочу ждать этого увядания, хочу жить, наслаждаться жизнью, выпить до конца этот дурманящий эликсир. А потом – будь что будет! Позор, стыд, упрёки, угрызения совести. А может их и не будет, этих угрызений? Ведь мне же будет, что вспомнить, ведь я смогу с уверенностью сказать, что отнюдь не зря прожила свою жизнь...

Возможно именно так думала, оторвавшись от очередного любовного романа Эмма Бовари, проводившая много времени в одиночестве и мечтах, которым несмотря на замужество, ещё не суждено было сбыться. О чём она мечтала? Да конечно же о страстной пылкой любви, от которой перехватывает дыхание и быстрее струится кровь, о необыкновенных приключениях, похищениях, погонях. О сильном храброем рыцаре, который прискачет на белом коне и спасёт её. От чего спасёт? Да это и не важно. Главное, что спасёт, похитит, увезёт в свой чудесный замок, где она будет окружена красивыми изящными вещами, и где он будет её бесконечно любить, будет осыпать её цветами и драгоценностями, где у неё будет масса элегантных нарядов и украшений, и каждый новый день не будет похож на предыдущий. Нужно только ещё немного подождать, потерпеть, и всё это обязательно придёт к ней. Ведь она такая хорошенькая, такая милая. Ну кому же и должно улыбнуться счастье, если не ей? И вот в таких постоянных мечтах она и пребывала, практически не замечая

рядом с собой скучного и занудливого толстяка мужа, который хотя и искренне, и даже как-то по-рабски любил и боготворил её, но в облике которого не было ничего романтического, в его словах – ничего возвышенного, всё только о больных или неоплаченных счетах, или о примитивных мешанах-соседях. Где ему было понять все нюансы её душевных переживаний, стремлений, желаний. Она ждала только подходящего случая, чтобы хоть что-то изменить в этом своём тоскливом и монотонном существовании. А когда чего-то очень ждёшь, то часто это и происходит.

Эмма знакомится с молодым и симпатичным помощником нотариуса Леоном Дюпюи. Он был скромным, даже робким юношей, в самом начале своего жизненного пути. При первой же встрече с Эммой он был восхищён её красотой и элегантностью, так редко встречавшимися в этом маленьком и сонном провинциальном городке. И на её мечтательную натуру молодой человек произвёл приятное и многообещающее впечатление. Они сошлись. Поначалу только дружески. Казалось, что их так много связывает. Например любовь к поэзии и романтике, прогулки по живописным окрестностям и разговоры, разговоры без конца, чего Эмма до сих пор была лишена – её трудяга-муж или отсутствовал, или был по вечерам слишком усталым для разговоров, порой засыпая буквально не отходя от стола.

В этой платонической связи с Леоном казалось не было ничего греховного. Он буквально благоговел перед молодой женщиной. Они оба нуждались в этой дружбе и проводили друг с другом всё больше времени, пока на горизонте не появился другой герой.

Он очень отличался от первого, знал точно, чего хочет, умел обходиться с женщинами, так как имел в этом большой опыт. Он мог сразу для себя определить, какой стиль поведения больше подходит в том или ином случае, в той или иной интрижке, которыми была наполнена его беззаботная жизнь закоренелого холостяка. В средствах он не нуждался, жил на широкую ногу и мог очень быстро произвести впечатление и даже влюбить в себя любую провинциальную простушку, к разряду которых быстро причислил и Эмму. А она и не заметила, как оказалась в расставленных им сетях. Хотя впрочем и не очень этому сопротивлялась. Всё это соответствовало её затаённым желаниям, которых не в состоянии был утолить ещё плохо знавший женщин Леон. С Родольфом Буланже Эмма вкусила все сладкие плоды запретной любви, хотя назвать это любовью не хотелось бы. Сначала её сжигало любопытство, потом непреодолимое влечение, перешедшее в слепую и не рассуждающую страсть, которую по своей наивности она принимала за какую-то необыкновенную любовь. Но чем больше распалась молодая женщина, тем быстрее охлаждался её коварный соблазнитель, давно подумывающий о том, как с наименьшими затратами от неё избавиться. А не подозревавшая ни о чём бедняжка тратила на своего любовника всё больше мужниных денег, всё глубже залезала в долги и ни о каком конце не могла и думать. Наоборот, собиралась связать с ним свою судьбу, сбежав и от постылого мужа, и из беспроблемно тоскливого города. Сбежать в волнующую, счастливую, наполненную сильными чувствами жизнь. Но как раз тогда, когда всё это казалось совсем близко и возможно, всё и рухнуло. И она погрузилась в ещё более безнадежно затягивающее болото этой навязанной ей, как ей казалось, жизни.

Заботливый муж суетился вокруг своей жёнушки, объясняя её недомогание и раздражение разными известными из его врачебной практики причинами. Но она ещё не испила всю чашу с запретным напитком до конца. Кое-как справившись с предательством коварного любовника, она не успокоилась, не смирилась, не вернулась к своей хоть и монотонной, лишённой красок, но отлаженной и устоявшейся жизни. Её по-прежнему влекло к приключениям и сильным чувствам. И случай опять не преминул подвернуться.

Новая встреча с Леоном во время посещения театра в Париже снова вдохнула в неё казалось бы угасшую жизнь. А он тем временем изменился, повзрослел, набрался опыта, в том числе и с женщинами. Теперь и он, и она смотрели друг на друга другими глазами. Теперь их возобновившееся общение больше не ограничивалось только разговорами и вздохами во время невинных прогулок. Леон больше не благоговел и не заикался при виде Эммы, а шёл напролом к своей цели. А целью было обладание его ещё недавно платонической возлюбленной. И не колеблясь, и не долго думая, он просто нанимает экипаж, заманивает в него Эмму и совершает то, к чему уже давно стремился. Игры в невинную любовь заканчиваются. Они ищут всё новые поводы для встреч. Эмма придумывает для мужа всё новые отговорки и причины для зачастившихся поездок в Париж. Она запутывается во лжи, к тому же на неё давят кредиторы – слишком много средств стоили ей её женские забавы, подарки, которые она делала своим любовникам, дорогие платья и безделушки, которыми она хотела заглушить свои разочарования и несбывшиеся мечты. Время платить по счетам неумолимо приближается. Эмма умоляет о помощи и Леона, и Родольфа, но напрасно. Поиграв с нею, утолив свои мужские потребности и потешив самолюбие, они оба отталкивают её от себя, выставляют за дверь, как надоевшую игрушку. И, в отчаянии и просто не видя другого выхода, она решает уйти из жизни и принимает яд...

А что же Анна? Ведь и её история заканчивается самоубийством. И она была несчастлива в своём замужестве, и она тоже изменила своему нелюбимому мужу. Но, пожалуй, на этом сходство этих двух женщин и заканчивается. Потому что Анна, в отличие от Эммы, вовсе не искала приключений, а встретила настоящую любовь. Любовь, которой раньше не знала и о которой даже и не мечтала. Просто она пришла к ней слишком поздно. Когда Анна была не свободна, когда она уже была и женой, и матерью, и, благодаря своему мужу, занимала высокое положение в обществе. А это общество жило по своим, строго определённым правилам и законам, которые ни один член этого общества не мог обойти или нарушить безнаказанно. И даже такое естественное и благородное событие, как большая истинная любовь, не могло служить оправданием для нарушения этих правил. В отличие от Эммы, Анна не звала эту любовь, она хотела бежать от неё, спастись, пока ещё было не поздно. Но не смогла этого сделать. Потому что и он, герой её романа, полюбил её по-настоящему. И отчаянно боролся за своё чувство. «Вронский был везде, где только мог встречать Анну, и говорил ей, когда мог, о своей любви. Она ему не давала никакого повода. Но каждый раз, когда она встречалась с ним, в душе её загоралось то самое чувство оживления, которое нашло на неё в тот день, когда она в первый раз увидела его. Она сама чувствовала, что при виде его радость светилась в её глазах и морщила её губы в улыбку, и она не могла затушить выражение этой радости».

На первый взгляд Алексея Вронского можно было бы сравнить с флюберовским Родольфом Буланже – ведь и он тоже многие годы вёл беззаботную жизнь холостяка и не хотел себя связывать никакими обязательствами, легко сходился и расставался с женщинами. «Женитьба для него никогда не представлялась возможностью, – пишет Л. Толстой. – Он не только не любил семейной жизни, но в семье, и в особенности в муже, по тому общему взгляду холостого мира, в котором он жил, он представлял себе нечто чуждое, враждебное, а всего более – смешное». Да, так оно и было до тех пор, пока он не встретил её, Анну, пока он не полюбил всем сердцем, раз и навсегда. Силой своей любви он зажгёт огонь и в сердце Анны. И она полюбила. Но в силу своего характера и жизненных принципов, она не могла, как Эмма, скрывать своё чувство, лгать и притворяться. Она вся без остатка отдаётся этой неожиданной любви и хочет рассказать о ней всему миру, и своему мужу в том числе. Но он слишком консервативен, слишком дорожит своим положением, высокой должностью. По словам Анны: «Это не человек, это министерская машина, и злая

машина, если рассердится». Он лицемерно предлагает жене забыть её измену и всё оставить так, как есть. На что чистая душою Анна не может согласиться. Она бросает вызов обществу и проигрывает. Вокруг Анны вырастает стена отчуждения. Все бывшие друзья отворачиваются от неё. Она остаётся в изоляции, не может общаться с горячо любимым сыном. С потрясающей силой изображает автор романа душевные муки одинокой женской души. Ни друзей и близких, ни дела, которое могло бы увлечь, ничего, кроме всепоглощающего чувства любви. Да, в жизни ей остаётся только любовь Вронского. Но её возлюбленный, для которого она буквально всем пожертвовала, как ей кажется, уже не любит её так, как прежде. И Анну начинают терзать «страшные мысли о том, что будет, если он разлюбит её». Мудрый психолог, способный заглянуть в потаённые глубины человеческой души, Толстой показывает, что человек может потерять то, чем он больше всего на свете дорожит, именно потому, что он слишком этим дорожит и боится это потерять. Анна становится подозрительной, несправедливой. Между нею и дорогим ей человеком поселяется «злой дух какой-то борьбы». Хотя Вронский и продолжает любить её, но по-мужски, оставляя за собой право на определённую свободу, своё личное пространство, чего почти обезумевшая от любви Анна не может понять, связывая его по рукам и ногам, устраивая сцены ревности и слёзные истерики. И когда она начинает чувствовать, что любимый ускользает от неё, что он больше не нуждается в ней так сильно, как она в нём, ей в голову приходит мысль о том, что лучше покончить со всем этим, «...и смерть, как единственное средство восстановить в его сердце любовь к ней, наказать его и одержать победу в той борьбе, которую поселившийся в её сердце злой дух вёл с ним, ясно и живо представилась ей».

У Тютчева есть стихотворение, с удивительной силой передающее трагедию, которую однажды пережил и сам поэт и которое очень напоминает трагедию Анны и Вронского. Хочется привести некоторые фрагменты этого стихотворения:

*«О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!*

...

*Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь её она легла!*

...

*И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе её цвело.
И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слёз!»*

...

И вот эта «боль ожесточенья» становится нестерпимой. Наступает неизбежная развязка. И Анна, подобно Эмме, сводит свои счёты с жизнью...

Две женщины, две судьбы. Они жили в одном и том же 19-м веке, когда об эмансипации женщин и равноправии полов ещё не было и речи. Они жили в разных странах, но вынуждены были подчиняться одинаковым законам и правилам того

времени, зависеть от общественного мнения. Они по-разному искали счастья, мечтали о любви, но судьба их была печальна и заранее предрешена. И что-нибудь изменить в ней им было не дано.

Лев Толстой и Гюстав Флобер подарили нам два чудесных женских образа, которые благодаря им мы полюбили, которым сочувствовали, сострадали и с которыми мы прошли их жизненный путь, до самого конца.

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЕВ

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ ПОЛЕ» № 10

Сегодня мы презентуем журнал «Русское поле» №10. Он вышел в мае, но презентовать его не удалось из-за известных всем обстоятельств.

Перелистаем страницы десятого номера. Рубрики все те же, авторы тоже все нам знакомые, из новых назову Марию Корчагину из Мценска с трогательным рассказом из своего военного детства.

Журнал был в основном посвящён 75-летию Великой победы, это видно уже из содержания журнала. В колонке главного редактора опубликованы воспоминания из книг маршалов Георгия Жукова и Константина Рокоссовского. Бюст К.К. Рокоссовского был установлен в парке героев в Малоархангельске года два назад, чему все здесь были рады, ведь это он освобождал со своими войсками городок 23 февраля 1943 года, о чем читаем в очерке Л.М. Золотарёва «Талант Рокоссовского», любимого его маршала, которому во время войны за его победы на разных участках фронта страна салтовала 63 раза.

А очерк Л.М.Золотарёва «Мои друзья – дети войны» имел большой отклик у читателей в Малоархангельске, он был напечатан в местной газете «Звезда» и те, кто выписывает газету, показывали её соседям, знакомым, многие обращались в редакцию за газетой, чтобы послать её родным или друзьям, о ком в ней шла речь. Нам звонила из Курска дочь Геннадия Ефимовича Ефремова Люся с просьбой прислать газету ей и её сестре Тане, которая живёт и работает врачом в Воронеже.

Аграрно-публицистический блок представлен выступлениями академика Салиса Добаевича Каракотова и начальника департамента сельского хозяйства нашего региона Борзёноква Сергея Петровича о Дубовике, где каждый год проходит праздник «День поля», потому что Дубовик – это опытное поле страны. В этом году из-за пандемии он не был таким массовым и представительным, как всегда, но успехи свои хлеборобы отметили, они впечатляют.

Далее идёт художественная проза, тематика посвящена в основном 75-летию Победы. Достаточно взглянуть на названия: «Хлеба военные (Л.Н.Иванова-Преснова), «Дан приказ или Сабуровское поле» (Л.М.Золотарёв), «Говорят дети войны»(З.Ф.Тарабрина), «Неугасимый свет памяти» (М.Л.Турбин), «На Малоархангельском направлении» (В.М.Васичкин), «Горит свечи огарочек» (Вл. Вещунов). Этот заголовок из известной военной песни сразу притягивает внимание. Начнешь читать и радуешься за автора, который, казалось бы, из обычного события – концерта в сельском клубе по случаю праздника Побелы, сделал замечательный рассказ. От описания концерта силами местного клуба присутствующие переходят к обсуждению своих насущных проблем, своей жизни, хватает ли у них на всех добра и сочувствия, такое активное общение не только всех оживило и взбудоражило, но и пробудило в людях лучшие чувства, лучшие качества, и уже все вместе они решают послать своих поисковиков в Псковскую область, где воевали односельчане, погибшие в тех местах, останки некоторых уже были найдены. В конце

рассказа – это уже апофеоз единения людей. Спасибо автору за такой рассказ, который приводит людей к действию во благо.

А в небольшом рассказе Марии Корчагиной «Прости меня» описан случай из её жизни во время войны. Девочка потеряла хлебные карточки, а дома её ждали больная мать и сестрёнки. Учительница ей отдала несколько кусочков хлеба, которые остались от тех, кто не пришел в школу. По дороге её догнал Петька – одноклассник, отвесил ей подзатыльник и вырвал хлеб. Девочка никому об этом не сказала. После войны в 1978 году, в очереди за арбузом кто-то окликнул Татьяну. Это был Петька. Он взволнованно спросил: «Помнишь хлебные карточки, 42 год. А я никогда не забуду, ты прости меня». Так и заканчивается этот небольшой трогательный рассказ.

Поэзия представлена семью авторами. «Давно была война» В.Корневой, «Свет волшебной зари над Заречьем» Г. Веркеенко, стихи Е.Пимкиной, А.Сытниковой, А. Фролова, В.Ходулина, Л.Золотарва, В.М. Катанова, В.Ф.Садовского, он выступает с новой поэмой «Детство и юность Саньки Крепких», которого все или почти все здесь присутствующие знали, любили за его талант, как мы любим теперь Виктора Садовского за умение, за его мастерство так писать о людях, которых он воскрешает вновь в своих произведениях.

Рубрика «Краеведение. Рецензии. Мнения» начинается статьёй корифея нашего литературоведения Галины Борисовны Курляндской «Философия гармонии в поздней лирике Фета».

Следующая статья о Фете Ольги Александрович «Известный-неизвестный Фет или немец с русской душой», в ней есть информация, которые многим была неизвестной.

Ольга пишет ещё о 250-летию Бетховена, этот год объявлен в Европе годом великого композитора, а с Россией его связывала дружба с князем Николаем Борисовичем Голицыным, бывшим и другом, и меценатом Бетховена, помогавшим ему всю жизнь.

О Бунине в Грассе, материале, подготовленном всей нашей семьёй, чей 150-летний юбилей мы отмечаем 23 октября, скажу подробнее.

Из Грасса нам прислали газету «Утренняя Ницца», в которой было написано об открытии нового памятника (бюст Бунина там уже был), размером 2 м.20 см., работы русского художника, председателя Союза художников России Андрея Ковальчука, подарившего статую Грассу.

Бунин долго прожил в Грассе, на Лазурном берегу, он считался ссыльным после написания «Окаянных дней», его там помнят, он стал Нобелевским лауреатом, будучи в Грассе, памятник находится рядом с виллой Илер, в которой библиотека, и она занимается творческим наследием Бунина. В год установки памятника, а это было года два назад, библиотека проводила всё лето мероприятия в честь Бунина: литературные и музыкальные вечера, фотовыставки, встреча с А.Ковальчуком, посвящённая вообще творчеству скульптора.

Л.М. был знаком с Ковальчуком через Валентина Чухаркина, которого все у нас знают по его скульптуре АЛЁША (у него на Орловщине много и других работ, например, бюст генерала Горбатова, памятник Сергею Тюленину в Корсаковском районе, в Глазуновском - Чапаев и др.) Это лирическое отступление, так как Валентин Александрович был моим крёстным, его, к сожалению, уже нет с нами.

А Ковальчук купил его мастерскую, и Л.М. заходил к нему, чтобы попросить сделать памятник Рокоссовскому, но меценатов не нашлось на памятник, а бюст Рокоссовскому в Малоархангельске был поставлен.

Возвращаясь к Бунину, надо сказать, что во Франции есть Общество друзей Бунина, как у нас Тургеневское. Там его создателем был Гавриил Симонов, племянник нашего писателя Константина Симонова. Гавриил (доктор наук, профессор-ядерщик университета в Бордо, написал несколько книг о долголетию на примере

долгожительницы -124 года – Жанны Кальман.) Он выкупил виллу Бельведер, в которой какое-то время жил Бунин, это почти центр города и рядом с небольшим-садиком принцессы Полины, откуда в ясную погоду видна Корсика. Полина была сестрой Наполеона Бонапарта, есть дорога имени Бонапарта, которая проходит через Грасс, из Грасса и Жерар Филипп.

А Гавриил Симонов приезжал в Орёл с членами общества Бунина, мы были с ним вместе в нашем музее Бунина, с женой Моник они были у нас дома, какое-то время мы переписывались, общались, Леонард стал членом общества Бунина, а взносы за него платила мамина подруга, тоже Моник, живущая в Грассе, с которой мама много путешествовала по Франции и России, даже побывала на Соловках, чему все были очень рады, их с Л.С. было пятеро. А праздник, который мы им устроили в посёлке Синяевском, недалеко от фетовской поляны (это был один колхоз «Россия»), они помнят до сих пор, недавно опять по интернету прислали фотографии тех времён, назвав это время BELLEÉPOQUE – во Франции это была эпоха Наполеона.

В этой рубрике всё интересно: слово «Растуманилась даль заречья» о только что вышедшей книге прозы Геннадия Веркеенко «Зовущая глухомань», презентация которой, конечно, состоится.

Валентина Порседда посвятила своё эссе «Преображение» событиям 19-23 августа 1991 года (дни путча в России) и сделала это с большой философской глубиной, цитируя Библию и показав роль молитвы для каждого.

В конце журнала в рубрике «Память о них жива» опубликован замечательный рассказ нашего классика Евгения Носова «Красное вино победы». Прекрасное название само говорит о таланте этого писателя.

И получилось, что начало и конец журнала образуют ПОЭТИЧЕСКОЕ РОНДО, Много в нём хочется перечитать.

ОБЗОР ЖУРНАЛА «РУССКОЕ ПОЛЕ» №11

Хочется поблагодарить всех, кто принимал участие в издании этого журнала, так как это они, по словам Владимира Вещунова, одного из авторов, создали атмосферу сердечности и душевности, «одинадцатый номер являет образец достойнейшего русского журнала, а его атмосфера трогает до глубины души. Это встреча творческих друзей, среди которых зримо присутствует духовный наставник, светлый, родной человек – Леонард Михайлович».

«Поле русское Орловщины – намоленное, духовное, литературное. Журнал надолго останется в памяти людей и в истории литературы. Очень важно, чтобы «Русское поле», вспаханное и засеянное Леонардом Михайловичем, плодоносило» – Доманский Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, член Союза российских писателей, автор журнала (Санкт-Петербург).

Валентина Порседда пишет: «Появилось большее понимание предназначения его создателя и ощущение его творческой энергии, осознание его сильной и неразрывной связи с землёй».

Кафедра романской филологии ОГУ имени И.С.Тургенева называет журнал уникальным.

Открыв титульную страницу журнала, видим фотографию Леонарда Михайловича на фоне аквамарина крыши церкви в Коренной пустыни и таким же цветом написаны слова ПАМЯТИ ЛЕОНАРДА МИХАЙЛОВИЧА ЗОЛОТАРЁВА. И фон Коренной пустыни здесь потому, что Леонард Михайлович любил это место за его ауру, за музей К.К.Рокоссовского – его любимого маршала, которому страна за его победы во время войны салютовала шестьдесят три раза. Леонард Михайло-

вич часто бывал в Коренной пустыни: в День рождения Серафима Саровского, в День открытия храма Рождества Богородицы, на празднике этом присутствовал и наш патриарх Кирилл, пришедший Крестным ходом из Курска, и просто мы семьёй ездили в Коренную каждое лето.

Там работа скульптора Вячеслава Клыкова – лучший Серафим Саровский – на пригорке, стоит на коленях, с руками, обращёнными к небу, под солнцем с постоянно сияющей аурой.

Вся первая треть журнала посвящена Леонарду Михайловичу. Её открывает его автобиография: в ней все этапы его жизни, основные события, смыслы, стремления, оценки: «благодарю судьбу за счастье жить на талантливой, стихийной, любвеобильной Орловщине, где небо – высокое, хлеба – седые, степь – широкая, раздольная, люди – талантливые и трудолюбивые».

Из статьи «Портрет писателя» хочется сказать о его аттрактивности, он притягивал к себе людей, у него было очень много друзей, начиная с пяти лет, когда он подружился с Володей Ефремовым, оставшимся его другом на всю жизнь, пока тот был жив.

Были друзья по классу, по школе, по улице, где жили, по волейбольной и футбольной команде, по интересам, а потом его персонажи, герои его очерков, рассказов все становились его близкими людьми. И всех он заряжал своей энергией, желанием ставить перед собой цели и достигать их. Алексей Зотиков рассказывал, что все факты в очерке были из его жизни, но он себя не узнавал. Леонард засветил в нём его возможности, и Алексей пошёл новой для него дорогой: учился, написал диссертацию, работал в институте Культуры, потом уехал в Москву работать в парламенте.

Приведём ещё слова Галины Борисовны Курляндской, большого учёного, доктора филологических наук, профессора, имевшего свою научную школу. Однажды она сказала: «Если бы вы знали, какое счастье для писателя, творческого человека, именно писать, творить. Когда книга выходит, это радость, а когда писатель пишет, создаёт своё произведение – вот настоящее счастье». Каким же счастливым должен был быть Леонард Михайлович, написавший более пятидесяти книг, он всё время был в творческом процессе до последних дней. Участвовал в Фетовском конкурсе поэзии с книгой «За околицей», выпустил журнал «Русское поле» №10. Он сделал всё, закончилась его миссия на земле, он выполнил своё предназначение, его последняя книга «Храм Спасения Руси» была обращением к душе, к небу, он был духовный человек. Прочитав писателя Валерия Протасова: «Роман масштабен по охвату мест, где происходит действие, по многообразию лиц и событий, по глубине смыслов, сплав органического единства лирики и эпоса, поэтической стихии и драматургии. Широкой и сочной кистью автор изобразил картины современной русской жизни, столицы и провинции, поэтической акварелью дал очерки среднерусской природы. Роман в полной мере современен, характеры героев многослойны, раскрываются в живой диалектике причин и следствий. Это звучащее полотно-симфония, сочетание гармонии и атонации. В нём всё даёт право назвать это произведение Храмом писательского вдохновения, высокого профессионального мастерства, поэзии красок и музыки чувств».

Несколько замечательных материалов в этом блоке посвящения принадлежат Виктору Фёдоровичу Садовскому: «От «БЕРЕСТЯНЫХ ПЕСЕН» до философии «ВЕЧЕРНЕГО ЗВОНА»; «МАСТЕР ЛЕОНАРДО ИЗ МАЛОАРХАНГЕЛЬСКА»; стихотворения «Аксакалу орловского аула писателей ЛЕОНАРДУ ЗЛОТАРЁВУ»; «МАСТЕРУ ЛЕОНАРДУ». В них Виктор Садовский даёт анализ творческого мастерства Леонарда Михайловича, цитирует Ольгу Кожухову, Петра Лукича Проскурина, руководителей

семинара в Туле, где Леонард Михайлович получил рекомендацию в Союз писателей России и был принят единогласно в 1973 году. Приведём отрывок. «Названия рассказов в книге «Берестяные песни» не что иное, как созданные народом музыкально-поэтические символы земли орловской, которые Леонард Золотарёв с любовью подбирал и бережно хранил в своём писательском портфеле. Вслушайтесь в их звучание: «Ключ-колодец», «Аксиньин свет», «Липа вековая», Мёд из подснежников», «Черёмуховы холода», «Ливенка»... – это музыка. Часто произведения Леонарда Золотарёва даже развиваются по законам музыки (повесть-причеть «Не рыдай меня, мати»...). Садовский приводит слова Ипатыча, героя рассказа «Берестяные песни» «Хорошо птице, когда ей летится... и поётся» добавляет автор статьи.

И ещё по катрену из названных стихотворений.

Аксакалу орловского аула писателей

*МИХАЛЫЧ, ты в писательском ауле – почтенный и мудрейший аксакал.
Какие бы ветра в горах ни дули, каким бы ни был злым судьбы оскал,
Пегас твой не срывался вниз со скал.*

МАСТЕРУ ЛЕОНАРДУ

*Ты пронёс достойно, Леонард,
Зная, что несли когда-то прадеды.
Если выстроить из книг твоих парад,
Будет тот парад на диво праведным!*

Дальше в этом блоке посвящения ещё много авторов, дадим отдельные цитаты, остальное читатели будут читать сами, трудно передать всё: тепло, нежность, уважение, любовь, всю гамму человеческих чувств, которую мы здесь найдём.

Владимир Вещунов с большим тактом и очень деликатно сделал своё посвящение Леонарду Михайловичу. Он назвал свой рассказ «Вечерний звон», как называется одна из книг Леонарда Михайловича, поставил эпиграфом его слова.

*Идут года. Непраздно и сурово,
Смотрю живущим, как себе, в глаза.*

Удивительный рассказ, как два слесаря случайно оказались на концерте мужского хора Московского Даниловского монастыря. Концерт так и назывался «Вечерний звон». Монастырь этот нам знаком, мы в нём бывали, там близко живёт наш воцерковлённый племянник с женой, у которых день всегда начинается с молитвы.

Вместе с молитвой они читают и своё стихотворение:

*В нашем доме нет камина
В нашем доме есть Господь
Он и зримо и не зримо
Согревает нашу плоть*

Знаем мы и историю Даниила Московского – покровителя Москвы, собирателя земли Русской.

Друзья после концерта стали другими людьми. «И словно выстраданное друзьями покаяние и вера их в незаблемость России, воссияла спасительная молитва к Богу:

*Боже, прости родную Русь!
Боже, спаси родную Русь!
Боже, храни родную Русь!»*

И воссиял притихший зал. Преображённый. И встали все. И многие молились».

Ольга Сокова пишет, что Леонард Золотарёв – уютный писатель. Персонажи его произведений, словно члены одной семьи, где всем хорошо, где все друг друга понимают. И ещё они вызывают чувство эмпатии. То ты сидишь с Демьянычем на пасеке и пьёшь чай из подснежников, то закликаешь с Ипатычем журавлей, то

оказываешься в романтическом старинном парке. Всё построено на мягких, живых контрастах. словно художник пишет влажные листья деревьев в парке с природы, словно только что прошёл дождь, природа и душа очистились от пыли обыденного, того, что мешает истинному людскому счастью.

Валентину Колабенкову тронул рассказ Леонарда Золотарёва «Улыбка Моны Лизы», шедевра Леонардо да Винчи, который посчастливилось увидеть писателю в Москве на выставке в музее изобразительных искусств имени А.С.Пушкина. Своей сокровенной улыбкой Мона Лиза открывает писателю три тайны: «тайну поэзии, тайну жизни, тайну любви – вот оно бессмертие». И любовь ко всему живущему на земле.

Зоя Федотовна Тарабрина в статье «За околицей» пишет о книге избранных стихотворений с таким названием, с которой Леонард Михайлович участвовал в первом фетовском конкурсе «Открытая премия» по случаю 200-летия Фета. В Новосёлках Мценского района литературные праздники проводятся ежегодно, здесь собирается весь район, приезжают гости из Орла, Тулы и других мест. Частым гостем был здесь и Леонард Михайлович – профессиональный поэт, писатель. Когда он читал своё стихотворение «Алёшня» (река недалеко от этого места), то слова, закончившие это стихотворение:

«Неси, Алёшня, рук моих тепло в Огромный Ледовитый океан» так привлекали слушателей, что они просили книгу, где есть это стихотворение. Найденное нужное слово для автора золото, муки поиска, радость и восторг, восторг и для читателей, слушателей. «Глаголом жги сердца людей» – главная заповедь поэта. Книгу «ЗА ОКОЛИЦЕЙ» завершает стихотворение «Глаголы» из книги с таким же Названием.

*Слова, слова, а нужно лишь одно.
Своё на вес, на цвет, на вкус и запах.
В строку улечься, в ритм войти должно –
Пружинистое, как сердечный клапан.*

Дорогие друзья-издатели нашли необыкновенные слова памяти Леонарда. Александр Владимирович Воробьёв одним словом в названии «Достойный» выразил всю личностную сущность писателя, а его творчество катреном из ставшего классическим стихотворения «Родная речь».

*Ты хранись в нас, о русская речь –
Русь, Россия великая, мать
За тебя уж пришлось в землю лечь,
За тебя ещё будем стоять!*

Александр Иванович Лысенко заканчивает свою публикацию метафорой, как мастер художественного слова. «Вспоминая известную песню «Русское поле», хочется подкорректировать последнюю строчку, где поётся:...Здравствуй русское поле, я твой тонкий колосок..., жизнь и творчество Леонарда Михайловича Золотарёва – золотой колосок в литературе и культуре России».

Валерий Ходулин, бывший старший редактор Приокского книжного издательства, член Союза писателей СССР и России с 1972 г., почётный гражданин города-героя Тулы, «через душу и сердце которого прошла книга «Костровый пояс» Леонарда Золотарёва, пишет: «Слава Леонарду Золотарёву за то, что он спел свою лебединую песню, которая в виде журнала «Русское поле», разлетелась по всей России, и автор этих строк печатал в нём свои произведения.

Вечная память тебе, Леонард! Ты настоящий человек, настоящий писатель, настоящий друг. Царствие тебе небесное».

Приведём несколько строк из письма наших французских друзей, которые прислала Моник Пайар: «Леонард был похож на русского, каким его представ-

ляют себе французы: большой, сильный, открытый, величественный и естественный. Земля и Небо. Мир был слишком тесен для него. Я думаю, что таким же был его стиль. Может быть, я не права, но мне хочется верить в это, мне нравится в это верить. Я считаю для себя честью, что я его знала, знала недолго, но достаточно, чтобы он нашёл своё место в моём сердце и остался в моей памяти».

В журнале есть все рубрики, как во всех номерах «Русского поля». Блок поэзии большой, разнообразный, достойный. С интересными подборками выступили Ирина Семёнова, Валентин Васичкин, Михаил Турбин, Антонина Сытникова, Татьяна Грибанова, Валентина Корнева, Марина Карлова, Василий Катанов, Елена Машукова, Елена Пимкина, Анастасия Бойцова. В их стихах гуманизм, любовь, красота. Лейтмотивом всех поэтов является тема Родины, воспевания Отчизны, без этого вообще нет русской поэзии. Но выберем стихотворения-посвящения Леонарду Золотарёву.

Елена Пимкина. Памяти Леонарда Золотарёва

*Тот серый снег... Он изначально белым был,
И плыл над городом, снежинками сверкая,
А у дверей стояла, замерзая, та женщина, которую любил.
Ложился, словно кисти по холсту, белилами прокладывал ажур.
И Моны Лизы покидали Лувры в обмен на снеговую суету.
Она ж стояла и смотрела на следы, мешавшие белила с грязью,
И навсегда была ослеплена их связью с небес растаявшей святой воды.*

Антонина Сытникова. Памяти Л.М.Золотарёва

*Вросший корнями в Малоархангельск, в поле бескрайнее пылко глядел.
И милосердной судьбе благодарность – множество разных свершившихся дел.
Мог ведь не выжить в войны лихолетье, пуля шальная, голодная смерть
Скалились злобно. Малец шестилетний сразу стал взрослым. Отныне и впредь
Только безбрежного поля просторы в душу вселяли желанный покой.
С неудержимым могучим напором в жизнь прорывались строка за строкой.
Труд вдохновенный на полную силу. И наступило оно – торжество.
Заколосилось не только в России «РУССКОЕ ПОЛЕ» его.*

Михаил Турбин. Памяти Леонарда Золотарёва

«Мы вдвоём с конём по полю идём...» (из песни, которую он любил)

Утрата

*Сочность слога – от быта простого, но всему есть на свете предел...
С древа жизни (всегда молодого) золотой лист внезапно слетел.
Лист – не лист, но светлее и краше многих тех, кого встретил в пути...
Он, что жёлудь на землю упавший, спит, чтоб заново к свету взойти.
Улетел, словно птица из сказки, принимай его синь-бирюза...
В нём сидела такая закваска, от которой случилась беда.
Запоёт и – стихает застолье,
Дивный тенор, и столько огня
...В одиночестве конь через поле не пойдёт, как и он без коня.*

Теперь о прозе. Она интересная. У Валерия Анишкина – это глава из романа «Циник» о необычных способностях человека и о проблемах, которые они могут вызвать у самого человека и у окружающих, что такие способности не зависят от людей, но являются для них большой ответственностью.

Веркеенко Геннадий Петрович посвящает свой рассказ нашему земляку – ветерану войны Цокову Николаю Егоровичу, которого, оказалось, знаем и мы, общались с ним, он звонил Леонарду Михайловичу уже в то время, когда выходили

журналы,. Как хорошо, что его история «не канула в Лету, что он с нами в бесконечной реке памяти» Рассказ заканчивается словами, которые любил повторять Николай Егорович: «Когда вам будет трудно, вспоминайте о нас, – станет легче».

Татьяна Грибанова названием рассказа «Наше» сразу проникает в наше сознание и подсознание и ведёт за собой к нашим корням, к нашим глубинным истокам. Приведём её же эпиграф к рассказу.

*Земля лугов душистых, росных,
Российских далей глубина.
О, край июньских сенокосов!
И синь прудов, и тишина...
Пройди тернистые дороги,
Босая, по своим грехам
Иду к отцовскому порогу,
К твоим, Россия, берегам.*

Отрывок из документальной повести «Всех скорбящих радости» Людмилы Ивановой – это боль и скорбь о священнослужителях, погибших от репрессий, отдавших жизнь за веру, за преданность своему служению религии и Отчизне.

Геннадий Майоров с рассказом «Студентка». Интересный сюжет из современной жизни, молодая женщина в сложных жизненных условиях сумела выстоять, найти смысл жизни: делать добро другим, делать жизнь вокруг себя лучше, растить детей своей тяжело больной сестры, заботиться о своих родителях. Её жизнь нужна людям: страдать, терпеть, любить – это всё русский характер. Она активна, находит в себе силы, чтобы быть полезной обществу, в кафе, где работает, затевает ремонт, из «забегаловки» делает место общения, отдыха с современным сервисом. Люди её уважают. В этом её счастье, и личная жизнь, в которой не всё ладно, сложится обязательно.

Есть в журнале и совсем маленькие рассказы, которые тоже заслуживают внимания. Валентна Порседда с рассказом «Ужасная ночь», о страшном урагане, который она пережила одна ночью, ожидая мужа из аэропорта;

Ольга Александрова о Полине Виардо «Женщина, которую любил Иван Тургенев»; Жанна Травинская с очень трогательным рассказом «Я родом из Дебальцево». В рубрике «Молодые голоса» московский автор Дарья Усачёва в каждом номере даёт описание своих путешествий по Европе и России. В этом номере «Север не отпускает» она пишет о Мурманске, Северном сиянии и приключениях, которые им приготовило северное сияние.

Есть в журнале место классикам. Бунин-юбиляр (150 лет) со своими стихами, Чехов, которого Бунин любил больше всех из современных ему писателей (140 лет), с неизвестным рассказом «Страхи».

А также произведения недавно ушедших писателей, которых помним: Сергей Пискунов, Виктор Дронников, Игорь Лободин.

Есть и рассказы для детей Михаила Коньшина и Игоря Золотарёва.

В «Краеведении» глава Малоархангельска пишет о парке имени А.С.Пушкина, который будет обустроен летом этого года (деньги город выиграл в конкурсе).

Не забыли и наше село, в конце журнала дана статья Марианы Мищенко «Урожайная осень «Щёлково Агрохим» с яркой фотографией.

Заканчивается журнал стихотворением М.Ю.Лермонтова «МОЛИТВА» и Молитвой де Сент-Экзюпери, процитируем несколько строк из последней.

*Господи, ты знаешь, как сильно мы нуждаемся в дружбе. Дай мне быть
Достойным этого самого прекрасного и нежного Дара Судьбы.
Убереги меня от страха пропустить что-то в жизни.
Дай мне не то, что я себе желаю, а то, что мне действительно необходимо.*

**КЛАССИКИ-ЮБИЛЯРЫ:
200 ЛЕТ - Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ, Г. ФЛОБЕР, Н.А. НЕКРАСОВ,
190 ЛЕТ - Н.С. ЛЕСКОВ**

ОЛЕГ ОСМОЛОВСКИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТОД ДОСТОЕВСКОГО

Особое место Достоевского в истории литературы определяется прежде всего тем, что он разработал новый творческий метод – символический реализм и на его основе создал оригинальную форму трагедийного идеологического романа, обладающую огромным масштабом обобщения. способностью запечатлеть реальное и сверхреальное бытие, разлагающуюся и вновь созидающуюся жизнь и авторские пророчества о будущем человечества. Уникальная сила символического мышления позволила писателю проникнуть в запредельные миры и неизведанные бездны человеческой души, выразить свое прозрение о сущности человека и бытия. Одно из уникальных его достижений – постижение и художественное воплощение трансцендентной реальности, во многом определяющей существование и судьбу человека. Ему свойственно также ясновидение человеческой души и тайн бытия. Он проник в неизведанные бездны чело-веческого духа и души, показал человека в пределах его возвышения и падения, произвел феноменальное по глубине исследование трагедии свободы, иррациональных сил человеческой психики и бытия. Прорыв в глубины человеческого духа и души, новое измерение человека и бытия не только по их наличному состоянию, но и по потенциалу и перспективе развития был определяющим в реконструкции его романа. На основе русской традиции Достоевский осуществил гигантский синтез достижений мировой художественной культуры и создал новый тип романа, неизмеримо расширившего возможности постижения бытия в его трагических противоречиях и конфликтах, эстетическое освоение исторических и вечных идей, характеризующих духовно-нравственное состояние общества. Писатель сознавал особую роль идей в организации жизни и судьбе людей и посвятил свое творчество развенчанию античеловеческой идеологии, утверждению спасательной роли христианского миропонимания.

Достоевский прежде всего – философ свободы. «Свобода для Достоевского, – по мысли Джанлоренцо Пачини, – является самым настоящим постулатом, самым главным и превосходящим все остальные, а все его творчество можно рассматривать как грандиозную фреску, где изображены необычайные и необычно многообразные пути человека к своей самореализации, или как гимн его свободе. Проблема духовной самостоятельности человека, спасения души и личности стала центральной в философии и творчестве художника. Его романы посвящены развенчанию индивидуалистических концепций свободы и обоснованию спасительной роли религиозного опыта свободной жизни, свободы в Боге. Он занимает одно из ведущих мест в создании христианской культуры, утверждении религиозного смысла жизни.

Смысловой центр идеологического романа составляют диалогические сцены. Их конструктивной основой является полемика с рационалистической диалектикой. Русский писатель постигает сущность жизни и человеческой души через вживание и непосредственный опыт. Овладение высшей истиной происходит не в теоретическом споре, а в прозрении воли Бога. Диалектика Достоевского близка к христианской и составляет конструктивный принцип его романов, их «полифонической» структуры.

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

– Я теперь во хмелю, генерал, – засмеялась вдруг Настасья Филипповна, – я гулять хочу! Сегодня мой день, мой табельный день, мой высокосный день, я его давно поджидала.

– Я не смеюсь, Настасья Филипповна, я только с величайшим вниманием слушаю, – с достоинством отпарировал Тоцкий.

– Ну вот, за что я его мучила целые пять лет и от себя не отпускала? Стоил ли того! Он просто таков, каким должен быть... Еще он меня виноватую пред собой сочтет: воспитание ведь дал, как графиню содержал, денег-то, денег-то сколько ушло, честного мужа мне приискал еще там, а здесь Ганечку; и что же б ты думала: я с ним эти пять лет не жила, а деньги-то с него брала и думала, что права! Совсем ведь я с толку сбила себя! Ты вот говоришь, сто тысяч возьми да и прогони, коли мерзко. Оно правда, что мерзко... Я бы и замуж давно могла выйти, да и не то что за Ганечку, да ведь очень уж тоже мерзко. И за что я моих пять лет в этой злобе потеряла! А веришь иль нет, я, года четыре тому назад, временем думала: не выйти ли мне уж и впрямь за моего Афанасия Ивановича? Я тогда это со злости думала; мало ли что у меня тогда в голове перебивало; а ведь, право, заставила б! Сам напращивался, веришь иль нет? Правда, он лгал, да ведь падок уж очень, выдержать не может. Да потом, слава богу, подумала: стоит он такой злости! И так мне мерзко стало тогда вдруг на него, что, если б и сам присватался, не пошла бы. И целые-то пять лет я так форсила! Нет, уж лучше на улицу, где мне и следует быть! Иль разгуляться с Рогожиным, иль завтра же в прачки пойти! Потому ведь на мне ничего своего; уйду – всё ему брошу, последнюю тряпку оставлю, а без всего меня кто возьмет, спроси-ка вот Ганю, возьмет ли? Да меня и Фердыщенко не возьмет!..

– Фердыщенко, может быть, не возьмет, Настасья Филипповна, я человек откровенный, – перебил Фердыщенко, – зато князь возьмет! Вы вот сидите да плачетесь, а вы взгляните-ка на князя! Я уж давно наблюдаю...

Настасья Филипповна с любопытством обернулась к князю.

– Правда? – спросила она.

– Правда, – прошептал князь.

– Возьмете, как есть, без ничего!

– Возьму, Настасья Филипповна...

– Вот и новый анекдот! – пробормотал генерал. – Ожидать было можно.

Князь скорбным, строгим и проницающим взглядом смотрел в лицо продолжавшей его оглядывать Настасьи Филипповны.

– Вот еще нашелся! – сказала она вдруг, обращаясь опять к Дарье Алексеевне. – А ведь впрямь от доброго сердца, я его знаю. Благодетеля наша! А впрочем, правду, может, про него говорят, что... того. Чем жить-то будешь, коли уж так влюблен, что рогожинскую берешь, за себя-то, за князя-то?..

– Я вас честную беру, Настасья Филипповна, а не рогожинскую, – сказал князь.

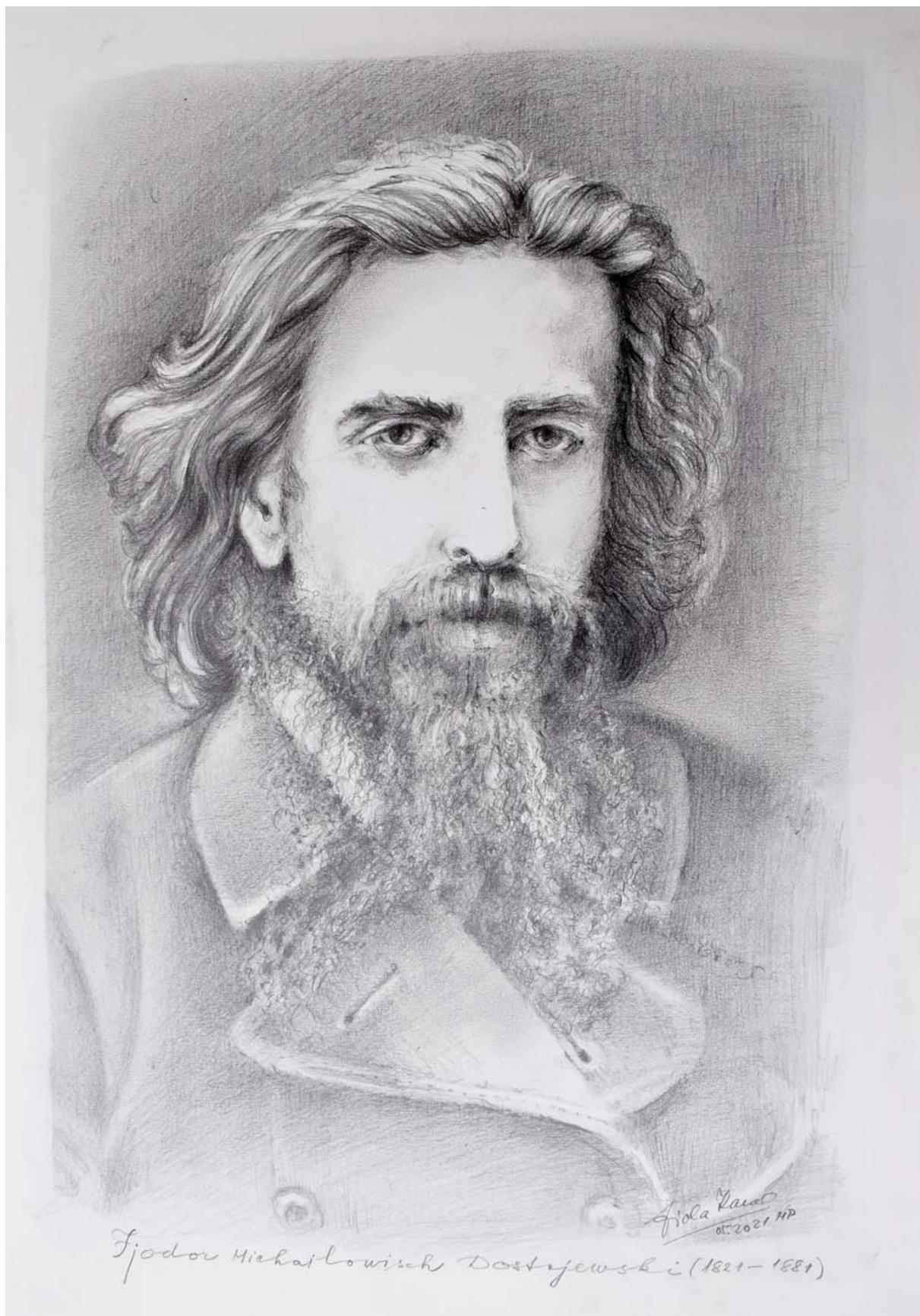
– Это я-то честная?

– Вы.

– Ну, это там... из романов! Это, князь голубчик, старые бредни, а нынче свет поумнел, и всё это вздор! Да и куда тебе жениться, за тобой за самим еще няньку нужно!

Князь встал и дрожащим, робким голосом, но в то же время с видом глубоко убежденного человека произнес:

– Я ничего не знаю, Настасья Филипповна, я ничего не видел, вы правы, но я... я сочту, что вы мне, а не я сделаю честь. Я ничто, а вы страдали и из такого ада чистая вышли, а это много. К чему же вы стыдитесь да с Рогожиным ехать хотите? Это

Федор Михайлович Достоевский

лихорадка... Вы господину Тоцкому семьдесят тысяч отдали и говорите, что всё, что здесь есть, всё бросите, этого никто здесь не сделает. Я вас... Настасья Филипповна... люблю. Я умру за вас, Настасья Филипповна... Я никому не позволю про вас слова сказать, Настасья Филипповна... Если мы будем бедны, я работать буду, Настасья Филипповна...

При последних словах послышалось хихиканье Фердыщенко, Лебедева, и даже генерал про себя как-то крикнул с большим неудовольствием. Птицын и Тоцкий не могли не улыбнуться, но сдержались. Остальные просто разинули рты от удивления.

– ...Но мы, может быть, будем не бедны, а очень богаты, Настасья Филипповна, – продолжал князь тем же робким голосом. – Я, впрочем, не знаю наверно, и жаль, что до сих пор еще узнать ничего не мог в целый день, но я получил в Швейцарии письмо из Москвы от одного господина Салазкина, и он меня уведомляет, что я будто бы могу получить очень большое наследство. Вот это письмо...

Князь действительно вынул из кармана письмо.

– Да он уж не бредит ли? – пробормотал генерал. – Сумасшедший дом настоящий!

На мгновение последовало некоторое молчание.

– Вы, кажется, сказали, князь, что письмо к вам от Салазкина? – спросил Птицын. – Это очень известный в своем кругу человек; это очень известный ходок по делам, и если действительно он вас уведомляет, то вполне можете верить. К счастью, я руку знаю, потому что недавно дело имел... Если бы вы дали мне взглянуть, может быть, мог бы вам что-нибудь и сказать.

Князь молча, дрожащею рукой протянул ему письмо.

– Да что такое, что такое? – спохватился генерал, смотря на всех как полоумный, – да неужто наследство?

Все устремили взгляды на Птицына, читавшего письмо. Общее любопытство получило новый и чрезвычайный толчок. Фердыщенко не сиделось; Рогожин смотрел в недоумении и в ужасном беспокойстве переводил взгляды то на князя, то на Птицына. Дарья Алексеевна в ожидании была как на иголках. Даже Лебедев не утерпел, вышел из своего угла и, согнувшись в три погибели, стал заглядывать в письмо чрез плечо Птицына, с видом человека, опасющегося, что ему сейчас дадут за это колотушку.

– Верное дело, – объявил наконец Птицын, складывая письмо и передавая его князю. – Вы получаете безо всяких хлопот, по неоспоримому духовному завещанию вашей тетки, чрезвычайно большой капитал.

– Быть не может! – воскликнул генерал, точно выстрелил.

Все опять разинули рты.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВА

ОДИНОКИЙ РЫЦАРЬ СЛОВА

(к 200-летию со дня рождения Гюстава Флобера
и 165-летию его романа «Госпожа Бовари»)

«Нужно всегда надеяться, когда отчаиваешься, и сомневаться, когда надеешься»

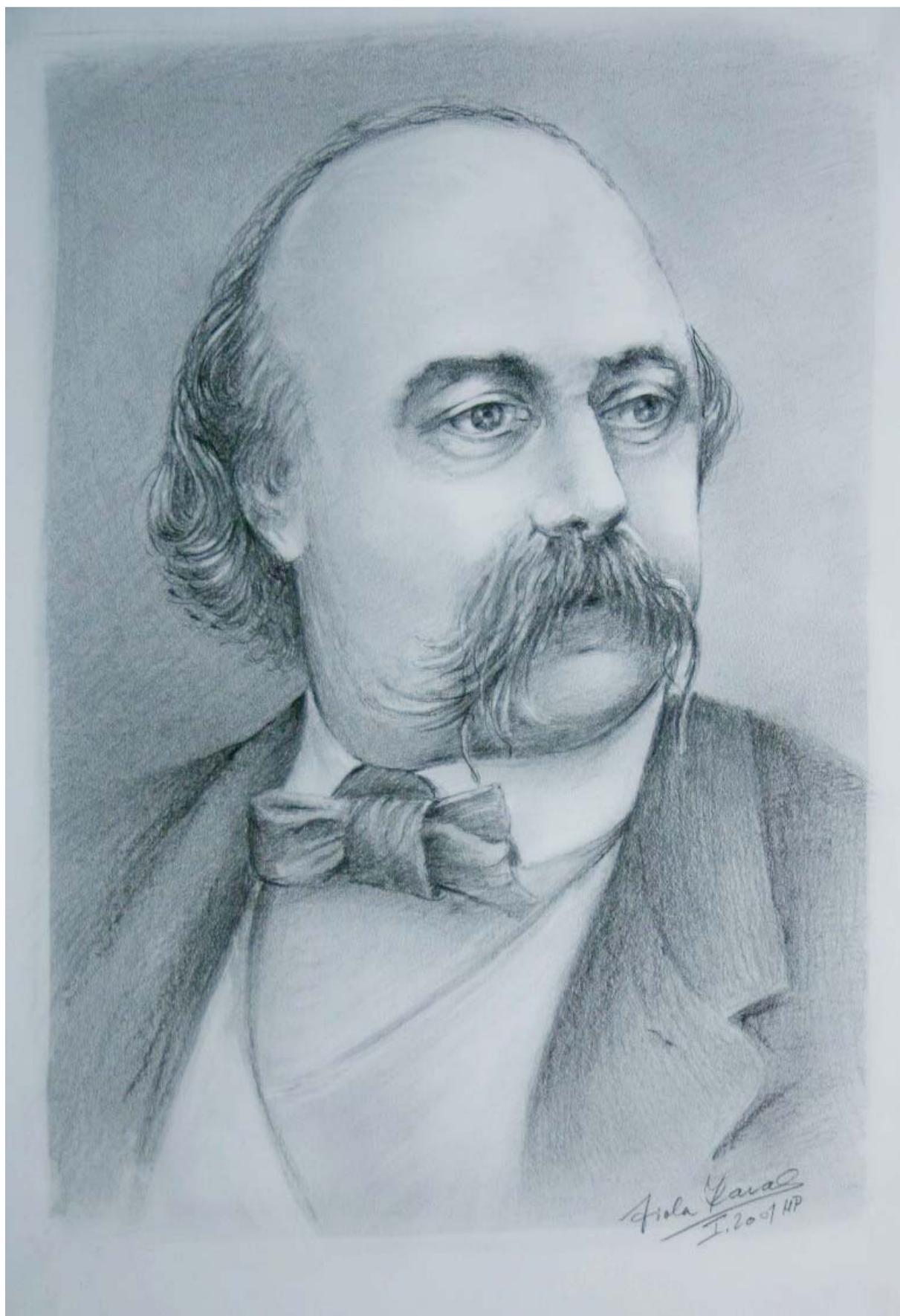
Автором этой цитаты, как и многих других известных цитат, является французский писатель Гюстав Флобер, произведения которого в середине 19 века считали пошлыми и аморальными, и который сегодня считается во Франции ведущим на-

циональным мастером пера наравне с Ги де Мопассаном и Оноре де Бальзаком. Всемирную известность принесли писателю его книги «Госпожа Бовари» и «Воспитание чувств», написанные в жанре реализма с нотками психологизма и натурализма.

Гюстав Флобер родился 200 лет назад – 12 декабря 1821 года в исторической столице Нормандии – городе Руане. Талантливый хирург Ашиль Клеофас Флобер и дочь врача Анна Жюстин Флерио с трепетом ждали этого малыша – до Гюстава в семье умерли трое детей. Его отец был главврачом Руанской больницы, поэтому семья жила в пристроенном к больнице флигеле. Эта безрадостная атмосфера и непосредственное соседство болезней и смертей сыграли большую роль в формировании и становлении характера юного Гюстава, и оставили след на всю его жизнь. Ни от отца, человека больших знаний и сильной воли, но которого его работа и зависть коллег сделали мрачным и озлобленным, ни от значительно старшего брата, тоже пошедшего по стопам отца и ставшего хирургом той же больницы, мальчик не получал ни тепла, ни ласки. Его единственной родственной душой в семье была нежно любимая младшая сестра Кэролайн. Но она была очень слабой и болезненной и умерла в возрасте 22 лет. В том же, 1846 году, умер и его отец. И после этого его семьёй и самыми сильными привязанностями в его жизни будут его мать, женщина умная, но со своеобразным характером, а также племянница, дочь сестры, которая родилась перед самой её смертью.

Писательством Гюстав увлёкся очень рано, чуть ли не с 8-летнего возраста. В 1830 году девятилетний мальчик сообщает в письме своему другу, Эрнесту Шевалье, ставшему впоследствии известным французским политиком, о своём желании писать театральные пьесы. С 1832 года он посещает лицей в Руане, где слышит особо интеллигентным и способным учеником, который правда без всякого интереса относится к изучаемым программным предметам, выбирая сам то, что ему хотелось бы изучать. Окружающие часто удивлялись образованности юного Гюстава, его поистине энциклопедическим знаниям. Он жадно читает книги известных историков, поэтов, писателей. Его любимыми авторами в то время являются Джорж Байрон, Виктор Гюго, Александр Дюма, Вольфганг Гёте, Вильям Шекспир, Вальтер Скотт, Мигель Сервантес. В 1834 году он с другом Шевалье организует рукописный журнал «Искусство и прогресс», в котором публикует свои первые литературные опыты. К примеру свой наполненный детской романтикой роман об Изабелле Баварской, переводы с латинского языка. В 1838 г. выходят в свет три его рассказа, в которых чувствуется сильное влияние Байрона, перед которым мальчик в то время преклонялся, а также его «Мемуары безумца», где он очень откровенно повествует о внутренних переживаниях гимназиста, его мечтах и глубоком пессимизме, и где очень правдиво и достоверно рассказывает о своей первой юношеской влюблённости в подругу своей сестры. А год спустя, во время своих летних каникул в Тревилле, он знакомится с 27-летней Марией-Элизой, женой немецкого музыкального издателя Мориса Шлезингера, влюбляется в неё и сохраняет эту трепетную, благоговейную и недостижимую любовь на всю свою жизнь. Она будет отныне его музой и источником вдохновения для многих его будущих произведений. Так, она станет прототипом главной героини его романа «Воспитание чувств».

После окончания лицея в Руане в 1840 году, Гюстав, по настоянию отца, едет в Париж и поступает там на юридический факультет. Столица Франции показалась ему отвратительной, а избранная отцом профессия – скучной. Поэтому, не окончив первого курса Гюстав отправляется в путешествие по Пиренеям и Корсике. Вернувшись в Париж, он ведёт богемную жизнь, встречается со многими известными людьми и много пишет. Среди его новых знакомых – одна довольно известная

Густав Флобер

*Жорж Санд – большой друг Флобера и Тургенева,
классик французской литературы*

Полина Виардо – женщина, которую любил Тургенев, знаменитая певица, композитор, выдающаяся личность XIX века. 200-летие отмечалось в этом году

писательница и поэтесса - Луиза Коле, которая также как и прежняя его подруга была на 11 лет старше. Между ними начинается продолжительная любовная связь, которая неоднократно прерывалась всё снова и снова повторяющимися расставаниями. И всё же именно с ней, и только с ней одной, у Флобера были довольно длительные отношения. Они никогда не жили вместе. Все её попытки как-то упорядочить их связь встречали отпор со стороны Гюстава. Он был тогда привлекательным, гордым, не по годам развитым молодым мужчиной. Она была старше и опытной, цветущая, эффектная блондинка, почти знаменита и окружена поклонниками, но одновременно с этим – очень доброе, нежное, созданное для любви существо. Луиза страстно влюбилась в Гюстава. Эта красавица, избалованная вниманием и поклонением, забыв о гордости, буквально унижалась, вымаливая любовь у молодого, ещё никому не известного юноши. По-своему он тоже любил её, но настаивал на своём варианте взаимоотношений, основанных на его спокойствии и личном удобстве, не заботясь при этом о чувствах возлюбленной. Предлагал встречаться два раза в месяц, что конечно не могло удовлетворить влюблённую женщину. Похоже, что он всегда искал в женщинах некоей материнской любви, но Луиза Коле, намного более опытная в любовных взаимоотношениях, чем Флобер, не смогла этого понять и дать ему. Поэтому здесь нельзя кого-то винить. Ведь вся вина молодого человека заключалась лишь в том, что Луиза не была той женщиной, которая ему была нужна, и их любовная связь была обречена на неудачу, что и произошло через 3 года. Хотя за разлуками следовали новые встречи. Луиза постоянно прилагала усилия, чтобы восстановить их отношения, неоднократно просила Гюстава представить её его матери, даже одно время лелеяла надежду родить от него ребёнка, на что он категорично ответил ей в своём письме: «Идея привести кого-то в мир наполняет меня ужасом. Я бы проклял себя, если бы стал отцом. Лучше пусть погибнет моя плоть, чем я обреку кого-то на позор существования». Имея такую позицию, не удивительно, что он за всю жизнь так и не обзавёлся ни женой, ни детьми. От их любовной связи остались только многочисленные письма, которыми они обменивались на протяжении многих лет и которые дошли до наших дней и были изданы в книге «Вербена и Мускус». В этих письмах, кроме личных тем, они рассуждали о роли творчества, тонкостях французского языка, отношениях между мужчиной и женщиной.

Несмотря на чувства неудовлетворённости и внутреннего неприятия, вызванные навязанной ему учёбой, Флобер создаёт в это время уже более зрелые произведения, которые своим стилем и содержанием свидетельствуют о потенциальном незаурядном таланте начинающего писателя, например его рассказ «Ноябрь» – этакое меланхоличное сведение счетов с разочарованиями юности.

В 1843 году у Гюстава обнаружили первые признаки эпилепсии, болезни, которой страдал и писатель Фёдор Достоевский. Воспользовавшись этим, он прерывает свою учёбу и поселяется с матерью и племянницей (дочерью сестры), в маленьком городке Круассе, неподалёку от Руана, где его отец в 1844 г. приобрёл небольшое поместье. Этот дом в Круассе сыграл в судьбе писателя значительную роль. Именно там окончательно сложился образ жизни Флобера. Отныне этот город будет связан с именем Флобера также, как Веймар связан с именем Гёте, а Зальцбург – с именем Моцарта. И здесь, в этом городке, в жизни Флобера происходят кардинальные изменения. Жизнерадостный молодой человек, жадный до всех жизненных наслаждений, жаждущий любви и власти, вдруг как-будто переродился. Отныне он принуждает себя добровольно отказаться от всех мечтаний юности, потому что в нём созревает новая, более глубокая, переполняющая его до краёв цель или потребность. Он видит перед собой своё предназначение и отчётливо понимает, что на протяжении всей своей жизни будет прикован к письменному

стола, как Прометей к своей скале. Он предчувствует все грядущие мучения от поисков единственно верного слова. Ведь это именно он выдвинул теорию «точного слова». И он спокойно и без колебаний выбирает этот путь. Неверно было бы сказать, что именно его болезнь подтолкнула его к этому решению. Нет, для этого нужно было иметь ту невероятно огромную, просто чудовищную силу воли, которой обладал этот человек, и который уже отчётливо в тот момент видел перед собой все предстоящие годы, в которые он по 14-16 часов в день будет проводить за работой. Болезнь была не причиной, а как-бы толчком к такому кардинальному изменению своей жизни, которое можно было бы сравнить с решением некоторых мужчин отказаться от мирской жизни и полностью посвятить себя служению Богу. Здесь нужно добавить, что наследство, оставленное ему умершим в 1846 году отцом, позволило Гюставу задуманное воплотить в жизнь. 24-летний Флобер пишет в это время своему другу Максиму дю Кану: «Раньше я не был таким. Эта перемена произошла во мне очень естественно. Но и моя воля сыграла в этом свою роль. Я надеюсь, что и дальше она будет мне сопутствовать и не ослабнет со временем.»

В этот период Флобер пишет первую версию своего романа «Воспитание чувств». Этот роман стал первым действительно заслуживающим внимания произведением Флобера, описывающим реальных людей. В романе рассказывается о двух друзьях, в одном из которых легко узнаётся сам Флобер, такой, каким он себя видит или каким он хотел бы себя видеть: молодой человек, который живёт в мечтах и который не вписывается с этими мечтами в обычную, действительную, реальную жизнь. Друг же его олицетворяет собой всё то, чем он сам быть не может – он один из тех, кому свойственны решительность, практичность, трезвость ума, кто уверен в себе и успешен в жизни. Возможно, что прототипом этого героя явился друг Гюстава Максим дю Кан. Он был посредственным поэтом, но зато при этом большим франтом, богатым, независимым, с лёгким живым характером, что производило сильное впечатление на тяжёлого на подъём, медлительного, неуверенного в себе и склонного к депрессиям Гюстава. Они проводят вместе много времени, предпринимают ряд совместных путешествий. Порой не очень дальних – как трёхмесячный поход с рюкзаками по Бретани и Нормандии летом 1847 года (что очень положительно сказалось на состоянии здоровья Флобера). А год спустя отправляются в поездку по странам Востока, во время которой посещают Египет, Иерусалим, Сирию, Ливию, Палестину, Константинополь, и из которой только через 19 месяцев возвращаются домой. Конечно не стоит говорить о том, сколько пережитых приключений, сколько сильных впечатлений, сколько интересных информационных материалов, так важных для всякого писателя, было привезено с собой. Гюстав попутно всё записывал и документировал, чтобы потом использовать в своих будущих произведениях. А ещё эти путешествия способствовали личностному становлению молодого писателя, он вырос, набирался жизненного опыта. Довольно трудно провести чёткую грань, где кончается юный и начинается зрелый Флобер. Но скорее всего эту грань следует отнести к началу 50-х годов, к моменту завершения его поездки по Востоку. В 1950 году, в период этого серьёзного духовного перелома, он написал: «Мы все явились на свет или слишком рано, или слишком поздно... Чтобы создать что-либо длительное, необходима твёрдая база; нас тревожит будущее, нас удерживает прошлое. Вот почему ускользает от нас настоящее».

Кстати накануне той длительной поездки по Востоку, ещё один из самых ближайших друзей Гюстава – Луи Буйле, поведал ему историю о некоей Дельфине Деламар. Она была женой одного провинциального нормандского врача, слабого, глубоко неуверенного в себе человека, работавшего в маленьком городке неподалёку от Руана. После нескольких любовных связей на стороне, она покончила жизнь само-

убийством путём отравления. И эта коротенькая незамысловатая история застряла в голове Гюстава и совершала там свою творческую работу во время всего долгого путешествия. Вернувшись домой, Флобер приступил к работе над романом «Госпожа Бовари», которая продолжалась около пяти лет. Точнее роман был закончен писателем ровно через 56 месяцев. В центре сюжета – Эмма Бовари, несчастливая в браке женщина. Мадам не стыдится изменять супругу, который очень её любит, на подарки для своих молодых избранников женщина тратит семейное состояние, со временем начинает закладывать драгоценности и недвижимость. Летальный исход от неудовлетворённости жизнью, окружающего позора и собственной никчемности – вот что в конечном итоге ожидает госпожу Бовари, а её верного супруга, который и после смерти жены и её полного разоблачения продолжает её любить и даже общаться с любовниками жены – клеймо ничтожества. Но такой пересказ сюжета был бы слишком схематичным и неглубоким. Роман содержит в себе намного больше, иначе не стал бы он всемирно известным, и не способствовал бы причислению его создателя к плеяде крупнейших европейских писателей XIX века.

Готовясь к работе над «Госпожой Бовари», Флобер ставит перед собой задачу создать нечто новое. Он старается не отвлекаться на посторонние дела, ежедневно работает по многу часов, но его усердие поначалу вознаграждается лишь крупицами сделанного: «...моя книга с трудом продвигается вперёд»; «Проклятая Бовари мучит и изводит меня»; «Бовари ползёт черепашным шагом»; «Бывают минуты, когда я готов плакать от бессилья». Этот вопль души Флобера можно найти почти в каждом его письме того времени. Снова и снова повторяет он своим корреспондентам, что «книга никогда не будет мне по нраву», что он с отвращением относится «к сюжетам, взятым из обыденной жизни», что проклинает пошлость своих персонажей и что мечтает о других произведениях, соответствующих его темпераменту и вкусу. И всё же работа над «Бовари» приносит ему не только одни огорчения. Флобер буквально потирает руки от удовольствия, когда заканчивает очередную сцену, искренне радуется каждой находке, каждой удачно найденной детали, каждой хорошо написанной фразе. Однажды он скажет: «Какой же механизм заключает в себе простота, и как много нужно уловок, чтобы быть правдивым!» Именно трудность поставленных перед собой задач, так замедляла его работу. В «Госпоже Бовари» он пытался выразить своё отношение к окружающей жизни, художественно претворить эстетические принципы, которые он в ту пору исповедовал. Роман всё больше приобретал многоплановый характер и глубокий социально-философский смысл.

Драматическим узлом романа является столь распространённый в литературе романтизма конфликт между мечтой и действительностью. Флобер психологически тонко и не спеша рассказывает о всех душевных трансформациях Эммы. Он посмеивается над её неискущённостью в жизни, над её мечтами провинциалки. В рассказ вторгаются грёзы Эммы об идеальных героях, об экзотических странах. Где-то был иной мир, полный элегантных мужчин, волнующих страстей. Но каждое утро по-прежнему приходил почтовый конюх, каждое утро, в дождь и снег, муж уезжал на работу. И если Эмма всё больше и больше испытывает неудовлетворённость, то её муж Шарль считает себя человеком, нашедшим полное счастье. Его манеры становятся всё более вульгарными, круг его интересов сужается. Теперь уже и Эмма начинает опускаться, перестаёт играть на рояле, следить за собой... Супруги переезжают в другой город. И Ионвиль, который при первом знакомстве показался Эмме «таким маленьким», и на самом деле имел одну-единственную улицу с немногими бедными лавчонками. Но в миниатюре он представлял собой всю Францию. Здесь было своё дворянство, своё духовенство, своя буржуазия, свои рабочие и крестьяне, свои нищие, а место военных здесь занимали пожарные, ко-

торые маршировали в праздничные дни. Если присмотреться к этим людям повнимательней, они производят странное впечатление: живут бок о бок, но, по существу, разобщены, глубоко равнодушны друг к другу и даже подчас враждебны...

К своей героине Флобер относится двойственно. Её рахитичные, мещанские представления о счастье, об идеальном любовнике порождены всё той же пошлостью мелкобуржуазного существования. Но Эмму возвышает над прочими персонажами её искреннее желание выйти за пределы тусклой жизни и, не считаясь со «здравым смыслом», который стал житейской философией буржуа, добиться осуществления своей мечты. Вопреки этому «здравому смыслу», не задумываясь над будущим, Эмма готова бежать со своим любовником Родольфом, она готова толкнуть давнишнего друга семьи Леона на преступление, ибо сама способна на всё во имя любви. Смерть Эммы возвышает её над окружающими. Она поняла, что всё, что было с ней самой и во всём мире, оказалось обманом. Трагедия Эммы не в том, что она возымела смелость мечтать, не в том, что она, борясь за эту мечту, оставалась верна ей до последней минуты, а в том, что мечта эта не могла осуществиться.

Создавая свой роман, Флобер пытался воплотить в нём принцип безличного искусства: «Я хочу, чтобы в моей книге не было ни одного движения, ни одного замечания, изобличающих автора». И действительно, мы почти не находим в романе авторских реплик или комментариев. Но личность автора всё же проявляется в том, как он расставляет свои персонажи, какими чертами он их наделяет. При чтении мы отчётливо чувствуем, где проходит граница любви и ненависти Флобера. Для него самого ещё совсем недавно остро стояли вопросы возможного и существующего, мечты и действительности. «Госпожа Бовари – это я!» – говорил Флобер. И хотя понимать это нужно конечно очень условно, но в этом безусловно была доля правды. Подобно Эмме, он тяготился пошлостью окружающей жизни, подобно ей, грезил об экзотических странах, подобно ей, не примирился с этой пошлостью, не свернул на путь преуспевающего буржуа. Так своеобразно преломлялись переживания самого Флобера в этом романе, таком, казалось бы, далёком от его личной жизни. Ведь едва только перешагнув своё двадцатилетие, он всё чаще и чаще жаловался на скуку, на охватывающую его тоску, на мещанские привычки своих руанских сограждан, на узость их интересов и съедающий душу практицизм. Скепсис по отношению к современной жизни приводит Флобера к своеобразному фатализму: мир так устроен и его не переделаешь. «Почему волнуется океан? В чём цель природы? Так вот, я считаю, – писал он, – что у человечества та же самая цель; всё происходит, потому что происходит, и ничего вы, милейшие мои, не поделаете! Мы постоянно ходим всё по тому же кругу и всегда вокруг одного и того же».

К моменту появления «Госпожи Бовари» французская литература испытывала серьёзный кризис. Перед писателями Франции встал вопрос, по какому пути идти дальше: по пути, проложенному Бальзаком, или по пути романтиков. И хотя Флоберу нравилось называть себя «последним романтиком», он отчётливо заявил своим романом, что он сторонник правдивого искусства, искусства реалистического. И он доказал огромные возможности этого искусства. Потому что каждая деталь романа взята из жизни, отобрана из множества других деталей. Флобер сказал однажды, что настоящий художник должен быть подобен естествоиспытателю Кювье, который по одной лишь кости доисторического животного восстанавливал весь его облик. Так вот и настоящий писатель, отбирая характерные детали, должен дать возможность будущему читателю восстановить по этим незначительным, но ярким приметам времени историческую картину всего общества. И в «Госпоже Бовари» этот эффект разителен. И все детали, все подробности в романе подчинены единому целому, главной идее произведения. Ещё задолго до финала писатель почти неуловимыми штрихами готовит читателя к развязке. События в книге развиваются настолько естественно и непринуждённо, что кажется, что они рас-

считаны не по неделям и дням, а по часам и минутам. Писатель осуществил свой замысел, добившись необычайной полноты изображения происходящего и художественной выразительности.

Флобер закончил «Госпожу Бовари» в апреле 1856 года и отослал рукопись дю Кану для публикации её в литературном разделе журнала «Парижское обозрение». Дю Кан и редактор журнала Лорен Пиша пытаются поправить рукопись, считая, что некоторые эпизоды недостаточно нравственны. Но всё же в октябре 1856 года «Парижское обозрение» приступает к публикации романа, которая впрочем вскоре прерывается, так как власти забеспокоились и привлекли Флобера к ответственности «за оскорбление общественной морали и религии и прославление супружеских измен». Судебное разбирательство происходило в палате суда исправительной полиции. Прокурор произнёс обвинительную речь, обвиняя автора в том, что портрет Эммы «дышит сладострастием, позы, которые она принимает, будят желания». Ему не понравились некоторые любовные сцены, не понравилась сцена смерти Эммы.

Защищал Флобера адвокат Жюль Сенар, который без труда разбил доводы обвинения. Этому способствовали и некоторые, сделанные ранее, высказывания самого писателя, к примеру о том, что «Автор должен быть в своём произведении, подобно Богу во вселенной – вездесущ, но невидим; так как искусство – вторая натура, то творец её должен пользоваться аналогичными приёмами». И в соответствии с этими его мыслями его ни в чём нельзя было упрекнуть, так как он в своём романе только цитировал и описывал факты, нигде не высказывая своего личного мнения о происходящем. Флобер был оправдан, однако суд счёл нужным сделать некоторые замечания романисту «ввиду того, что не дозволено под предлогом изображения характера и местного колорита воспроизводить неподобающие факты, слова и жесты персонажей, которые писатель имел намерение нарисовать, что подобный метод, приложенный к научным произведениям, равно как и к художественным, привёл бы к некоему реализму, являющемуся отрицанием красоты и добра, и, порождая творения, одинаково оскорбительные для взоров и для ума, наносил бы постоянное оскорбление общественной морали и добрым нравам...».

Так впервые творчество Флобера оказалось связанным со словом «реализм». Но по иронии судьбы это сделал реакционный суд. После этого можно смело сказать, что Флобер продолжил дело Бальзака. И с его появлением реализм прочно утверждается во французской литературе как ведущее направление. К тому же следует отметить, что судебный процесс добился обратного результата ещё и в том, что он обеспечил невероятный всплеск популярности романа, который, после выхода в 1857 году отдельной книгой, раскупался со скоростью света. Кроме того вышедший роман вызвал большой интерес к его автору со стороны многих, уже известных современных писателей того времени, таких как Ги де Мопассан, Виктор Гюго, Эмиль Золя, Альфонс Доде, Жорж Санд, Эдмонд де Гонкур, Иван Тургенев. Между ними устанавливаются тесные дружеские отношения и многолетняя переписка. Хотелось бы здесь привести некоторые из их высказываний по поводу характеристики личности Флобера. Так например Эдмонд де Гонкур говорил о нём: «...среди всей писательской братии, с которой мне в жизни приходилось общаться, я знаю только одного человека, безукоризненно честного в самом высоком смысле слова, - это Флобер». А Ги де Мопассан отмечал трогательную наивность Гюстава, сохранённую им до самой смерти: «Исключительная врождённая прямота, непоколебимая искренность и честность, благородство, проявлявшееся во всех его чувствах, во всех движениях души, – таковы несомненные источники этой постоянной наивности». Несомненно, эти личные качества Флобера играли не последнюю роль в развитии сильных сторон его творчества.

Особенно тёплые человеческие отношения возникают у него с писательницей Жорж Санд. Она смогла распознать в одиноком, вечно ищущем уединения

Флоберу его сентиментальную и чувствительную сущность, и своим вниманием и участием разбудить в нём доселе неведомые даже ему самому чувства. Вместе с Иваном Тургеневым она неоднократно посещает его в его поместье в Круассе. Тургенев часто приглашает Гюстава в Париж, где он вместе с ним посещает салоны русской аристократии или балы, устраиваемые в честь царя. В 1866 году Флобер удостоивается посвящения в рыцари Ордена Почётного Легиона. Этим французским орденом награждались или военные за особые боевые заслуги, или люди, обладающие чрезвычайно выдающимися талантами.

В последующие годы он заканчивает свою многолетнюю работу над вторым изданием романа «Воспитание чувств». Совершает поездки в Германию и Англию.

В 1872 году умирает его горячо любимая мать, с которой исчезает привычный центр его жизни в Круассе. Мать имела очень большое значение для Гюстава. Она была его постоянным компаньоном, советчиком, вдохновителем, с которой он обсуждал все свои проблемы и вопросы, как жизненные, так и творческие. И вот её больше нет. Племянница Кэролайн, выйдя замуж, тоже покинула его. Привычная жизнь, годами текшая по однообразному, раз и навсегда проложенному руслу, которая вполне устраивала его и отвечала его духовным потребностям, закончилась. Он остался совсем один. Но его друзья, Жорж Санд и Иван Тургенев, понимая его состояние, приглашают его провести несколько недель в Нанте. Там он работает над своей театральной пьесой «Кандидат». А вернувшись в Круассе приступает к своему последнему сатирическому роману «Бувар и Пекюше», который из-за ухудшения здоровья так и не закончит, и который будет опубликован по его рукописи уже после смерти писателя.

В 1876 году умирают две дорогие ему женщины – Луиза Коле и Жорж Санд. Флобер продолжает вести уединённую жизнь в Круассе, где его время от времени посещают друзья-писатели Альфонс Доде, Эмиль Золя, Эдмонд де Гонкур, Ги де Мопассан. Именно они в мае 1880 года проводили своего друга в последний путь и попрощались с ним на монументальном кладбище Руана. В память о Флобере остались десятки его произведений, университеты и улицы, названные его именем. В Руане, в 2008 году даже построили мост Гюстава Флобера – самый высокий подъёмный мост в Европе. Но самое главное это то, что творчество Флобера повлияло на пришедших после него писателей. Если бы не было романа «Госпожа Бовари», то мир возможно не прочёл бы некоторых произведений Франца Кафки или Жан-Поля Сартра. Французские литераторы до сих пор ставят Флобера на одну ступень с такими законодателями национального творчества, как Артур Рембо и Шарль Бодлер, Стендаль и Оноре де Бальзак.

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА ГЮСТАВА ФЛОБЕРА «ГОСПОЖА БОВАРИ»

– Ты плачешь! – проговорил он. – О чем?

Эмма разрыдалась. Родольф подумал, что это взрыв накопившихся чувств. Когда же она затихла, он принял это за последний приступ стыдливости.

– О, прости меня! – воскликнул он. – Ты – моя единственная. Я был глуп и жесток! Я люблю тебя и буду любить всегда!.. Скажи мне, что с тобой?

Он стал на колени.

– Ну так вот... Я разорилась, Родольф! Дай мне займы три тысячи франков!

– Но... но... – уже с серьезным лицом начал он, медленно вставая с колен.

– Понимаешь, – быстро продолжала она, – мой муж поместил все свои деньги у нотариуса, а тот сбежал. Мы наделали долгов, пациенты нам не платили. Впро-

чем, ликвидация еще не кончена, деньги у нас будут. Но пока что не хватает трех тысяч, нас описали, описали сегодня, сейчас, и я, в надежде на твое дружеское участие, пришла к тебе.

«Ах, так вот зачем она пришла!» – мгновенно побледнев, подумал Родольф.

А вслух совершенно спокойно сказал:

– У меня нет таких денег, сударыня.

Некоторое время она смотрела на него не отрываясь.

– У тебя таких денег нет!

Она несколько раз повторила:

– У тебя таких денег нет!.. Зачем же мне еще это последнее унижение? Ты никогда не любил меня! Ты ничем не лучше других.

Она выдавала, она губила себя.

Родольф, прервав ее, начал доказывать, что он сам «в стесненных обстоятельствах».

– Мне жаль тебя! – сказала Эмма. – Да, очень жаль!..

На глаза ей попался блестящий на щите карабин с насечкой.

– Но бедный человек не отделяет ружейный приклад серебром! Не покупает часов с перламутровой инкрустацией! – продолжала она, указывая на булевские часы. – Не заводит хлыстов с золочеными рукоятками! – Она потрогала хлысты. – Не вешает брелоков на цепочку от часов! О, у него все есть! Даже погребец! Ты за собой ухаживаешь, живешь в свое удовольствие, у тебя великолепный дом, фермы, лес, псовая охота, ты ездешь в Париж... Ну вот хотя бы это! – беря с камина запонки, воскликнула Эмма. – Здесь любой пустяк можно превратить в деньги!.. Нет, мне их не надо! Оставь их себе!

И тут она с такой силой швырнула запонки, что когда они ударились об стену, то порвалась золотая цепочка.

– А я бы отдала тебе все, я бы все продала, я бы работала на тебя, пошла бы милостыню просить за одну твою улыбку, за один взгляд, только за то, чтобы услышать от тебя спасибо. А ты спокойно сидишь в кресле, как будто еще мало причинил мне горя! Знаешь, если б не ты, я бы еще могла быть счастливой! Кто тебя просил? Или, чего доброго, ты бился об заклад? Но ведь ты же любил меня, ты сам мне говорил... Только сейчас... Ах, лучше бы ты выгнал меня! У меня еще руки не остыли от твоих поцелуев. Вот здесь, на этом ковре, ты у моих ног клялся мне в вечной любви. И ты меня уверил. Ты целых два года погружал меня в сладкий, волшебный сон!.. А наши планы путешествия ты позабыл? Ах, твое письмо, твое письмо! И как только сердце у меня не разорвалось от горя!.. Оно едва не разорвало мне сердце. Как будто мало заставил ты меня страдать. А теперь, когда я прихожу к нему – к нему, богатому, счастливому, свободному – и молю о помощи, которую оказал бы мне первый встречный, когда я заклинаю его и вновь приношу ему в дар всю свою любовь, он меня отвергает, оттого что это ему обойдется в три тысячи франков!

АННА ДОСТОЕВСКАЯ

О НЕКРАСОВЕ. ИЗ «ДНЕВНИКА»

1877 год

В ноябре 1877 года Федор Михайлович находился в очень грустном настроении: умирал Н. А. Некрасов, давно страдавший какою-то мучительной болезнью. С Некрасовым для мужа соединялись воспоминания о его юности, о начале его

литературной карьеры. Ведь Некрасов был один из первых, кто признал талант Федора Михайловича и содействовал его успеху в тогдашнем интеллигентном обществе. Правда, впоследствии они оба разошлись в политических убеждениях и в шестидесятых годах между журналами «Время» и «Современник» шла ожесточенная полемическая борьба. Но Федор Михайлович не помнил зла, и когда Некрасов предложил ему поместить свой роман в «Отечественных записках», то он согласился и возобновил свои дружелюбные отношения к бывшему другу юности. Некрасов искренно отвечал на них.

Узнав, что Некрасов опасно болен, Федор Михайлович стал часто заходить к нему – узнать о здоровье. Иной раз просил ради него не будить больного, а лишь передать ему сердечное приветствие. Иногда муж заставлял Некрасова бодрствующим, и тогда тот читал мужу свои последние стихотворения и, указывая на одно из них – «Несчастные» (под именем «Крота»), – сказал: «Это я про вас написал!», что чрезвычайно тронуло мужа. Вообще последние свидания с Некрасовым оставили в Федоре Михайловиче глубокое впечатление, а потому когда 27 декабря он узнал о кончине Некрасова, то был огорчен до глубины души. Всю ту ночь он читал вслух стихотворения усопшего поэта, искренно восхищаясь многими из них и признавая их настоящими перлами русской поэзии. Видя его крайнее возбуждение и опасаясь приступа эпилепсии, я до утра просидела у мужа в кабинете и из его рассказов узнала несколько неизвестных для меня эпизодов их юношеской жизни.

Федор Михайлович бывал на панихидах по Некрасове и решил поехать на вынос его тела и на его погребение. Рано утром 30 декабря мы приехали на Литейную к дому Краевского, где жил Некрасов, и здесь застали массу молодежи с лавровыми венками в руках. Федор Михайлович провожал гроб до Итальянской улицы, но так как идти с обнаженной головой в сильный мороз было опасно, то я уговорила мужа поехать домой, а затем через два часа приехать в Новодевичий монастырь к отпеванию. Так и сделали, и в полдень были в монастыре.

Постояв с полчаса в жаркой церкви, Федор Михайлович решил выйти на воздух. Вышел с нами и Ор. Ф. Миллер, и мы вместе пошли искать будущую могилу Некрасова. Тишина кладбища произвела на Федора Михайловича умиротворяющее впечатление, и он сказал мне: «Когда я умру, Аня, похорони меня здесь или где хочешь, но запомни, не хорони меня на Волковом кладбище, на Литераторских мостках. Не хочу я лежать между моими врагами, довольно я натерпелся от них при жизни!»

Мне было очень тяжело слышать его распоряжения насчет похорон; я стала его уговаривать, уверять, что он вполне здоров и что ему незачем думать о смерти. Желая изменить его грустное настроение, я стала фантазировать насчет его будущих похорон, умоляя жить на свете как можно дольше.

– Ну, не хочешь на Волковом, я похороню тебя в Невской лавре, рядом с Жуковским, которого ты так любишь. Только не умирай, пожалуйста! Я позову невских певчих, а обедню служить будет архиерей, даже два. И знаешь, я сделаю, что за тобой пойдет не только эта громадная толпа молодежи, а весь Петербург, тысяч шестьдесят – восемьдесят. И венков будет втрое больше. Видишь, какие блестящие похороны я обещаю тебе устроить, но под одним условием, чтобы ты жил еще много, много лет! Иначе я буду слишком несчастна!

Я нарочно высказывала свои гиперболические обещания, зная, что это может отвлечь Федора Михайловича от угнетавшей его в ту минуту мысли, и мне удалось этого добиться. Федор Михайлович улыбнулся и сказал:

– Хорошо, хорошо, постараюсь пожить дольше!

Ор. Ф. Миллер сказал что-то о моей богатой фантазии, и разговор перешел на другое¹⁸.

На могиле Некрасова окружавшая ее толпа молодежи, после нескольких речей сотрудников «Отечественных записок», потребовала, чтобы Достоевский сказал свое слово. Федор Михайлович, глубоко взволнованный, прерывающимся голосом произнес небольшую речь, в которой высоко поставил талант почившего поэта и выяснил ту большую потерю, которую с его кончиною понесла русская литература. Это было, по мнению многих, самое задушевное слово, сказанное над раскрытой могилой Некрасова. Эта речь, значительно распространенная, была напечатана в декабрьском номере «Дневника писателя» за 1877 год. Она содержала в себе следующие главы: I. Смерть Некрасова. – О том, что сказано было на его могиле. II. Пушкин, Лермонтов и Некрасов. III. Поэт и гражданин. – Общие толки о Некрасове как о человеке. IV. Свидетель в пользу Некрасова. По мнению многих литераторов, статья эта представляла лучшую защитительную речь Некрасова как человека, кем-либо написанную из тогдашних критиков.

Н.А. НЕКРАСОВ: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

«Я лиру посвятил народу своему...»

Николай Некрасов родился в 1821 году в семье помещика среднего достатка в родовом имении Грешнево Ярославской губернии.

В 1832 году Некрасов поступает в Ярославскую гимназию.

В 1838 году отец Некрасова принимает решение отправить сына в Санкт-Петербург в Дворянский полк. Сам же Некрасов строит другие планы, пытаясь поступить в университет. Не поступив, посещает университет вольнослушателем.

В сентябре 1838 года в №5 журнала «Сын отечества» напечатано стихотворение «Мысль» (печатный дебют Некрасова).

¹⁸ Прошло три года, и, когда скончался Федор Михайлович и состоялись его грандиозные похороны, каких в столице доселе еще не бывало, Ор. Ф. Миллер, в скором времени навестивший меня, напомнил мне о моем почти дословном предсказании всего, что произошло. Действительно, как я предсказала, Федор Михайлович нашел место своего вечного успокоения в Александро-Невской лавре, рядом с могилой поэта Жуковского (места рядом могло и не найтись), на отпевании его тела присутствовали два архиерея и пели превосходные невские певчие; за кортежем, как я предсказала, шло 60–80 тысяч народу и несли большое количество венков. Я сама припомнила мои фантастические обещания, сказанные на кладбище Новодевичьего монастыря, но своему столь точному предсказанию нисколько не удивилась: я знала за собою способность иногда высказать предположение или замечание (совершенно случайное, как бы невольно вырвавшееся у меня в разговоре), но которое исполнялось почти буквально. Обыкновенно эта способность проявлялась у меня в тех случаях, когда мои нервы были очень расстроены, а такими именно были они, когда мы провожали Некрасова и я с беспокойством видела, до чего смерть старинного друга и современника болезненно подействовала на моего мужа. Я где-то читала, что способность некоторого как бы «провидения» присуща северным женщинам, то есть норвежкам и шведкам. Не моим ли происхождением от матери-шведки объясняется эта моя способность, доставившая мне в некоторых случаях немало неприятных минут?

В начале 1840 года Некрасов приступил к печатанию сборника «Мечты и звуки».

В феврале 1841 года в Александрийском театре поставлен водевиль «Шила в мешке не утаишь – девушки под замком не удержишь» (дебют Некрасова как водевилиста). В этом же году Н.А. Некрасов начинает работать в «Отечественных записках».

В феврале 1862 года Некрасов избран в члены Комитета Литературного фонда. В марте писатель был утвержден единоличным редактором-издателем «Современника».

С 1866 по 1876 год Некрасов продолжая издаваться в журнале «Современник», работает над поэмой «Кому на Руси жить хорошо». Умер писатель 27 декабря 1877 года, так и не закончив поэму. Он считал эту поэму делом всей его жизни.

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ СЕЛЕНЬЯХ

*Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивой силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, –
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдёт – словно солнце осветит!
Посмотрит – рублём подарит!»
Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идёт,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветёт
Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.
И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах – то готова копна!
Тяжёлые русые косы
Упали на смуглую грудь
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.
В игре её конный не словит,
В беде – не сробеет, – спасёт:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдёт!
В ней ясно и крепко сознание.
Что всё их спасенье в труде,
И труд ей несёт воздаянье:
Семейство не бьётся в нужде.*

ТРОЙКА

*Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от весёлых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу*

*Всё лицо твоё вспыхнуло вдруг.
И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченься красиво,
Загляделся проезжий корнет.
На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьётся алая лента игриво
В волосах твоих, чёрных как ночь;
Сквозь румянец, щеки твоей смуглой
Пробивается лёгкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.
Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.
Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши.
Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, –
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...*

АНДРЕЙ КЛЫЧКОВ,
Губернатор Орловской области

САМЫЙ РУССКИЙ ИЗ НАШИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Дорогие орловцы!

Поздравляю вас с 190-летием со дня рождения Николая Семёновича Лескова – великого русского писателя, нашего выдающегося земляка, ярчайшего представителя уникальной плеяды писателей-орловцев.

Лев Николаевич Толстой не случайно называл Лескова «самым русским из наших писателей». «Левша», «Очарованный странник», «Ледим Макбет Мценского уезда», «Воительница», «Соборяне», «Тупейный художник» – пожалуй, наиболее известные современным читателям произведения Лескова.

В его творчестве нашли отражение все самые глубинные характеры и многообразие неповторимого русского мира, а созданные им образы остаются с нами всю жизнь, будучи узнаваемыми с самого детства. Таков, например, Левша – прямодушный и непритязательный, но удивительно одарённый, с врождённым творческим складом и чуткой живой душой, русский человек, который всё может. Или Иван Флягин по признанию многих критиков, напоминает былинного Илью Муромца и символизирует удивительную, многих поражающую физическую силу и духовную стойкость русского народа. Герои Лескова – люди с обострённым чувством совести, не желающие мириться со злом, способные постоять за правду, которые видят в том, чтобы помогать другим остаются близкими и понятными современному читателю.

Наряду с И. С. Тургеневым, А. А. Фетом, А. Н. Апухтиным, И. А. Буниным, Л. Н. Андреевым Николай Семёнович Лесков составляет литературную славу Орловщины. Его имя – символ, неразрывно с нашим краем, городом Орлом, который во многом благодаря силе таланта великого мастера слова носит сегодня титул третьей литературной столицы России.

Пользуясь этой замечательной возможностью, хочу от всей души поблагодарить главных хранителей памяти писателя – сотрудников Дома-музея Н. С. Лескова – филиала Орловского объединённого государственного литературного музея И. С. Тургенева, – а также всех профессиональных исследователей и любителей творчества Николая Семёновича Лескова.

Вместе мы и дальше будем делать всё, чтобы сохранить и передать новым поколениям бесценное литературное наследие писателя, чьё творчество наполнено искренней любовью к Отечеству и остаётся актуальным в наши дни.

НИКОЛАЙ СЕМЁНОВИЧ ЛЕСКОВ

ПРАВЕДНИКИ

«Без трех праведных несть граду стояния».

При мне в сорок восьмой раз умирал один большой русский писатель. Он и теперь живет, как жил после сорока семи своих прежних кончин, наблюдавшихся другими людьми и при другой обстановке.

При мне он лежал, одинок во всю ширь необъятного дивана и приготавливался диктовать мне свое завещание, но вместо того начал браниться,

Я могу без застенчивости рассказать, как это было и к каким повело последствиям.

* * *

Смерть писателю угрожала по вине театрально-литературного комитета, который в эту пору бестрепетною рукою убивал его пьесу. Ни в одной аптеке не могло быть никакого лекарства против мучительных болей, причиненных этим авторскому здоровью.

– Душа уязвлена и все кишки попутались в утробе, – говорил страдалец, глядя на потолок гостиничного номера, и потом, переводя их на меня, он неожиданно прикрикнул:

– Что же ты молчишь, будто черт знает чем рот набил. Гадость какая у вас, питерцев, на сердце: никогда вы человеку утешения не скажете; хоть сейчас на ваших глазах испускай дух.

Я был первый раз при кончине этого замечательного человека и, не поняв его предсмертной истомы, сказал ему:

– Чем мне вас утешить? Скажу разве одно, что всем будет чрезвычайно прискорбно, если театрально-литературный комитет своим суровым определением прекратит драгоценную жизнь вашу, но...

– Ты недурно начал, – перебил писатель, – продолжай, пожалуйста, говорить, а я, может быть, усну.

– Извольте, – отвечал я, – итак, уверены ли вы, что вы теперь умираете?

– Уверен ли? Говорю тебе, что помираю!

– Прекрасно, – отвечаю, – но обдумали ли вы хорошенько: стоит ли это огорчение того, чтобы вы кончились?

– Разумеется, стоит; это стоит тысячу рублей, – простонал умирающий.

— Да, к сожалению, — отвечал я, — пьеса едва ли принесла бы вам более тысячи рублей и потому...

Но умирающий не дал мне окончить: он быстро приподнялся с дивана и вскричал:

— Это еще что за гнусное рассуждение! Подари мне, пожалуйста, тысячу рублей и тогда рассуждай как знаешь.

— Да я, — говорю, — почему же обязан платить за чужой грех?

— А я за что должен терять?

— За то, что вы, зная наши театральные порядки, описали в своей пьесе всех титулованных лиц и всех их представили одно другого хуже и пошлее.

— Да-а; так вот каково ваше утешение. По-вашему небось все надо хороших писать, а я, брат, что вижу, то и пишу, а вижу я одни гадости.

— Это у вас болезнь зрения.

— Может быть, — отвечал, совсем обозлясь, умирающий, — но только что же мне делать, когда я ни в своей, ни в твоей душе ничего, кроме мерзости, не вижу, и за то суще мне господь бог и поможет теперь от себя отворотиться к стене и заснуть со спокойной совестью, а завтра уехать, презирая всю мою родину и твои утешения.

И молитва страдальца была услышана: он «суще» прекрасно выпался и на другой день я проводил его на станцию; но зато самим мною овладело от его слов лютое беспокойство.

«Как, — думал я, — неужто в самом деле ни в моей, ни в его и ни в чьей иной русской душе не видать ничего, кроме дряни? Неужто все доброе и хорошее, что когда-либо заметил художественный глаз других писателей, — одна выдумка и вздор? Это не только грустно, это страшно. Если без трех праведных, по народному верованию, не стоит ни один город, то как же устоять целой земле с одной дрянью, которая живет в моей и твоей душе, мой читатель?»

Мне это было и ужасно, и несносно, и пошел я искать праведных, пошел с обетом не успокоиться, доколе не найду хотя то небольшое число трех праведных, без которых «несть граду стояния», но куда я ни обращался, кого ни спрашивал — все отвечали мне в том роде, что праведных людей не видывали, потому что все люди грешные, а так, кое-каких хороших людей и тот, и другой знавали. Я и стал это записывать. Праведны они, думаю себе, или неправедны, — все это надо собрать и потом разобрать: что тут возвышается над чертою простой нравственности и потому «свято господу».

НАШЕ СЕЛО

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВА

«ЩЁЛКОВО АГРОХИМ» - ТЕРРИТОРИЯ РЕКОРДОВ

*В ООО «Дубовицкое», несмотря на аномальную погоду,
получают рекордные урожаи*

В опытном хозяйстве ООО «Дубовицкое» Малоархангельского района с каждого гектара собрали 56,4 ц зерна, что на 13 ц больше, чем в среднем по области.

Высоким в хозяйстве также будет сбор кукурузы и сои – убедились участники Дня сои и кукурузы, организованного одним из крупнейших в стране производи-

телей химических средств защиты растений (СЗР) «Щёлково Агрохим» на полях «Дубовицкого». Это принцип – делиться производственными секретами, собирая научно-практические семинары не в кабинетах, а непосредственно на земле.

Ведь на месте можно воочию увидеть состояние поля в целом, оценить растение от корешка до продуктивной части – початка, колоса, боба.

Реальные результаты убеждают лучше, чем презентация на экране: работа по науке, как на сельхозпредприятии «Дубовицкое», обеспечивает урожайность, а, следовательно, положительную экономику сельхозпроизводства.

Химзащита по правилам

Наука в День сои и кукурузы в «Дубовицком» присутствовала даже в установленных на площадке для семинара инсталляциях. В многогранных сооружениях из пластин легко угадывались художественные образы элементов химических соединений. А поставленные внутри скульптурные изображения семян, растений, животных символизировали, что правильная химия несёт защиту всему живому.

– Химические средства защиты необходимы растениям, чтобы сберечь их от болезней и вредителей. Люди ведь принимают химические средства защиты здоровья, – замечает генеральный директор «Щёлково Агрохим» доктор химических наук, академик РАН Салис Каракотов.

ООО «Дубовицкое» как производитель сельскохозяйственных культур даже в этот засушливый год стало успешным на фоне применения новых технологий землепользования. И тема технологических аспектов возделывания сельхозкультур в условиях аномального климатического сезона стала ведущей на семинаре.

– Погода бывает разная, а результат нужен всегда высокий, – подчёркивает в приветственном слове участникам Дня сои и кукурузы заместитель председателя правительства Орловской области по развитию АПК Сергей Борзёнков.

На демонстрацию передового опыта на поля «Дубовицкого» съехались более двухсот представителей аграрного комплекса страны: специалисты по защите растений, руководители и специалисты аграрных холдингов и самостоятельных хозяйств, представители органов управления агропромышленных комплексов.

– Миссия «Щёлково Агрохим» – это ещё и укрепление дружбы, создание научно-производственных связей, – говорит руководитель агрохолдинга Салис Каракотов.

– Конференция по-настоящему обеспечивает связь науки и практики, – отмечает ректор Орловского ГАУ им. Н. В. Парахина Владимир Масалов. – Здесь можно наглядно убедиться в эффективности внедряемых новшеств. За этим идут на работу в компанию 90 % наших выпускников-аграриев.

Разворот тренда

Вклад компании «Щёлково Агрохим» в развитие сельскохозяйственной отрасли страны, выращивание рекордных урожаев, рост экспортного потенциала российского АПК беспрецедентен.

В стране ежегодно в среднем на 10 % увеличивается использование средств защиты растений. Растёт применение всех их видов: гербицидов, фунгицидов, протравителей семян. В этом году вырос спрос на инсектициды: с потеплением растёт вредоносность насекомых.

Линейка препаратов «Щёлково Агрохим» состоит из качественных и эффективных продуктов, многие из которых являются инновационными. При плане компании реализовать в этом году 30 тыс. тонн препаратов будет реализовано 32 тыс. тонн.

– На средствах защиты растений экономить нельзя, – уверен Салис Каракотов. – Применение СЗР в повышении урожайности агрокультур и выход России на ведущие позиции в мире по производству продовольствия имеют такое же значение, как селекционные достижения, применение энергонасыщенной техники, современные технологии возделывания почвы. Средства защиты растений – это главный аргумент в росте урожайности.

СЗР показывают беспрецедентное влияние на достижения растениеводства. При этом Россия находится на последнем месте в Европе по пестицидной химизации. В Европе достигли внесения 9 – 10 кг СЗР на один га, а в России этот показатель меньше двух кг.

– Применение СЗР должно расти, а их стоимость расти не должна, – подчёркивает Салис Каракотов.

Это принципиальная позиция «Щёлково Агрохим», несмотря на мировой тренд роста цен, в частности, на металл, древесину, строительные товары и минеральные удобрения.

Экономический аспект

Каждый обучающий семинар «Щёлково Агрохим» кроме изучения технологий возделывания и обработки агрокультур в обязательном порядке касается распространения накопленного опыта в повышении рентабельности производства.

– Организация улучшения экономики сельского хозяйства – стержневой принцип «Щёлково Агрохим», – делает акцент Салис Каракотов.

В ООО «Дубовицкое» за последние 15 лет урожайность выросла по всем культурам на 30 – 50 %. С ростом урожайности растут затраты на удобрения, стоимость которых постоянно увеличивается. Сегодня это проблема для всех аграриев страны.

Что же можно предпринять совместно со «Щёлково Агрохим», чтобы уменьшить применение удобрений и сохранить урожайность? Среди основных рекомендаций – работа с листовыми подкормками.

– Листовые подкормки в значительной мере заменяют минеральные удобрения, – разъясняет Салис Каракотов.

– На наших предприятиях уже проверено: за счёт листовых подкормок можно снизить дефицит элементов питания растений, – подтверждает главный агроном агрохолдинга «Волго-Дон Агроинвест» Михаил Бохолдин.

Соя, кроме того что является высокодоходной культурой, способствует естественному накоплению в почве азота, который на гектаре заменяет до 1,5 ц селитры. А это на гектаре даёт экономию 3 тыс. рублей.

Соя и кукуруза в Орловской области занимают 20 % посевных площадей: 130 тыс. га – кукурузы, 126 тыс. га – сои. Посевы сои планируется расширить до 150 тыс. га.

– Начинали с 500 га, – вспоминает научный руководитель Федерального научного центра зернобобовых и крупяных культур, член-корреспондент РАН, доктор сельхознаук, профессор Владимир Зотиков. – За эти годы создано 10 сортов сои орловской селекции. Благодаря открытию на базе ФНЦ селекционно-семеноводческого центра сои выведение новых конкурентоспособных сортов вышло на новый уровень.

Все сорта орловской селекции представлены на опытных участках ООО «Дубовицкое», и по каждому получен хороший результат. В том числе за счёт применения отдельных препаратов производства «Щёлково Агрохим», которые нивелируют воздействие засухи на агрокультуры. Всего в «Дубовицком» испытывают 18 сортов сои отечественной и иностранной селекции и 74 гибрида кукурузы.

– Наши знания таковы, что любой сезон для любых агрокультур будет успешным, – комментирует генеральный директор ООО «Дубовицкое» Борис Волков.

Стоимость применения препаратов по противодействию засухе – 150–500 рублей на гектар, отдача – 10 тысяч рублей с гектара и выше. Старая истина «копейка рубль бережёт» оправдана на 100 %.

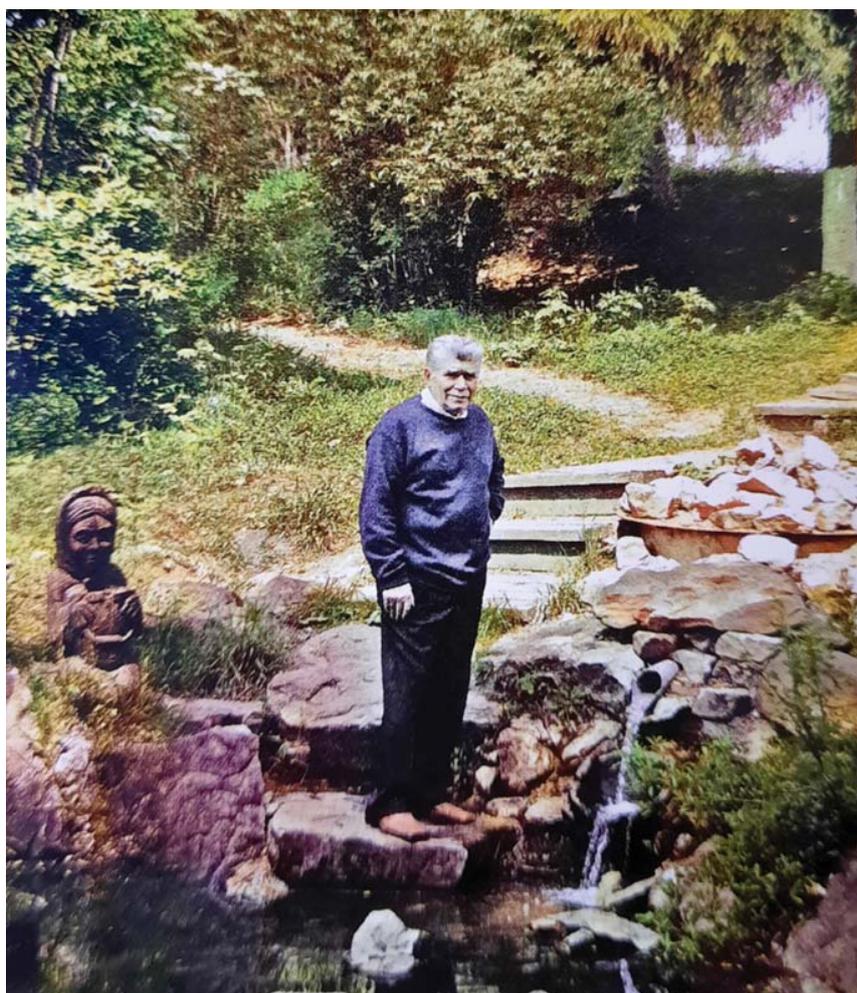
– Приехали учиться технологиям, чтобы иметь у себя такие же красивые поля, как в «Дубовицком», а получили ещё и урок экономики! – благодарит организаторов Дня сои и кукурузы руководитель саратовской делегации Айса Акчуринов.

– «Щёлково Агрохим» призывает аграриев обратить внимание на собственные возможности и расширить их при участии нашей компании, – резюмирует генеральный директор Салис Каракотов.

ФОТООКНО

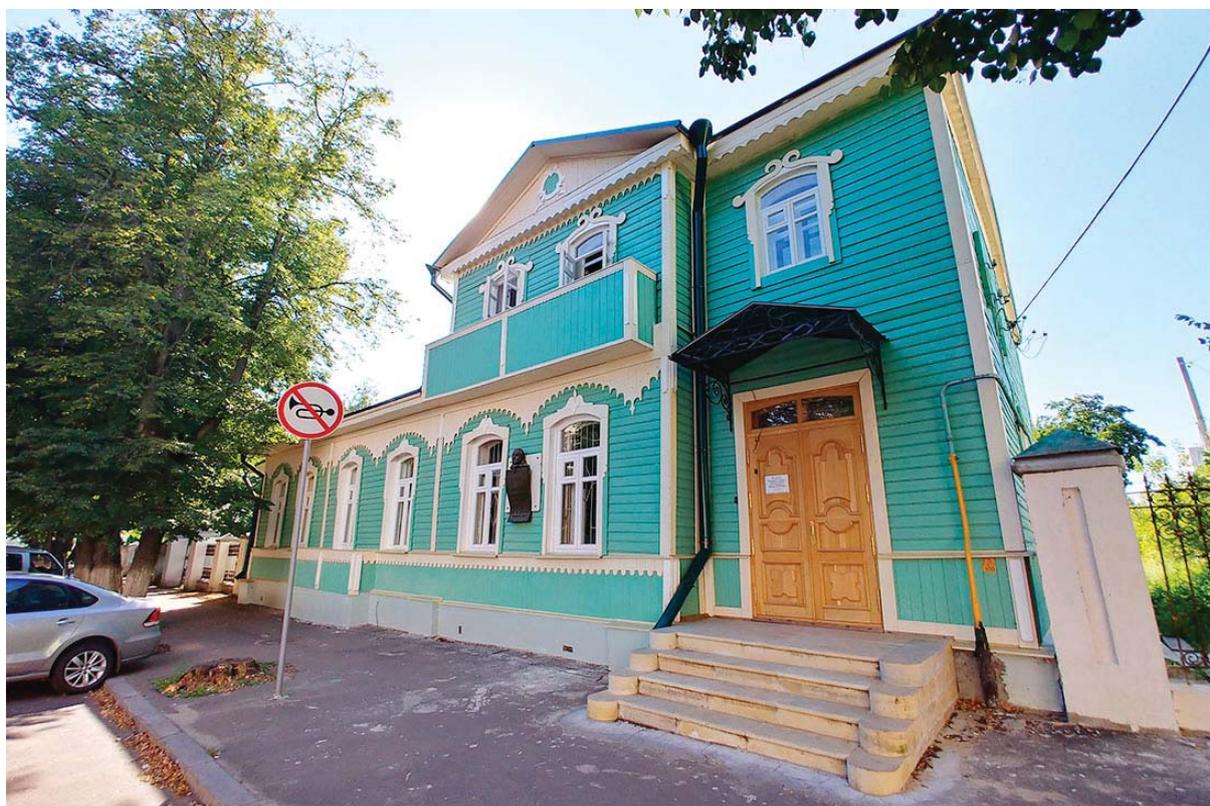
Стрелка – место слияния рек Ока и Орлик

*Исток Оки
за станцией
Малоархангельск*

*Памятник Н.С. Лескову
перед храмом
Михаила Архангела*

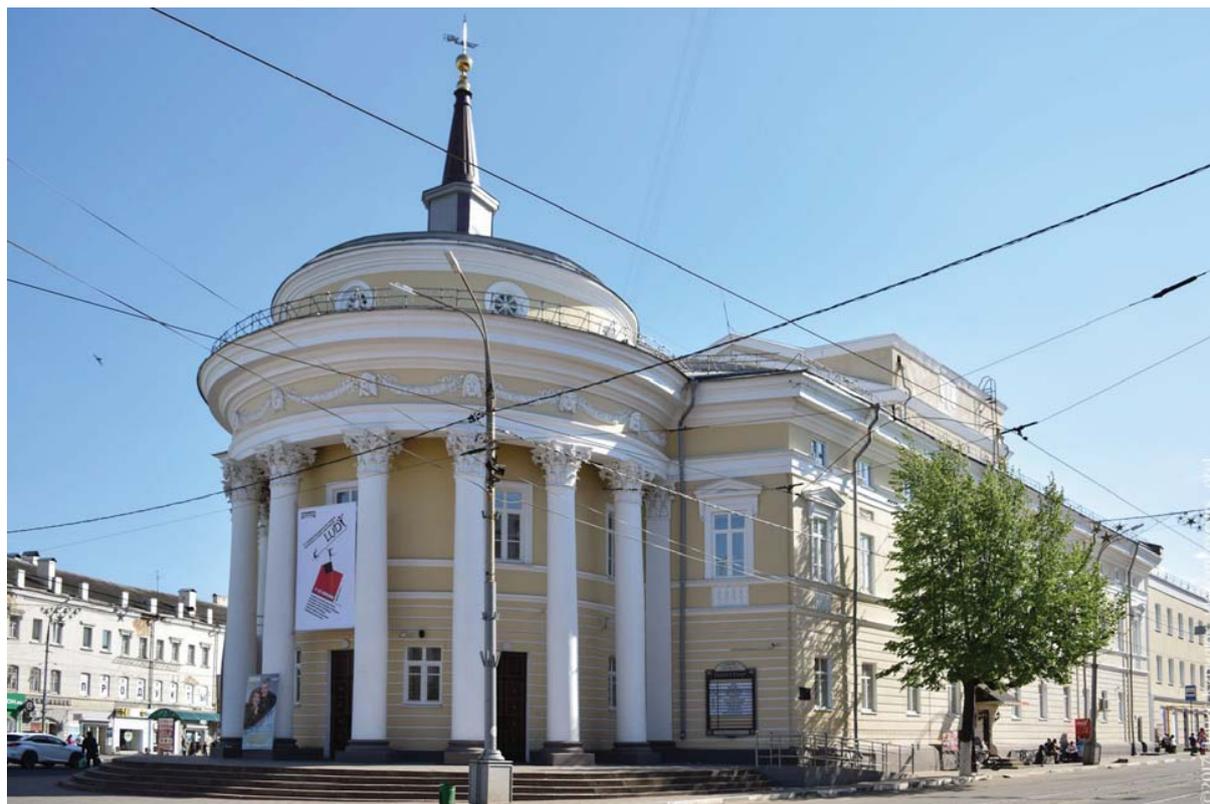
Музей Н.С. Лескова

Орловская областная библиотека им. И.А. Бунина

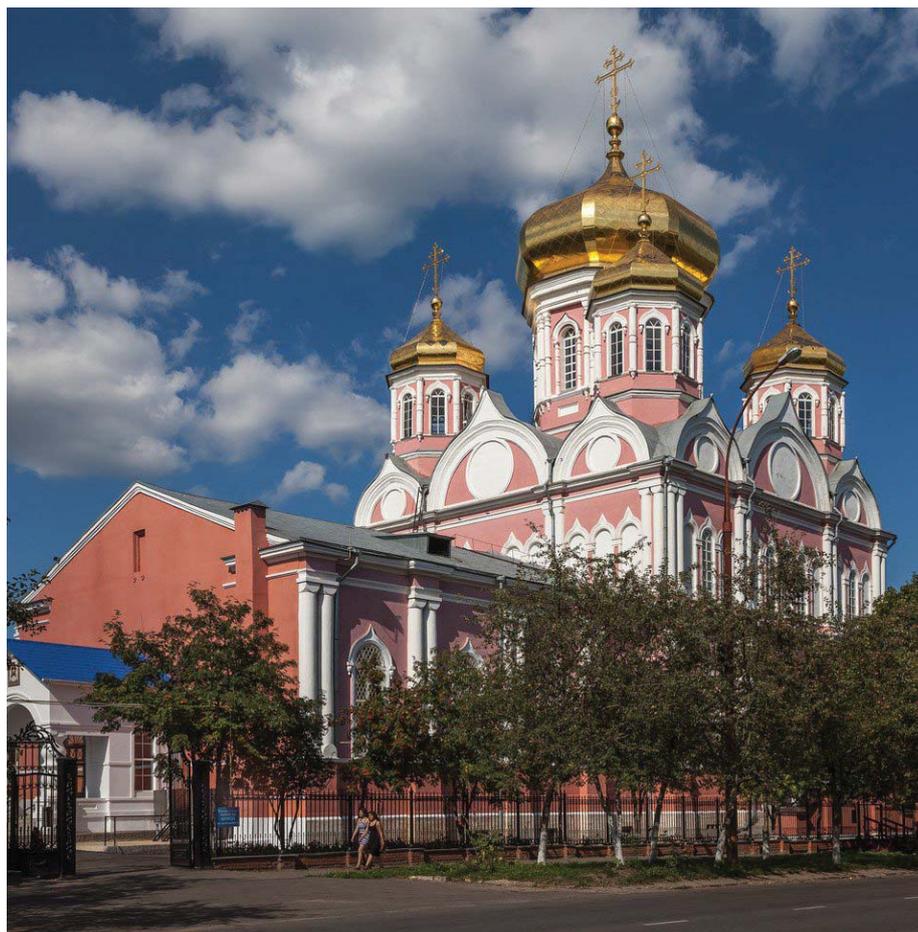
Памятник И.А. Бунину

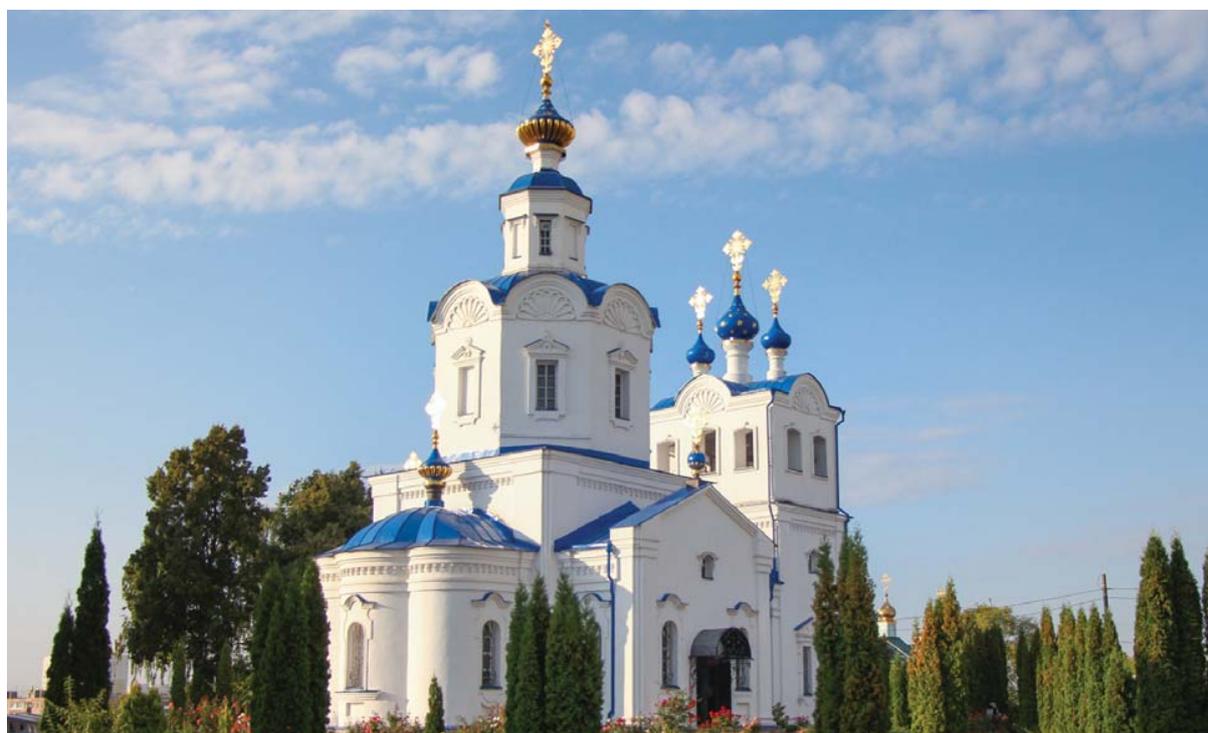
Театр «Свободное пространство»

Александровский мост

Храм Смоленской иконы Божией Матери

Свято-Успенский мужской монастырь

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО КОЛОНКИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	7
В ПАМЯТЬ О ПИСАТЕЛЕ.....	7
КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЁТСЯ... ..	8
ОТКЛИКИ О ЖУРНАЛЕ «РУССКОЕ ПОЛЕ»	8

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БЛОК

<i>ВАЛЕРИЙ АНИШКИН</i>	
ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД НА НЕКОТОРЫЕ ВЕЩИ	10
<i>ВЛАДИМИР ВЕЩУНОВ</i>	
МАЛЬЧИК И ЛОСЬ	17
<i>ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА</i>	
ТОЛЬКО Б НЕ БЫЛО ВОЙНЫ	32
«ОСЕННЕЕ ПРИЧАСТИЕ».....	37
<i>ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН</i>	
БЕЛЫЕ ГУСИ ПО СИНЕЙ ВОДЕ	40
<i>ГЕННАДИЙ ВЕРКЕЕНКО</i>	
ДУПЛЕТ... И ДВА КОРОТКИХ... ..	48
<i>ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ, ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ</i>	
РАДУНИЦА 2020 ГОДА	52
<i>ЛЮДМИЛА ИВАНОВА (ПРЕСНОВА)</i>	
НЕМНОГО ИЗ ПОШЕХОНСКОЙ СТАРИНЫ. ВАНИНА ПЕСНЯ	54
<i>ГАЛИНА МАМЫКО</i>	
ОШИБКА	58
<i>ГЕННАДИЙ МАЙОРОВ</i>	
НЕ ПРИЕЗЖАЙ, ЛЮБИМЫЙ!.....	66
<i>ВАЛЕРИЙ ПРОТАСОВ</i>	
«НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ...»	74
<i>ЗОЯ ТАРАБРИНА</i>	
ПЕВЕЦ ОРЛОВЩИНЫ	82
<i>ВЛАДИМИР САМАРИН</i>	
КАК ШОЛОХОВ КОВАЛ ПРОЛЕТАРИЕВ.....	85
<i>ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВА</i>	
НЕЧАЯННОЕ НАПОМИНАНИЕ О ВОЙНЕ.....	88
<i>МИХАИЛ ТУРБИН</i>	
ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ.....	89
<i>ДМИТРИЙ БЫКОВ</i>	
ВЕРСИЯ.....	91
<i>ИГОРЬ ЗОЛОТАРЕВ</i>	
УРОКИ ЛИТЕРАТУРЫ	96

ПОЭЗИЯ

<i>ВАСИЛИЙ КАТАНОВ</i>	99
<i>ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ</i>	100

ВАЛЕНТИНА КОРНЕВА	102
ВИКТОР САДОВСКИЙ.....	107
ЕЛЕНА ПИМКИНА	114
АНДРЕЙ ВОРОНОВ.....	117
ВАЛЕНТИНА ПОРСЕДДА	125
ОЛЬГА СОКОВА	127
АНДРЕЙ ФРОЛОВ	132
ГЕННАДИЙ ВЕРКЕЕНКО	133
АНТОНИНА СЫТНИКОВА.....	138
МИХАИЛ ТУРБИН	142

ДЛЯ ДЕТЕЙ

ВАЛЕНТИНА КОРНЕВА	146
-------------------------	-----

РЕЦЕНЗИИ, МНЕНИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

ВАЛЕНТИНА ГУСАКОВА «КОГДА В ДУШЕ ПОКОЯ НЕТ ...».....	152
ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВА ЧЕМ ПОХОЖИ АННА КАРЕНИНА И ЭММА БОВАРИ.....	158
ИГОРЬ ЗОЛОТАРЕВ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ ПОЛЕ» № 10.....	163
ОБЗОР ЖУРНАЛА «РУССКОЕ ПОЛЕ» №11	165

КЛАССИКИ-ЮБИЛЯРЫ:

200 ЛЕТ – Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ, Г. ФЛОБЕР, Н.А. НЕКРАСОВ,
190 ЛЕТ – Н.С. ЛЕСКОВ

ОЛЕГ ОСМОЛОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТОД ДОСТОЕВСКОГО	171
ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»	172
ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВА ОДИНОКИЙ РЫЦАРЬ СЛОВА	174
ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА ГЮСТАВА ФЛОБЕРА «ГОСПОЖА БОВАРИ»	184
АННА ДОСТОЕВСКАЯ О НЕКРАСОВЕ. ИЗ «ДНЕВНИКА»	185
Н.А. НЕКРАСОВ: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА.....	187
АНДРЕЙ КЛЫЧКОВ САМЫЙ РУССКИЙ ИЗ НАШИХ ПИСАТЕЛЕЙ	189
НИКОЛАЙ СЕМЁНОВИЧ ЛЕСКОВ ПРАВЕДНИКИ	190

НАШЕ СЕЛО

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВА.....	191
«ЩЁЛКОВО АГРОХИМ» – ТЕРРИТОРИЯ РЕКОРДОВ.....	191
ФОТООКНО.....	195

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№12

*Благодарим всех, кто помог издать этот номер журнала,
всех авторов, приславших свои произведения
в журнал.*

Подписано в печать 29.09.2021 г.
Формат 84x108 1/8. Усл. п. л. 25.
Бумага офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Новое время»
ул. Итальянская, 23